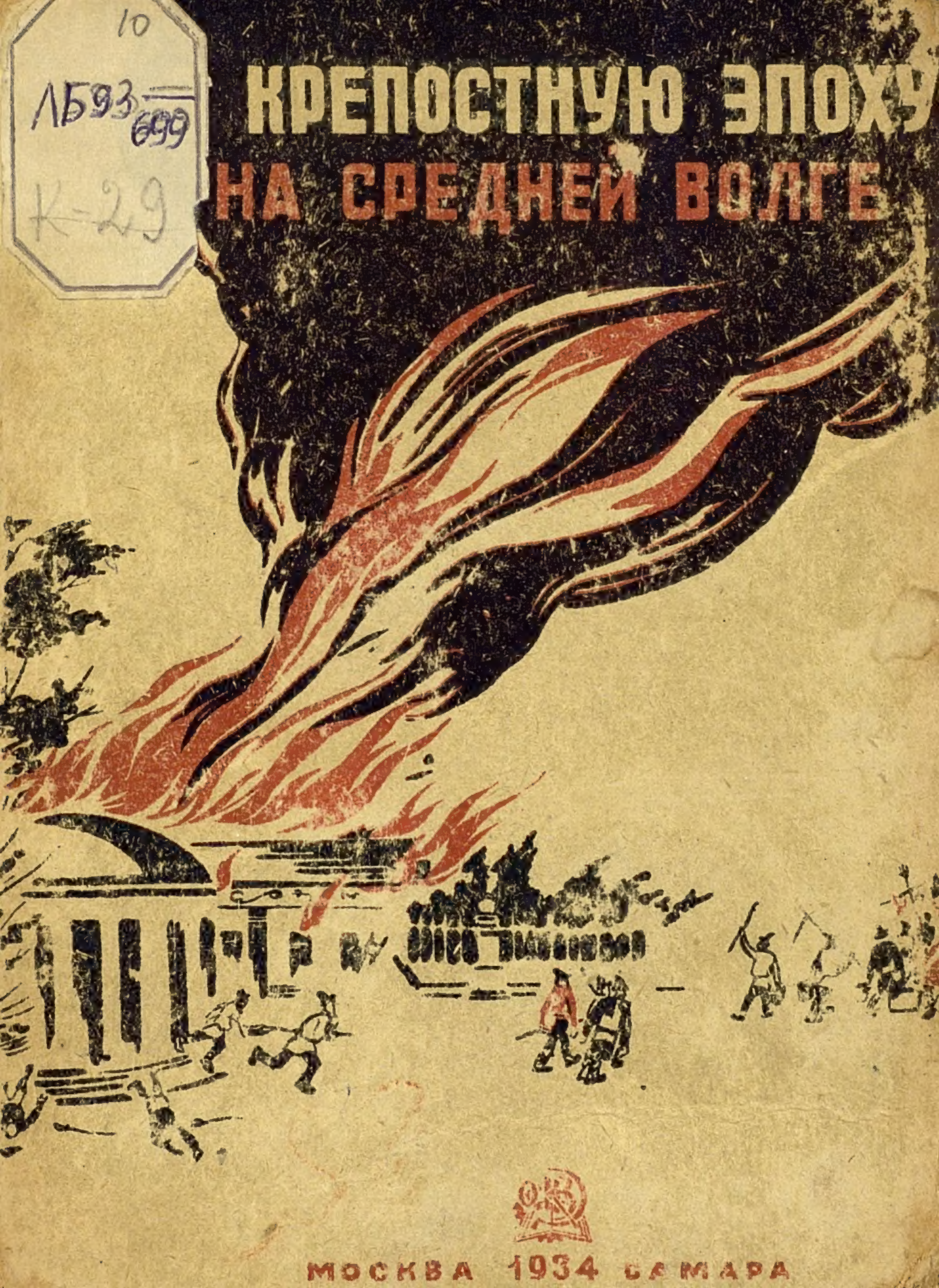

10
ЛБ93
699
К-29
КРЕПОСТНУЮ ЭПОХУ
НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ
МОСКВА 1934 САМАРА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач________

Вологда, тип. „Сев. Печатник“. Зак. 1030

И. КАТАЕВ, В. ЛЕВАШОВ,
К. САЛЬНИКОВ, Л. ВЕНЕДИКТОВ

В КРЕПОСТНУЮ ЭПОХУ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. И. КАТАЕВА

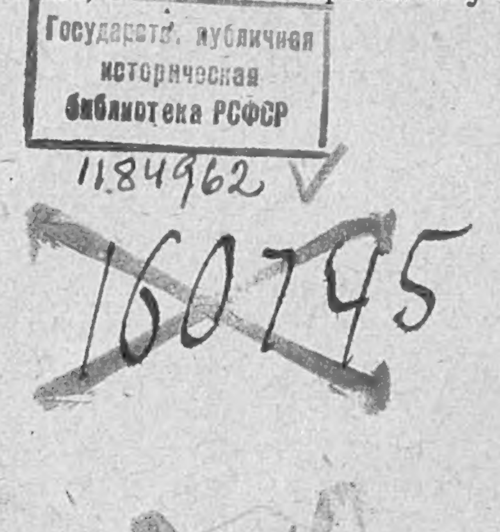

СРЕДНЕВОЛЖСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934 САМАРА

Книга—сборник статей, посвященных отдельным вопросам крепостной эпохи на территории нынешнего Средневолжского края. Читатель, кроме общих сведений о колонизации, классовой борьбе, системе крепостного хозяйства в крае, найдет много монографического материала об отдельных селах и деревнях, изнывавших под гнетом крупных и мелких помещиков.

Книга рассчитана на широкий читательский актив, но главным образом на учащуюся молодежь.

И. Катеев, В. Левашов, К. Сальников, Л. Венедиктов.
В крепостную эпоху на Средней Волге, очерки из истории края, под редакцией проф. И. Катаева.

Средневолжское краевое издательство, Самара, 1934 г.

Редактор изда-ва Г. Семенов. Техред П. Кравцов и Л. Калистратов.

Сдано в наб. 17 мая. Подписано к печати 18/VII—1934 г. Формат 72×110/32. Тираж 5000 экз.

Издательских листов 6 1/2. Бумажных листов 3 1/4. В бумажн. листе 138 000 зн.
Инд. VI—II 86. СВГИЗ № 2263. Крайлито № 431 от 28/V—1934 г.

Типография им. Мяги треста Полиграфкнига.
Заказ № 1028.
Самара, Галактионовская, 20.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Местными партийными и научными организациями опубликован в печати ряд изданий, позволяющих широким читательским массам ознакомиться с такими боевыми вопросами революционного движения в Средневолжском крае, как история Октября, гражданской войны, революции 1905 г. Поставлен на очередь вопрос о разработке истории пролетариата, отдельных фабрик и заводов, игравших наиболее крупную роль в политической и экономической жизни края.

Волею партии и советской власти, творческим энтузиазмом трудящихся масс Средневолжский край изменяется на наших глазах, превращаясь из отсталого аграрного в индустриально-аграрный край с высокой сельскохозяйственной техникой. Мелкобуржуазные массы крестьянства, составляющие огромный процент населения края, переделываются в колхозников, под руководством пролетариата строящих новое, социалистическое общество.

Но если пролетарию важно быть в курсе своего революционного прошлого, знать все те тернистые пути, которыми рабочий класс шел к победе над капитализмом, то и колхознику не менее важно ознакомиться с той мрачной эпохой, когда он находился под жестокой пятой феодала-помещика и капиталиста.

Наши архивы таят в себе много ярких материалов первоисточников, которые позволяют вскрыть важнейшие моменты классовой борьбы в феодально-крепостническую эпоху. В особенности много таких материалов, освещающих позднейшую эпоху крепостничества XVIII и первой половины XIX в.,—это уже период разложения феодализма, усиления эксплоатации и жестокости крепостников под влиянием начавших развиваться в его недрах капиталистических отношений.

Авторы настоящего сборника использовали имевшийся в их распоряжении богатый материал краевого архива и его отделений (в Ульяновске и Оренбурге) для составления ряда очерков, посвященных характеристике в свете основных принципов марксистско-ленинской методологии крепостной эпохи в истории Средневолжского края.

К сожалению, в наших архивохранилищах не сохранилось материалов, относящихся к более ранним эпохам массовых революционных движений крестьянства XVII—XVIII вв.—Разинщины и Пугачевщины. Правда, для характеристики бунтующего Поволжья в эпоху Пугачевщины мы имеем великолепный материал, собранный и опубликованный

Центральным архивом в трех томам под редакцией М. Н. Покровского. Так как главным театром Пугачевщины были как раз губернии Оренбургская, Самарская и Пензенская, вошедшие в состав Средневолжского края, то поэтому, естественно, указанный трехтомник Центрархива дает достаточно колоритный материал для истории Пугачевщины в нашем крае.

Этот материал и положен в основу статьи, вошедшей в содержание настоящего сборника под заглавием «Пугачевщина на Средней Волге». Для более ранней эпохи, отраженной в статье «Заселение Поволжья и казацко-крестьянское движение в XVII в.» автору пришлось ограничиться печатной литературой, кстати сказать, весьма скудно освещающей этот вопрос и сомнительной в методологическом отношении. Для статьи «Национально-колониальная политика царского правительства», кроме печатной литературы, использованы материалы оренбургских архивных фондов.

Далее в сборнике мы даем три статьи, характеризующие крепостничество на Средней Волге в первой половине XIX в. Эти статьи составлены полностью на основании первоисточников наших архивохранилищ. Мы берем конкретный материал, относящийся к определенной местности, к определенным действующим лицам, и на этих конкретных примерах хотим вскрыть как в условиях нашего края преломились основные черты феодально-крепостнической формации, в чем заключались специфические особенности феодального способа производства, как складывались взаимоотношения господствующего и угнетенного классов и в какие формы вылились способы эксплоатации последнего первым. В первой из этих статей: «Крепостное вотчинное хозяйство крупного магната на Самарской Луке», на основании богатейшего вотчинного архива графов Орловых-Давыдовых мы характеризуем один тип феодальных отношений и крепостной эксплоатации, как они сложились в условиях огромного вотчинного хозяйства, не только земледельческого, но и промышленного, доставлявшего владельцу-феодалу немалые доходы за счет пота и крови жившего на его землях крепостного населения. Интерес используемых в этой статье материалов усиливается благодаря тому, что они относятся к близкой и знакомой нам местности Самарской Луки с раскинувшимися на ее территории селами и деревнями. Читатель на основании их получает возможность ознакомиться с тем, что представляли Жигули в крепостную эпоху.

Статья «Крепостные крестьяне дер. Якутино и помещик Племянников», наоборот, дает красочный пример мелкопоместного крепостника и тех способов эксплоатации, которые применялись им в примитивно грубой, неприкрытой жестокой форме. В статье «Из прошлого села Смоленского-Державина» излагается характерный эпизод, как крепостные крестьяне, принадлежавшие некогда известному поэту Державину, добивались воли на основании оставленного их владельцем завещания, но не могли ничего добиться, так как столкнулись с алчностью крепостников-наследников Державина.

Наконец последняя статья в сборнике посвящена заключительному этапу крепостной эпохи—проведению так называемой «освободительной» ре фомы 1861 г. в Самарском крае. При этом вскрывается грабительский характер этой реформы, приведшей крестьян в кабалу к помещикам, получившим благодаря этой реформе возможность новой жестокой эксплоатации крестьян, но уже в новых условиях—капиталистического строя.

Сборник предназначается для массового, но подготовленного читателя и может быть использован при изучении истории края в старших классах средней школы и в вузах.

Январь 1934 г. *И. Катаев*

ЗАСЕЛЕНИЕ ПОВОЛЖЬЯ И КАЗАЦКО-КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В XVII ВЕКЕ

1. СРЕДНЕВОЛЖСКИЙ КРАЙ В ОТДАЛЕННОМ ПРОШЛОМ

Средневолжский край в настоящем представляет огромную территорию около 250 000 кв. км с населением в 8 миллионов человек, с разнообразными климатическими и почвенно-геологическими условиями, с огромными запасами разнообразнейших полезных ископаемых, обеспечивающих неисчерпаемые возможности в развитии края. В своем современном административно-географическом составе край образовался при районировании в 1928 г.

Исторические судьбы края в отдаленное время в значительной степени определялись его географическим положением и природными условиями. Обширное его пространство не представляло однородного географического целого: приблизительно оно делится на две неодинаковые по природе части. Северная часть исстари была богата лесами и водой, что прежде всего давало возможность заняться лесными промыслами и рыболовством. Южная половина края, в особенности Заволжье, представляла собой продолжение великой Среднеазиатской степно-пустынной области, служившей воротами, ведущими из Азии в Европу. Через них проходили многие кочевые народы и, пользуясь богатством степей и вод Волжского бассейна, здесь временно оставались на жительство, сменяя друг друга, в результате взаимной борьбы. Этим обусловливается разнообразный

национальный состав нижнего и среднего Поволжья в родовую эпоху.

По низовьям Волги до Донского волока (Волго-Дон) с VI в. нашей эры возникло могущественное Хазарское царство, очень пестрое по своему населению, знаменитое торговлей и богатыми городами, каковы Итиль, близ нынешней Астрахани, и Саркел (иначе Белая Вежа) по среднему течению Дона.

К северу от хазар, по р. Волге и р. Яику (Уралу) одно время жили печенеги; по отзывам восточных писателей— самое воинственное из всех тюркских племен. В конце IX в. они передвинулись за р. Дон, в черноморские степи.

По землям бывших уездов Самарской губернии: Бузулукского, Бугульминского и отчасти Пугачевского (б. Николаевского), исстари кочевали башкиры, о которых арабские писатели начинают упоминать уже с IX в. Ибн-Даста (начало X в.) говорит, что «между землею печенегов и землею болгарских эсегель лежит первый из краев мадьярских. Мадьяры — это тюркское племя. Живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища». Здесь под именем мадьяр разумеются башкиры: у арабов наименование унгар—маджгар—башкир употребляется постоянно одно вместо другого.

Северные части нашего края входили в область влияния поволжских болгар. По мнению современных ученых, потомки значительного некогда болгарского народа сохранились в лице чуваш. Старинные насельники Среднего Поволжья, волжские болгары, давно были известны арабам, как посредники в европейской торговле. У болгар были большие города (главный из них — Великий Булгар близ нынешнего Спасска, Татарской АССР) с каменными постройками общественного значения, были свои архитекторы. Сохранялся обычай летом переселяться в особое жилье, но господствующий образ жизни был прочно-оседлый и процветало земледелие: сеяли пшеницу, просо, ячмень. Было много скота.

В XIII в. Среднее Поволжье подверглось нашествию татарского завоевателя Батыя. На р. Яике (ныне р. Урал) Батый с 300 тысячами своего войска разбил передовые болгарские отряды и покорил все Среднее и Нижнее Поволжье. На Нижней Волге возникло татарское царство так называемой Золотой Орды с столицей Сараем, на границе бывших губерний Самарской и Астраханской. Путешественники XIII в. и старинные карты XIV—XV вв. указывают кроме того ряд других татарских городов, как например: Уккек (близ Саратова), Суммеркент, Больджаман (около Дубовки) и др.

В половине XIV в., вследствие внутренних междоусобий, возникших между крупными родовыми представителями золотоордынских татар, богатство и благосостояние Золотой Орды начинает клониться к упадку, а в самом конце этого века Орда подверглась удару от нового завоевателя Тамерлана. Это обстоятельство ускорило ее распад на отдельные царства (Казань—половина XV в., Астрахань, Крым) и подготовило в дальнейшем завоевание Казани и Астрахани Москвою.

После распада Золотой Орды потомки золотоордынских татар становятся известными под именем Больших Ногаев, или Ногайской орды. С половины XVII в. ногайцам пришлось столкнуться с сильным соперником в лице вновь переселившегося из Азии, именно из Джунгарии, калмыцкого народа. Калмыки показали себя храбрыми воителями. В 1639 г. десять тысяч калмыков делают даже попытку взять г. Самару. В 1644 г. самарский воевода Плещеев нанес калмыкам серьезное поражение.

Последними по времени поселенцами в Поволжье, до прихода сюда русских, были казаки (киргизы), или киргиз-кайсаки. Обломок великого царства Чингисхана, киргиз-кайсацкий народ—«казацкая орда»—становится известен русским властям еще при Грозном, когда киргизы делали нападение на ногайские улусы. В самом начале XIX в. часть киргиз-кайсаков под предводительством султана Букея переселилась в б. Астраханскую губ. и

положила основание внутренней, или Букеевской орде. Помимо этих народов, некогда населявших Поволжье, на территории края издавна жили оседло и занимались земледелием ряд финских и тюркских племен: мари (черемисы), мордва, чуваши и другие народы. Более поздними поселенцами появляются здесь русские.

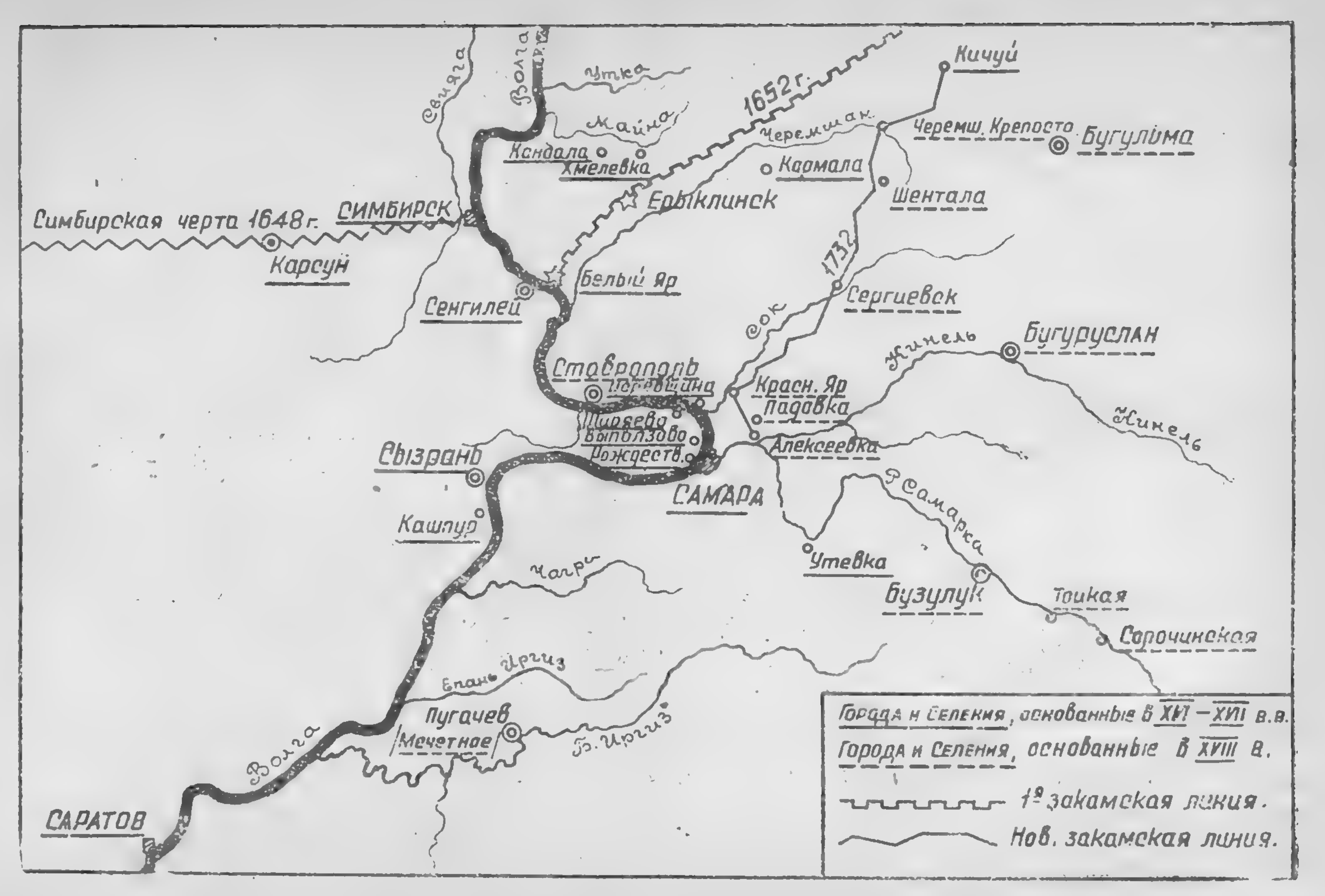
Однако более определенные исторические данные (по свидетельству арабских писателей) позволяют утверждать, что до завоевания Казани и Астрахани русские люди (руссы) пускались по Волге на своих «ладьях» (лодках) сначала для грабежа, а потом с промышленно-торговыми целями. Настоящая же колонизация нашего края русским народом началась во второй половине XVI в. Это время характеризуется развитием крепостного права, развитием русского торгового капитала с его стремлением на юго-восток с целью захвата и эксплоатации здесь новых колоний. Таким образом в орбиту революционного движения глубокого прошлого нашей страны, наряду с прочими далекими окраинами-колониями Московского государства того времени, постепенно втягивалось и Среднее Поволжье, которое являлось потом одной из главных арен политической и социальной борьбы почти во все время существования самодержавия в России.

2. РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ПОВОЛЖЬЯ XVI—XVII ВЕКОВ

Разложение феодализма, начавшееся в XVI в., породило новые отношения, выразившиеся в переходе власти в Московском государстве от старого феодального боярства к новым феодальным группам, которые приспособляли свои хозяйства к рыночным отношениям. Эти последние находились в тесной связи с теми колоссальными сдвигами, которые происходили в это время в Западной Европе. Захват и грабежи колоний и развитие мировой торговли втянули в водоворот международных событий и Московское государство. Упорные войны Москвы из-за

берегов Балтийского моря, захват ряда укрепленных пунктов в Сибири, продвижение в районы татарских царств, вторжение в Придонскую степь, борьба с Польшей — все это стоит в тесной связи с колониальными захватами западно-европейской торговой буржуазии. Таким образом Поволжье явилось одним из объектов колониальной политики Московского государства в угоду групп «новых» феодалов и крупного купечества, ради которых велся ряд войн, в частности за овладение торговыми путями на восток.

Как результат этой политики, последовал разгром Казанского и Астраханского царств и захват территории народов Поволжья — мари, чувашей, вотяков, мордвы и др. Эти земельные «приобретения» среднего и нижнего Поволжья, за счет которых территориально увеличилось в значительной степени Московское государство, толкали к их закреплению. К числу первых мер по закреплению завоеванных земель относится постройка сторожевых пограничных линий, или «черт», представлявших собою ряд укрепленных пунктов. Одна из таких первых укрепленных линий в нашем крае известна под именем «Симбирской черты», сооруженной в 1648 г. и соединявшей г. Симбирск (нынешний Ульяновск) через Карсун и Саранск с г. Инсаром. По мере построения черты на нее переселяли людей из разных мест, водворяя их здесь на время или на «вечное житье». Поселенцы из служилых людей писались «белопашенными казаками» и получали усадебную и полевую землю, иногда денежное жалование. Вслед за этой «чертой» вскоре последовало сооружение новой, так называемой «Закамской линии», начинавшейся от крепости Белый Яр (что на Волге) на Ерыклинск, Тиинск (в пределах б. Самарской губ.) и далее на Новошешминск, Заинск и Новомензелинск до р. Ика. В 1681—1685 гг. проложена была Сызрано-Пензенская сторожевая черта, а в начале XVIII в. возведена «Новая Закамская линия», начинавшаяся от нынешнего пригорода Алексеевска (близ Самары) на Красный Яр, Сергиевск, Черем-

Карта колонизации Ср. Волги.

шанск и Кичуй. У Алексеевска до сих пор заметны остатки древнего вала, составлявшего часть этой линии.

По мере сооружения сторожевых линий основывается ряд городов и селений, к числу которых в XVI—XVII вв. в Поволжье относятся: Саратов, Самара, Кашпур, Сызрань, Ермаково, Кольцовка, Рождествено, Выползово, Ширяево, Царевщина, Белый Яр, Симбирск, Карсун и ряд других.

Говоря в частности о Самаре, вполне определенное известие о ней относится к 1586 г., когда послана была от Московского царя грамота «в новой Самарский город воеводе кн. Григорью Осиповичу Засекину». В грамоте царь успокаивал ногайцев тем, что: «мы на Волге и на Самаре вас велели беречи накрепко и ваших улусов от воров от казаков, того для есмя и город поставили на Самаре реке... и вы бы ныне кочевали по Волге и Самаре (реке) у нашего нового города, с нашими людьми у Самарского города торговали, а убытка вам из того города никоторого не будет...»

Однако ногайцы плохо верили этим словам. Земли последних все более и более захватывались новыми пришельцами — помещиками и монастырями, ногайцев же, как и другие народы Поволжья, все более теснили, и отнюдь никто не собирался их «беречи».

Из других крупных городов Среднего Поволжья — Симбирск был основан в 1648 г. Его построение также не обошлось без «указа» Московского царя и «приговора» бояр — «отправиться оружейничему Богдану Хитрово в понизовые города для охраны русской границы от ногайских татар и для строения новых городов и засечных крепостей от р. Барыша до р. Волги». Место на горе, которое выбрал Хитрово для постройки нового города Симбирска, в то время было покрыто лесом. Но против него под горою на берегу Волги уже существовало поселение, было несколько рыбацких хижин, жители занимались рыболовством.

Из менее крупных поселений на Средней Волге в 1666 г. была основана на правом берегу Волги, между речек Тушенки и Сенгилейки, Сенгилеевская станичная слобода; в 1647 г. одновременно с засекой на р. Барыше поставлен город Карсун, а всех ранее, в 1552 г., был построен на р. Суре, при устье р. Алатыря, г. Алатырь.

Кроме упомянутых городов был основан и целый ряд других — все с тою же целью Москвы утвердить свое владычество на юговостоке.

Старая Самара.

Старинные рисунки, изображающие постройку городов того времени, указывают на их небольшие размеры (Самара имела в длину 1644 метра, в ширину 324 метра), на применение в постройке исключительно дерева и ред-

ко камня, на большую скученность и беспорядочность в расположении домов и прочих зданий и на большую заботу об охране самих городов путем сооружения глубокого рва, вала, высокой и прочной крепостной стены с угловыми, воротными и промежуточными башнями.

3. ПОВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Поволжье сделалось с течением времени одним из центров, где сосредоточилось вольное казачество, получившее название по месту жительства — поволжских казаков. История возникновения вольных, или «воровских» казаков (по официальному выражению правительства и господствующих классов) в Поволжье не известна. Но исторически установлено существование этих казаков еще в эпоху массового народного движения начала XVII в., получившего у буржуазных историков название «Смуты», когда поволжские казаки поддерживали атамана Заруцкого против боярской Москвы.

«Смута» — это гражданская война, в которой впервые приняли участие казацко-крестьянские массы в борьбе против власти торгового капитала и монастырско-боярского землевладения. Во главе этого движения, как известно, стал И. Н. Болотников, беглый холоп кн. Телятевского. Вокруг него объединилась вся масса недовольных и угнетенных: закрепощенных крестьян, понизовой вольницы—казаков, а также мордвы и других национальных меньшинств. Но это движение постигла неудача. Следствием ее явилось усиление притока беглых на окраины Московского государства и, в частности, в Поволжье. Здесь беглые, усилив состав уже ранее существовавшего вольного казачества, образовали так называемую «Поволжскую вольницу».

У буржуазных историков под названиями «казачья вольница», «воровские казаки» разумелись разбойники, всем опасные и не дающие никому пощады. Вот один из образчиков такого «взгляда» на вольницу.

Витевский, автор исторической монографии об Оренбургском крае, останавливаясь на волжских казаках, отмечает, что самым любимым и наиболее безопасным местопребыванием казаков-разбойников сделались Жигулевские горы, составляющие правый берег Волги от деревни Маркваш и села Жигулей до Самары. В чаще лесов и глубине пещер этих живописных гор, «воровские казаки» находили надежный и удобный для себя приют, а с вершин их величавых и высоких утесов они могли наблюдать за появлением на Волге торговых караванов и царских судов.

Заметив идущие по Волге суда, они спешили к своим легким челнам и плыли на них по р. Усе до того места, где ныне находится село Переволока; затем переволакивались на Волгу и неожиданно нападали на царские и купеческие суда и грабили их.

На самом деле эта поволжская вольница, эти «воровские казаки», конечно, не были такими разбойниками-душегубами, какими их рисуют.

Поволжская вольница, впитав в себя ненависть против помещичьего царского правительства, отстаивала свою вольность и мешала царскому правительству утвердиться на берегах Волги.

Поволжская вольница в своей борьбе с господствующими классами вынуждена была действовать теми способами, какими она располагала, нападая и грабя царские суда и купеческие торговые караваны, плывшие по Волге. Иначе вольница и не могла поступать с более сильным организованным противником.

В развертывании дальнейших событий в Поволжье это вольное казачество играло большую роль в поддержке восставшего против помещичьего правительства крестьянства.

Именно, последнее имело в лице казачества не только верного союзника, но даже руководителя в грандиозной борьбе казацко-крестьянского восстания, имевшего место во второй половине XVII в.

4. КАЗАЦКО-КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОВОЛЖЬЕ

Положение крестьян в Поволжье однако постепенно оказывалось в еще более худшем состоянии, чем в центре государства. Крестьянство колоний, т. е. районов Волги, Дона, Слободской Украины, где жили татары, мордва, чуваши, мари, калмыки и др., переживало в XVII в. то же самое, что переживало крестьянство центра страны в XVI в. Под нажимом крепостной эксплоатации деревня в центре разорялась, пустела. Население массами бежало из центра на окраины, надеясь здесь найти облегчение, но напрасно.

Рост государства, которое захватывало все новые и новые колонии, и распашка новых земель были неизбежно связаны с закрепощением новых групп крестьянства. В эту категорию попадали дворцовые и черные крестьяне, а затем огромные массы беглых из центра государства, которые успевали осесть и обзавестись новым хозяйством.

Новые колонизаторы вводили барщинную систему и увеличивали оброчные платежи. Уже одно появление монастырского хозяйства рядом с крестьянами ставило последних в зависимое положение; им приходилось или вновь обратиться в бегство или дать закрепить себя полностью.

Надо принять во внимание и то, что колонии управлялись на основе военного положения. На далекой «окраине» воевода был наделен чрезвычайными полномочиями, что позволяло ему бесконтрольно распоряжаться крестьянами. Местная администрация в первую очередь наделялась огромными земельными участками или, вернее, она сама захватывала огромные земельные владения и была больше всех заинтересована в закрепощении крестьян. Положение крестьян в колониях ухудшалось тем, что их обременяли военно-сторожевой службой и работой по постройке крепостей на границах Московского государства.

Приезд царских писцов в опустевшую деревню (с карт. худ. Лебедева)

Таким образом крестьянство не могло найти улучшения своего положения там, где появлялись помещики и монастыри, захватывая или получая в награду огромные земельные богатства. Монастыри в особенности отличались в колониях беззастенчивостью в захвате земель, выживая своих соседей — крестьян и «инородцев». История монастырского землевладения «есть история уничтожения, вымирания и изгнания ряда восточных племен и народов».

Таким образом усиление крепостной эксплоатации, вымогательство, лихоимство, притеснение всякого рода — все это в конечном итоге накопляло недовольство в народных массах, порождало революционное настроение и подготовляло почву к массовому вооруженному восстанию, каковым во второй половине XVII в. была Разинщина.

Революционное движение крестьян и казаков, известное под этим названием, началось гораздо раньше появления самого Разина и окончилось позже его гибели. Наиболее серьезное движение происходило в тех районах, где самого Разина даже не было, в районах с преобладанием помещичье-монастырской колонизации, где это движение развивалось с необычайной силой. Это была территория б. Пензенской, Симбирской, Нижегородской и Тамбовской губерний и западная часть Казанской. Здесь особенно быстро развивалось монастырское, помещичье и дворцовое землевладение, тесным кольцом окружавшее земли крестьян.

Активный район восстания характеризуется еще тем, что со второй половины XVII в. там начал создаваться крепостной рабочий, ставший «пущим заводчиком» Разинского движения. К кадрам рабочих следует отнести крестьян будных (поташных) заводов, ярыжек*, образовавших большие повстанческие отряды. В деревнях активного района были и большие кадры ремесленников, под-

* Ярыга, ярыжка — назван е в XVII в. низшего полицейского служителя, посыльного, исполнителя поручений.

Степан Разин

мастерьев в монастырях и вотчинах, плотников, вольнонаемных и сельскохозяйственных рабочих, «голи кабацкой», принимавших активное участие в восстании.

Разинское движение, эта упорная гражданская война, разразилось не даром в этих районах и было направлено в первую очередь против монастырей, крупных феодалов-крепостников, крупной торговой и ростовщической буржуазии. Нижнее и среднее Поволжье сделалось главным центром Разинщины.

Движение началось на Дону в 1666 г. Задолго до начала восстания в Москву доносили о том, что на Дону — большое брожение. Это брожение возникло главным образом среди бедного, «голутвенного» (от слова голытьба, голь) казачества. Казацкая масса на Дону не была однородной. В городах верховьев Дона жило преимущественно казачество, представлявшее собой беглое крестьянство. На низовьях Дона жило старое «домовитое», т. е. зажиточное казачество. Это последнее вследствие своего экономического благосостояния оказывало давление на голутвенную часть казачества, используя последнее в рискованных военно-торговых предприятиях. Эта эксплоатация голутвенного казачества приводила последних к конфликтам «с домовитыми», а затем и с Московским правительством. Казаки противодействовали Москве в выдаче обратно беглых крестьян, пополнявших ряды казачества. Беглое крестьянство, несмотря на свою вольность и равноправие в общем казачьем кругу, все же постоянно претерпевало материальную нужду, поправить которую оно пыталось в отчаянных предприятиях (набеги на Крым, Турцию, Персию). Такое положение казачества закаляло и революционизировало его и выводило на путь политической борьбы. Казаки верховьев Дона, активно участвовавшие в крестьянских движениях конца XVI в., стали застрельщиками и в восстании Разина. Вспыхнувшее на Дону казацкое восстание перекинулось в низовья Волги, а затем стало быстро распространяться и вверх по Волге, принимая массовый характер.

Во главе этого движения стала такая незаурядная личность, как Степан Тимофеевич Разин.

Разин, поднимая восстание, «распоряжался, кричал, что настало время итти на бояр». Он ставит вопрос шире, нежели простое сведение счетов с «сильными мира». Он хочет «вывести» (уничтожить) всех сильных и богатых, причем по уничтожении их помешать последним появиться вновь. Разин, объявляя себя врагом феодально-крепостнических порядков на Московской Руси, одновременно шел и против церковного феодала — этого могущественного эксплоататора больших групп крестьянства. Смеялся над церковными обрядами. Он говорил: «На что церкви? К чему попы? Венчать что ли? Да не все ли равно: станьте по паре подле дерева да пропляшите вокруг него — вот и повенчались».

Разин, подготовляя восстание, опирался на бедноту, а последняя широко откликнулась на его призыв «искоренить бояр», что и подтверждается словами старинной народной песни, в которой была подмечена важная сторона Разинского движения:

Ходил—гулял Степанушка во
царев кабак,
Он думал крепку думушку
с голытьбою!

Необходимо заметить, что восстание уже с первых дней отличалось своей организованностью; революционная армия делилась на кавалерию, пехоту и многочисленные отряды на стругах. Восставшие отряды делились на сотни и десятки, которые вступали в бой с красными пестрядинными знаменами. Под знамена Разинщины стекалось не только крестьянство, но также многочисленная волжская казачья вольница и национальные меньшинства. В одном из царских документов о «возмущении» Разина об этом прямо говорится: «вор Ст. Разин, собрався с ворами донскими казаками и с астраханскими, и с царицынскими, и с саратовскими, и с самарскими ворами, и с

изменниками симбирскими и по черте изо всех городов с ворами и разных городов с татары, и с чувашею, и с черемисою, и с мордвою».

Положение национальных меньшинств края, этой отдаленной восточной колонии Московского государства, становилось все более тяжелым. Через все XVII столетие продолжается стеснение мордвы, то и дело заставлявшее ее бежать из мест своего жительства; к тяжелым податям и налогам, к обидам воеводским, со времени патриарха Никона присоединились еще новые беды — насильственное обращение в христианскую веру. Это все вызвало массовое присоединение национальных меньшинств к участию в революционном движении.

Последнее охватывало все новые и новые районы Поволжья. В быстром развитии этого движения не малую роль сыграли «прокламации» разинского штаба революционной армии или, как их тогда называли, «прелестные грамоты», которые во множестве рассылались во все уголки восставших районов. Они попадали далеко в глубь страны, в самый центр государства — в Москву. «Прелестные грамоты» призывают «всю чернь, всех мещан... изменников бояр выводить и мирских кровопивцев выводить, чтоб нам всем от них в конец не погибнуть». В результате этой агитации жители многих городов, и местечек уже приходили в волнение еще до появления вооруженных сил самого Разина и его отрядов, а с приходом повстанцев открывали последним городские ворота, отдавали от них ключи, присоединялись к восстанию и начинали творить суд и расправу над своими недавними притеснителями — представителями местной царской администрации. Так были быстро заняты города Астрахань, Царицын, Саратов, Пенза.

В отписке козловского воеводы С. И. Хрущева в разряд * с сообщением вестей о взятии разинцами Пензы, Верхнего и Нижнего Ломовых и Керенска (октябрь 1670 г.,

* Разряд или разрядный приказ ведал в XVII в. управление окраинными городами и военные дела.

документ № 13 в Материалах по истории революционного движения народов СССР, изд. Центрархива, 1931 г.) говорится, что «воровские казаки с Ынъзеры, убив воеводу, ходили на Пензу и на Пензе-де воеводу Елисея Лочинова убили ж, а в Нижнем-де Ломове городе градцкие люди воеводу в тюрьму посадили и к воровским казакам посылали.., а градцкие де люди... все преклонились к ворам... и я, холоп твой, слыша такую их шатость, велел всяких чинов людей пересмотреть по спискам... привести к вере в соборной апостольской церкви.., чтоб они вору и к изменнику и крестопреступнику к Степке Разину и к его товарищем, к воровским казакам, к их воровству и к дьявольской их душепагубной прелести не приставали ни в чем, и бунту, и скопу, и заговору, и мятежю не заводили»...

В конце мая 1670 г. передовые разинские отряды появились у Самары. В самом городе казачья партия сначала встретила было некоторое противодействие горожан, но когда под Самарою появился сам Разин (в августе 1670 г.), приверженцы его взяли верх, город отворил ему ворота. Воевода Анфимов был казнен, дворяне и подъячие потоплены в Волге, а власть была передана атаманам, и в городе введено казацкое устройство.

После Самары Разин двинулся далее и вскоре подступил к Симбирску. Направляясь к последнему, Разин располагал значительными силами — до 3200 человек, кроме конницы в 2000 человек, которая шла берегом и постоянно пополнялась крестьянами, восставшими против своих господ.

Симбирск, расположенный на высокой горе, был хорошо укреплен, так что взять его представляло большую трудность, хотя царских войск там было немного, всего 1300 человек. С таким небольшим отрядом невозможно было бороться против войска Разина, увеличившегося к моменту подхода к городу до 5000 человек. Это постоянное увеличение сил Разина являлось откликом на его горячий призыв, на его агитацию в занимаемых им местах.

Здесь под Симбирском, в виду города, он говорил: «Гей, голутьба донская, чуйте! И вы все — обиженные, замурованные голяки, мужики, горожане и будники, те работные люди, кто на будных станах ярыжил, обливаясь поташем, кто сгорел почесть до костей от работы тяжкой и голода! Мститесь, пришло время над боярами, мучителями вашими! Вот оно, их гнездо, на Симбирской горе в рубленом городе! Сюда, опаленные вашим гневом и ненавистью, сбежались они, от мужиков, казаков, от стрельцов и будников, сюда ушли они от тех, кто идет за вольную волю... Веду я вас сокрушить дворянство всей Волги и Поволжья широкого! Побьем воевод, спалим Симбирск, и будет вам воля всегдашняя, будет торг бестаможенный, будет земля вся ваша!»

4 сентября 1670 г. Разин появился под Симбирском. Ночью он обошел город, поставил свои струги за полверсты выше города и, выйдя на берег, пошел к городу на приступ. Завязался ожесточенный бой, длившийся целые сутки, в результате которого часть гарнизона с окольничим Милославским во главе и богатыми жителями города отступили и заперлись в кремле. Жители же города, бывшие под горой, все перешли на сторону Разина. Разин укрепил подгородную часть, окопал высоким земляным валом, поставил пушки и начал вести правильную осаду кремля.

Вот что говорится в тех же материалах по поводу сдачи Разину Симбирского острога и отступления кн. Барятинского к Тетюшам в сентябре 1670 г.: «Государю царю... холоп твой Юшка Барятинский челом бьет. В нынешнем государь во 179 году * сентября 4 день пришел вор Стенька Разин с своими единомышленными ворами под Симбирск... и я, холоп твой, против его зашел с своим полком сажен с десять, не допустя к городу, приска-

* В XVII веке летоисчисление велось от «сотворения мира», в данном случае полная цифра 7179 г. При переводе на современное летоисчисление это будет соответствовать 1670 г.

кали к нему на дула пищальные, стрельба такая быть почала беспрестанно, и к городу приступать нельзя. И они, государь, поворотясь всеми своими силами от города, нас... многих переранили и (убили) до смерти, и тот, государь, день бились мы, холопы твои, с утра и до вечера. И того же, государь, дни в вечеру, приходили на меня, часу в третьем ночи, а я, холоп твой, стоял в поле, ополчась, и бой у нас ночью был великий. И на утрея, за полчаса до света, почали приступать воры к городу... и симбирцы их в острог впустили... и почали сечь людей боярских, кто тут был... А я, холоп твой, с твоими, великий государь, ратными людьми отшел в Тетюши...»

Итак революционная армия заняла пригороды Симбирска, заняла городской острог, но еще предстояло взять самый город или кремль, в котором засели остатки царских войск. Кремль был хорошо укреплен, а потому брать его приходилось осадой, к чему Разин и приступил.

Разин осаждал Симбирск целый месяц и за это время войско его увеличилось до 20 000 человек.

Проволочка с осадой утомила разинцев. В этот момент приблизился к городу со своим войском, подкрепленный свежими силами, Барятинский. Разин пошел к нему навстречу. В двух верстах от Симбирска за р. Свиягой произошла битва, длившаяся целый день. В результате ее Разин вынужден был отступить к городу и укрепился в так называемом остроге; все же Разин не терял надежды выбить Милославского из кремля и завладеть городом. Но Барятинский прибегнул к хитрости — отрядил часть войск, обошел разинцев со стороны р. Свияги и ночью напал на разинские полки. Результатом такого неожиданного нападения было поражение войск Разина.

Разин снял осаду города и на судах отплыл вниз по Волге; часть войск Разина — до 600 человек — не успела отступить и сделалась жертвою царской расправы. Барятинский тут же творил суд и расправу: «которые были частью четвертованы, частью повешены, весь берег Волги был уставлен виселицами, некоторые из них были пове-

шены на плавучих виселицах...» Так зверски расправлялось испуганное за свою власть самодержавие, подавляя революционное движение.

Однако, движение не остановилось. Военная неудача Разина под Симбирском, заставившая его уйти на низовья Волги и на Дон для того, чтобы собрать новые вооруженные силы для продолжения борьбы, почти не отразилась на самом ходе всего революционного движения в целом. Наоборот, оно разгоралось и захватывало новые и новые районы. Правительство на подавление его бросило все свои военные силы, что свидетельствует об огромном размахе казацко-крестьянского движения. Однако восставшее крестьянство не могло дальше продолжать борьбу. Если до поражения под Симбирском движение оформлялось руководством штаба Степана Разина, то с поражением последнего это движение, лишась центрального руководства, приняло форму местной партизанской борьбы, что в конечном счете не могло обеспечить победы повстанцам.

Началась беспощадная расправа с ними. Сам Разин был схвачен и 24 сентября 1671 г. приговорен к смертной казни. Царский приговор гласил: «Вор, богоотступник, изменник Стенька Разин, забыв страх божий, изменил цирю, многие пакости чинил, про спасителя нашего Иисуса Христа всякие слова говорил, на Дону церквей божьих ставить не велел, велел венчаться около вербы, многих старых донских казаков побил до смерти и в воду сажал, в приказной палате государственные дела сжег, такое надругательство чинил, чего нигде не ведется... за такие злые и мерзкие перед господом богом дела и за измену и ко всему государству за разорение казнить злою смертью — четвертовать» (док. № 161 «Сказка», объявленная Разину перед казнью, в Материалах по истории рсв. движ. народов СССР, стр. 252).

Грозное восстание, возглавлявшееся Разиным, надолго осталось в памяти народных масс Поволжья, из недр которых пошли гулять различные предания, песни, леген-

ды о народном герое далекого прошлого — Разине и его сподвижниках.

В дошедших до нас легендах повествуется об «удалых, добрых молодцах», «казачьей вольнице», а имя Разина в них фигурирует, как имя, с которым связано глубокое воспоминание о прошлой вековой, жестокой борьбе обездоленного люда с крепостничеством, с беспощадной эксплоатацией господствующих классов. Казацкая вольница, являясь выражением политического и социального протеста, шла в авангарде этой борьбы. Все подвиги Разина и его соратников в легендах и песнях представляются в ореоле славы и героизма. Степан Тимофеевич, этот страшный для бояр и дворян «государственный вор и убийца», во времена воеводчины и злого рабства явился заступником и мстителем за трудящийся люд. И долго спустя после восстания Разина какой-либо из мужиков-бедняков, притесняемый кулаком, говорил, укоряя последнего. «Эх, кабы Степан-то Тимофеевич объявился, он бы показал тебе! Он бы тебе живота посбавил, пузатому, ты бы у яво поплясал под плетями-самобитками». Так Разин и все поднятое им движение оставило глубокий след в памяти народа и в истории.

Литература и источники

1. Адам Олеарий, «Путешествие Гольштинского посольства в Московию и Персию».

2. С. Г. Томсинский, «Крестьянские движения в феодально-крепостной России», 1932 г.

3. П. А. Преображенский, «Очерк истории Самарского края», 1919 г.

4. Г. Перетяткович, «Поволжье XVII—XVIII веков».

5. Витевский, «Историческая монография Оренбургского края».

6. Садовников, «Сказки и предания Самарского края», 1884 г.

7. Мартынов, «Симбирск за 250 лет его существования», 1898 г.

8. А. Чапыгин, «Разин Степан» (исторический роман), 1931 г.

9 Большая советская энциклопедия, т. XII, Энциклопедический словарь Брокгауза.

10. Алабин, «25-летие г. Самары».

11. Крестьянство и националы в революционном движении 1666—1671 гг. (Разинщина), материалы по истории революционного движения народов СССР, изд. 1931 г., Центрархив.

ПУГАЧЕВЩИНА НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ

1. НАЧАЛО ПУГАЧЕВЩИНЫ

160 лет тому назад вся восточная часть Европейской России была охвачена мощным крестьянским восстанием— Пугачевщиной. Это была последняя крупная попытка крепостного крестьянства революционным путем сбросить с себя невыносимый гнет крепостничества. Все уголки Средневолжского края в той или иной степени участвовали в Пугачевском движении на протяжении всего восстания с сентября 1773 г. по август 1774 г.

Время перед Пугачевщиной, вторая половина XVIII в., было периодом расцвета русской хлебной торговли. С ростом мануфактур и заводов увеличивается спрос на хлеб. Начинается вывоз русского хлеба и за границу.

С расширением хлебного рынка помещик был заинтересован в увеличении производства хлеба. Помещичье крепостное хозяйство велось старым отсталым способом. При даровом труде крепостных помещику не было расчета улучшать сельскохозяйственную технику. Стоило ему усилить эксплоатацию крепостного крестьянина, расширить свою запашку, — и он получал больше хлеба, а следовательно и денег.

Так крепостники-помещики и делали. Они заставляли крестьян работать на барском поле все больше и больше. Крепостники считали, что крестьяне должны быть довольны, если их заставляют работать на помещика столько же, сколько и на себя, т. е. три дня в неделю. Но многие помещики шли дальше. Они настолько расширяли

Салтычиха (с карт. худ. Курдюмова).

собственную запашку, что принуждали крестьян возделывать барские поля иногда все шесть дней в неделю. На себя крестьянин мог работать только ночью или в праздники.

Ухудшалось и правовое положение крестьян. То было время царствования Екатерины II, занявшей престол при помощи дворян. Поэтому законы, издававшиеся при ней, всецело были направлены к тому, чтобы еще больше обеспечить привилегии дворян. Они ухудшали положение крестьян до последней степени.

При Екатерине II издано было два жестоких закона о крестьянах. В 1765 г., во время крестьянских волнений, в целях их усмирения помещикам было предоставлено право не только ссылать своих крестьян в Сибирь на поселение *, но и на каторжные работы, без всяких ограничений. Ссылка на каторгу теперь не освобождала от крепостной зависимости, и ссыльный, если владельцу заблагорассудится, мог быть возвращен обратно. Так эта мера превратилась в жестокое карательное средство в руках помещика.

Когда же эта и другие меры не остановили крестьянских волнений и крестьяне массами подавали челобитья — жалобы на притеснение помещиков (причем во время путешествия Екатерины по России в 1767 г. крестьяне подавали иногда свои челобитные ей в руки), то в том же году издан был новый суровый закон. Этим законом 1767 г., под угрозой ссылки на каторжную работу, крестьянам запрещено было подавать какие бы то ни было жалобы на своих помещиков.

Таким образом при Екатерине законами закреплялось отношение господствующего дворянского класса к своим крепостным, как к бесправным и безгласным рабам. Помещик мог продавать крестьян, как скот, отдельно от земли, оптом и в розницу, разлучая мужа с женой, роди-

* Такое право было предоставлено помещикам раньше при императрице Елизавете, отчасти в целях колонизации Сибири, почему ссыльный в Сибирь крестьянин становился свободным.

телей с детьми, ссылать в Сибирь, наказывать, пороть плетьми, пытать как угодно, по собственному усмотрению. Не имел только помещик права формально, по закону, убивать своих крепостных. Но фактически барин владел и этим правом, так как от «неумеренного» сечения кнутом подвергавшиеся этому дикому наказанию умирали. Так за 4 года до Пугачевщины в 1769 г. в самом центре будущего восстания, в Оренбургской губернии, помещица-генеральша фон-Эттингер забила своего крестьянина насмерть и уверяла, что он умер от черного сока, выжатого из капусты, да от холодной воды. Знаменитая в истории крепостного права подмосковная помещица Салтыкова («Салтычиха»), привлеченная за зверское обращение со своими крепостными к суду в 1763 г., обвинялась в убийстве 75 человек. За орловским помещиком Шеншиным тогда же в 60-х годах XVIII столетия суд насчитал 59 убийств, совершенных им путем истязаний своих крепостных.

Случавшиеся иногда судебные процессы над помещиками обычно кончались ничем. Судьи были те же дворяне-помещики, и они всегда находили пути выгородить своих собратий по классу. «Ворон ворону глаз не выклюет», — недаром сложилась на Руси пословица. Могли ли бесправные неграмотные крестьяне тягаться со всемогущим помещиком? К тому же по закону 1767 г. всякий жалобщик оказывался в первую голову виновным, так как нарушал закон.

В таком положении было крестьянство во всей России.

Нисколько не легче, а еще тяжелее было положение крестьян нашего края. Здесь население было редкое, земли же было много. Помещики имели безграничную возможность расширять свои посевы в погоне за барышами, а людей для обработки земли нехватало. Правда, царствовавшая в то время Екатерина II раздавала в подарок своим приближенным крестьян тысячами. Только за последние 10 лет перед Пугачевщиной она раздала 66 000 душ мужского пола. Так же щедро она награждала дворян

и землею. Ее любимец граф Орлов получил в нашем крае 300 000 десятин земли. Помещики малолюдных имений нашего края находили выход в особо зверской эксплоатации своих крестьян.

От невыносимого крепостнического гнета крестьяне в массе бежали из своих сел на Дон, Волгу, Яик (теперь р. Урал), в безлюдные Заволжские степи, и примыкали к издавно сложившимся здесь из таких же беглых казачьим общинам. Из беглых образовывались отряды, которые скрывались в горах и лесах Поволжья. Эти отряды нападали на помещиков, жгли их имения, монастыри и т. п. Для дворян и правительства это были разбойники, а для крестьянства — удалые молодцы, мстящие и наказывающие их угнетателей и эксплоататоров. Часто правительственным войскам приходилось вести настоящую войну против отрядов восставших крестьян, но искоренить их совершенно, в особенности на Волге, так и не удалось. За 20 лет до Пугачевщины, в 1752 г., крестьянские восстания в Поволжье приняли такие размеры, что помещики, ища спасения, принуждены были бежать с семьями в губернские города под защиту правительственных гарнизонов.

Эти отдельные восстания в 1773 г. вылились в единое мощное движение, крестьянскую революцию — Пугачевщину.

Помимо крестьянства в Поволжье и на Урале было много других недовольных, готовых при первом удобном случае поднять восстание. Это были рабочие уральских заводов, казаки, различные нацменьшинства или, как их презрительно называли царские чиновники и дворяне, — «инородцы». Рабочие не менее крестьян эксплоатировались владельцами заводов — помещиками и купцами. Вольное казацкое житье урезывалось царским правительством, с которым заодно были и местные казацкие власти. Башкиры где силой, где хитростью сгонялись с лучших земель. На их землях строились крепости, а под охраной крепостей — заводы. Другие нацменьшин-

ства — татары, мордва, чуваши, марийцы — подвергались различным издевательствам со стороны поставленных над ними чиновников и попов. Их силой крестили в православную веру, попы обирали, а земля их отходила в руки русских помещиков. Все это создало в наших краях особенно накаленную атмосферу. Горючего материала накопилось много. Достаточно было бросить искру, чтобы разгорелся пожар необычайной силы. Такой искрой и был Пугачев. Вокруг него сорганизовались все угнетенные элементы. Восстание быстро охватило огромную площадь нынешних областей Средневолжского края, Уральской области, Башкирской и Татарской республик, а также прилегающие к ним части Казакстана, Сибири, Нижней Волги, ЦЧО, Нижегородского края и т. д.

По р. Уралу (тогда Яику) издавна были станицы яицкого казачества. Ряды казачества как местных, так и других окраинных рек: Волги, Дона, составились из разного рода «беглого люда» — всех недовольных, которые, не вытерпев крепостнической эксплоатации, искали вольной жизни за границей государства Московских царей, в южных и восточных степных просторах. Здесь они образовывали своего рода республики с выборными войсковыми властями.

Но перед Пугачевщиной под влиянием классового расслоения яицкого казачества господство, экономическое и политическое, перешло в руки зажиточной верхушки. Эта верхушка держала в кабале всю рядовую массу, проводила в выборные войсковые органы своих ставленников. С другой стороны, царское правительство, ведя захватническую политику по отношению мелких народностей восточной окраины, нуждалось в местной вооруженной силе. Такой силой оно решило сделать казачество. Для этого понемногу при помощи той же стоящей у власти кучки богатеев власти прибирали казачество к своим рукам.

Было проведено официальное подчинение Яика Москве, введена обязательная служба, наконец, начали присы-

лать из Москвы и начальство — генералов. От такого оборота дела богатеи выигрывали, их награждали чинами, эксплоатация массы казачества оставалась за ними же. К тому же казачество Яика, имевшее основным своим промыслом рыболовство, было поставлено в такие условия, при которых оно было обязано покупать соль исключительно у правительства по высоким казенным ценам. Нарастала глухая злоба, которая вскоре вылилась наружу.

Кочевавшие в заволжских степях калмыки ушли в количестве 33 000 кибиток из владений России в Китай. Царское правительство упускало большой ясак (налог на покоренные народы). Оно приказало яицким казакам нагнать и задержать калмыков. Казацкая масса отказалась выполнить это распоряжение. Произошло побоище между рядовым трудовым казачеством и старшинской стороной, которое кончилось при помощи правительственных войск победой старшинской стороны. После подавления этого восстания казачество затаило злобу и недовольство против своих властей и правительства.

В это время стали носиться слухи, что жив Петр III, муж царствовавшей тогда Екатерины II. Екатерина для захвата престола убила своего полоумного мужа, но народу было объявлено, что царь умер от «гемороидальных колик». С кратковременным шестимесячным царствованием Петра III совпал ряд указов, несколько облегчавших положение крестьянства. В то же время Екатерина, севшая на престол при помощи дворянства, ярко проявила дворянско-феодальную сущность государственной власти, раздавая дворянам десятки и сотни тысяч крестьян и землю.

Такая обстановка наравне с загадочностью неожиданной смерти Петра III создала ложное представление о нем в народе, как о якобы «добром царе», которого жена и дворяне убили, а, может быть, он скрылся. Появляется ряд самозванцев. Объявил себя Петром третьим и Пугачев.

Емельян Пугачев (нарисов. неизвестным художником на портрете Екатерины II).

Емельян Иванович Пугачев, донской казак, с молодых лет начал искать разные пути к вольности. Сначала он бежал с военной службы, побывал на Тереке, был схвачен, посажен на цепь. С обрывком цепи и замком он снова бежал и увлек с собой караульного солдата, был в Польше, затем вернулся и пробрался на Иргиз, там и на Яик, где, объявив себя Петром III, подговаривал казаков бежать в Турцию. Был снова арестован, бежал из казанской тюрьмы и поднял в конце концов восстание казаков. Вожди войсковой стороны великолепно знали, что это не царь. Один из них, Чика, говорил: «Пусть это не государь, а донской казак, но он вместо государя за нас заступит, а нам все равно, лишь бы быть в добре».

2. ПУГАЧЕВ В ОРЕНБУРГСКИХ ПРЕДЕЛАХ

Набрав отряд в 300 казаков, Пугачев подступил 18 сентября 1773 г. к Яицкому городку (ныне г. Уральск), но не стал осаждать эту хорошо укрепленную крепость и двинулся в пределы современного Средневолжского края. Одна за другой им были захвачены все крепости по пути к Оренбургу и вокруг него. До 1 октября были взяты Илецкий городок, крепости Рассыпная, Нижне-Озерная, Татищева, Чернореченская, а 1 октября — Сакмарский городок.

Часть крепостей была взята после небольшого сопротивления, но в большинстве случаев гарнизоны — солдаты и казаки — присоединялись к войску Пугачева, а офицеров вешали. Пугачевцы подскакивали к стенам крепости и кричали гарнизону: «вяжите офицеров, государь вас прощает», и восставший гарнизон отворял ворота. Так Пугачев был встречен с почетом жителями и гарнизоном Сакмарского городка.

Основав свою штаб-квартиру вблизи Оренбурга в Бердской слободе, Пугачев с начала октября 1773 г. приступил к осаде города, одного из крупнейших опорных пунктов царской колонизации восточных окраин.

В этой хорошо укрепленной крепости было 3000 солдат, 70 орудий, и им удалось штурм Пугачева отбить. Но губернатор не решался предпринимать серьезных шагов против Пугачева. В самом Оренбурге и в его гарнизоне было не мало сторонников восстания. Время от времени высылались против армии Пугачева только отдельные, наиболее надежные отряды, но эти вылазки обычно кончались неудачей. Отряды восставших были под самым городом. Одна их батарея была поставлена у церкви оренбургского пригорода — Форштадта.

В отрезанном от всего мира Оренбурге вскоре начался голод.

3. АРМИЯ И ТЫЛ ПУГАЧЕВА

Решив взять Оренбург измором, Пугачев в то же время укреплял свою армию. Вскоре в его лагере было до 20 000 бойцов и больше сотни разнообразных пушек, а при них до 600 человек «канониров» (артиллеристов) из числа солдат, казаков, ссыльных, крестьян, под командой казака Чумакова. Вооруженность артиллерией у Пугачева была очень хорошая. Артиллерийские припасы и сами, орудия изготовлялись и доставлялись в армию с уральских заводов, захваченных восставшими рабочими в свои руки и работавших по заказу из ставки Пугачева. Производство ядер и бомб было налажено и в самой Берде. Продовольствие везли крестьяне обозами по нарядам пугачевских атаманов, часто издалека. Вот документ-указ Пугачева атаману Арапову, действовавшему под Самарой:

«Указ е. и. в. самодержца всероссийского из государственной военной коллегии атаману Илье Арапову. Через сие повелевается тебе имеющийся в окрестных селениях барский всякого рода хлеб приказывать кому способно: немолоченный молотить, а намолоченный молоть и смоловши присылать в здешнюю армию тех же или прочих жителей равенственно на подводах, а за провоз тем подводчикам выданы деньги из казны будут. И сколько ж будет от тебя отправлено сюда, рапортовать. А как

одному тебе порученное сие дело вскоре исполнить нельзя, то позволяю тебе выбирать по себе поверенных и посылать в те жительства с данными от тебя наставлениями, с принадлежащим числом конвоем, для высылки сюда в армию всякого молотого хлеба, также и овса, сколько найдется, высылать же. Да и то наблюсти, чтобы посланные от тебя поверенные не отваживались чинить крестьянам никаких обид, в противном случае подвергнут себя его величества гневу. И порученное сие дело исполнить тебе как можно наискорее... декабря 16 дня 1773 года»

Из этого документа видно, что существовала правильная система снабжения. Характерно, что Пугачев и его атаманы всеми мерами поддерживали дисциплину в войсках. Они стремились, чтобы в глазах крестьянства армия восставших выгодно отличалась от царского войска, обиравшего и обижавшего население. В пугачевских отрядах существовало правило—«за разорение и грабеж чинить смертную казнь». И в отношении крестьянства это правило строго выдерживалось. Другое положение было с помещиками. Здесь озлобленные крестьяне стирали с лица земли все следы крепостного барства—растаскивали и жгли помещичьи усадьбы и имущество. Правда, Пугачев и это пытался ввести в организованное русло и приказывал имения бежавших помещиков передавать по описи «вернейшему человеку», но это часто трудно было осуществить.

Управлялись восставшие местности выборными властями. Повсюду пугачевцы предлагали населению учредить земскую избу, т. е. выбрать самоуправление. Армия также, за исключением первых и ближайших сподвижников Пугачева, имела начальство выборное из своей же среды.

Пугачев, рассылавший из-под Оренбурга свои манифесты, в которых обещал крестьянству землю, рыбные ловли, леса и прочие угодья, также и «вольность», крепко стоял за классовые интересы крестьянства и не боялся вручения власти в руки представителей угнетенного народа. Он знал, что последний был всецело на его стороне.

Большая часть царской армии в это время была на фронте против Турции, с которой Екатерина вела войну. На Пугачева были брошены из различных пунктов России оставшиеся там части.

Из Казани к Оренбургу двигался генерал Кар. Пугачев его встретил и разбил в 100 верстах от Оренбурга под деревней Юзеевой.

Из Симбирска шел Чернышев с корпусом в 1200 человек при 15 пушках, кроме того из всех попутных крепостей Самарской линии, как-то пригород Алексеевск, Красно-Самарская, Борская, Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская и других, он забрал гарнизон и орудия. Но и его постигла участь генерала Кара. При переправе через Сакмару у Маячной горы 13 ноября солдаты и казаки отряда Чернышева, всего свыше 2 тысяч человек, перешли на сторону окруживших их пугачевцев, а сам Чернышев с 36 офицерами был повешен.

Но к марту 1774 г. были стянуты царские войска со всей России. Пугачев атаковал у крепости Сорочинской крупный корпус генерала Голицына, но неудачно. После отступления Пугачев принял бой у крепости Татищевой. И этот чрезвычайно ожесточенный бой, в котором пугачевцы показали себя знатоками военного дела, все же кончился сильнейшим поражением революционной армии в виду перевеса сил регулярной царской армии. Потери пугачевцев здесь исчисляются в 1300 человек убитыми, 3000 пленными и 36 орудий. Отсюда Пугачев отступил на Сакмарский городок и Каргалу, где был снова разбит, после чего ушел в Башкирию.

4. АТАМАНЫ — МЕСТНЫЕ ВОЖДИ ПУГАЧЕВЩИНЫ

Мы уже видели, что снабжение боевыми припасами пугачевцев шло с Урала, продовольствием — из самарских деревень. Этим ведали местные пугачевские власти — атаманы и полковники. В Башкирии руководил восстанием Чика, отправившийся туда из-под Оренбурга в первые же

дни восстания с крупным отрядом. По уральским заводам — «потомственный» крепостной рабочий Белобородов. Его отряд, состоявший из уральских рабочих, быстро присоединял к Пугачеву завод за заводом, а свои ряды пополнял новыми добровольцами из восставших рабочих. В южной части Урала и по линии крепостей от Оренбурга до Орска оперировали отряды под командой другого сподвижника Пугачева, также уральского рабочего — Хлопуши. Через Хлопушу и Белобородова главным образом шло снабжение пугачевской армии пушками, снарядами, порохом, оружием. Несколько позднее выдвинулся еще один крупный вождь и организатор восставших башкир — Салават Юлаев. Помимо того было несколько менее крупных руководителей местными очагами восстания. Из действовавших в нашем крае надо отметить Арапова, Ломухина, Леонтьева, Фирсова, Иванова и др.

Эти атаманы в большинстве были выдвинуты самим же восставшим крестьянством. Крестьяне ближайших к ставке Пугачева местностей вливались в его армию, в местностях же более отдаленных создавались самостоятельные отряды под командой атаманов.

Достаточно было приехать в деревню нескольким человекам из числа восставших и объявить указ Пугачева о даровании свободы от помещиков и с требованием не работать на помещиков, как крестьяне восставали целыми селами. Восставшие громили имения своих помещиков, делили их между собой.

Районы крепостей Тоцкой и Сорочинской уже в октябре были в огне восстаний. Куда ни попадали отряды и разъезды казаков,—а казаками назывались все восставшие, все бойцы пугачевских отрядов—оттуда жители слали своих делегатов в лагерь Пугачева. Так делегаты деревни Карамзиной на Самарской дистанции вернулись с указом быть свободными от податей и работы на помещиков. Им было приказано истреблять помещиков и правительственные отряды, соединившись с калмыками. Вскоре крестьяне этой деревни, соединившись с соседями

Барыня и крепостные.

из деревень Ляховой, Ждановой, Путиловой, составили отряд в 500 мужчин и женщин, который и приступил к захвату имений и истреблению соседних помещиков.

Расправляясь со своими господами, крепостные руководились не просто злобой, а стремились к уничтожению своих поработителей, чтобы тем самым гарантировать себя от возвращения рабства. Так, в деревне Понолуровой казаки, убив помещицу, малолетних дочерей ее роздали в крестьянские семьи с обязательством воспитывать их, как крестьянок, и когда вырастут—выдать замуж за крестьян.

Обычно помещики заранее скрывались, бежали в города, а неуспевшие старались покорностью добиться милости победителей. Но были случаи сопротивления. Помещики защищались, отстреливаясь от восставших при помощи своей дворни.

К декабрю восстание охватило все Левобережье Волги. В Ставропольском уезде восстали калмыки. Калмыцкие старшины направили было калмыцкое войско на борьбу с Пугачевым под Оренбург в помощь правительственным войскам, но калмыки разбежались и создали мелкие отряды, рассыпавшиеся по уезду и громившие помещичьи имения. Примкнули к восстанию наравне с русскими крестьянами и калмыками также татары, чуваши и мордва. Оперировавшие в Левобережье отряды количественно были обычно от 50 до 200 — 300 человек. Вооружение в большинстве самое примитивное — колья, косы, вилы, редко ружья, захваченные у разбитых правительственных войск. Бывали и пушки. Так капитан Сербулатов разбил в районе Мелекеса отряд восставших в 90 человек и отбил у них 4 пушки.

5. ПУГАЧЕВЦЫ В САМАРЕ

Наиболее видным атаманом в этот период был Илья Федорович Арапов. Арапов — крепостной одного из бузулукских помещиков, сорганизовал отряд в Бузулуке и 22 декабря выступил по приказанию Пугачева в район

Ставрополь — Самара. Этот район был чрезвычайно важен, как источник снабжения пугачевцев хлебом. На пути Арапова лежала линия крепостей по реке Самарке, так называемая Самарская дистанция. Эти крепости, начинаясь от Самары, шли к Оренбургу: пригород Алексеевск, Красно-Самарская, Борская, Бузулукская, затем Тоцкая, Сорочинская, Ново-Сергиевская, Елшанская.

Двигавшийся по линии крепостей на Пугачева Чернышев захватил с собой все их гарнизоны с орудиями. К моменту выступления Арапова крепости были почти беззащитны. Учитывая к тому же повсеместное сочувствие крепостного населения к пугачевцам, будет понятно, как быстро были захвачены эти крепости Араповым. Заняв Ставрополь, он отрезал Самару от Казани и 25 декабря 1773 г. подступил к самой Самаре. Комендант Самары капитан Балохонцев с двумя офицерами и частью солдат и казаков бежал в Сызрань еще накануне, 24 числа. С ним ушли и все дворяне. Остальные жители, в том числе и часть гарнизонных солдат, добровольно оставшиеся, торжественно встретили Арапова с хлебом-солью, колокольным звоном и иконами.

Победителям досталась вся артиллерия Самары в числе 6 пушек, но порох и деньги казенные были увезены Балахонцевым. Самарцы на радостях послали через Арапова самому Пугачеву подарки: 3 головы сахару, 2 бочонка виноградного вина, рыбы, изюму, гусей, уток, пуд орехов, кадку масла, кадку меда, стопу бумаги и т. д.

Еще под Ставрополем в отряд Арапова влилась масса крестьян, в частности из сызранских деревень графа Орлова, крупнейшего магната, владевшего территорией всей Самарской Луки и прилегающих районов. Пополнение рядов Арапова продолжалось и в Самаре, как за счет соседних сел, так и из самого города. Благодаря захваченному в городе оружию удалось улучшить вооружение, снабдив многих ружьями, а для остальных были изготовлены копья. Кроме того под Самарой был отряд в 200 восставших калмыков.

Вскоре же через крестьян стало известно, что на Самару двигаются войска Екатерины. Будучи для пугачевцев добровольными разведчиками, крестьяне правительственным войскам ничего не говорили. Майор Муфель, двигавшийся к Самаре, жаловался, что он ничего не может узнать, так как крестьяне на стороне «злодеев».

Уже 28 декабря Муфель через село Печерское с командой около 1000 человек пришел из Сызрани в село Рождествено, расположенное на другом берегу Волги против Самары, в 5 верстах от города. В 7 часов утра 29 декабря, под прикрытием сильного бурана, он предпринял наступление. Пугачевцы, ожидая нападения, ударили в набат и встретили войска Муфеля на льду Волги. После боя под давлением драгун повстанцы отошли к городу, откуда по царским войскам открыли сильный огонь из пушек.

Пугачевцы оказали геройское сопротивление, что отмечает и Муфель. Он в своем рапорте сообщает: «От города их злодейская пехота чинила крепкий отпор». Все же Муфель ворвался в город, бой продолжался на улицах города. Спешившие на помощь пугачевцам калмыки опоздали. Они были в 2 верстах от города, когда Арапов оставил его, отступив в пригород Алексеевск, потеряв всю артиллерию и 200 человек пленными; количество убитых со стороны пугачевцев Муфель не мог определить, так как много трупов занесло снегом, а других скрывали жители. На самарцев Муфель жаловался, что «все в Самаре жители более оказывают суровости, нежели ласки». Он, видимо, не мог похвалиться такой же встречей, какая за несколько дней перед тем была устроена самарцами Арапову.

6. ПУГАЧЕВЦЫ В ПРАВОБЕРЕЖЬЕ

В начале апреля 1774 г. потерпел поражение не только сам Пугачев, но и его главнейшие сподвижники: Чика в Башкирии, Белобородов на уральских заводах, Пер-

фильев в Яицком городке. Из-под Оренбурга Пугачев бежал в Башкирию и здесь с новой энергией стал готовиться к продолжению борьбы. Здесь к нему присоединились Белобородов с заводскими рабочими, Перфильев и Овчинников с яицкими казаками.

Двинувшись на север по Уралу, Пугачев взял ряд заводов. Перейдя Каму, он занял крупные заводы Воткинский и Ижевский и прямым путем направился с армией в 20 000 человек к столице Правобережья — Казани. Взятием Казани руководили лично Пугачев с Белобородовым. 12 июля 1774 г. город был занят. Солдаты и городская беднота перешли на сторону Пугачева. Дворяне и остатки правительственных войск заперлись в кремле.

Занятие Казани ярчайшим образом демонстрировало перед всей Россией силу Пугачева. Это было чрезвычайно опасно для правительства, и оно напрягло все силы, чтобы стянуть войска под Казань. Генерал Михельсон выбил Пугачева из Казани, почти уничтожив его армию. Пугачев с отрядом в 500 человек переправился на правый берег Волги, но вскоре его армия снова достигла большой цифры — 15 000 человек.

Через несколько дней после переправы на правый берег Волги Пугачев опять оказался в пределах современного Средневолжского края. Районы, через которые проходил Пугачев, были населены или бесправными нацменьшинствами — мордвой, чувашами, татарами, черемисами, или помещичьими крестьянами. Здесь был издан указ, в котором ярко отразились все заветные желания крестьянства, разрешались все больные вопросы его:

«Божиею милостию, мы Петр III, император и самодержец всероссийский и проч. и проч. Объявляется во всенародное известие. Жалуем сим имянным указом... всех находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короны и награждаем древним крестом, головами и бородами, вольностью и свободою, вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денеж-

ных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями и соляными озерами без покупки и без оброку и освобождаем от всех прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев — судей крестьянами и всему народу налагаемых податей и отягощениев. Желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от предписанных злодеев-дворян странствие и немалые бедствия. А как имя наше властию всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих поместиях и вотчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев — дворян, всякий может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжаться будет».

Таким образом манифест Пугачева разъяснял, что крестьяне получат вольность и избавление только тогда, когда они «переведут» помещиков. Восставшие боролись во имя ликвидации феодально-крепостнических отношений.

Этот указ сыграл большую роль в том стремительном распространении восстания, о котором один из царских слуг доносил в столицу в таких словах: «не можно себе представить, до какой крайности весь народ в здешнем крае бунтуется».

Пугачев был центром пожара, а от него во все стороны летели искры в виде групп и даже отдельных агитаторов. Его сторонники разъезжали по селам и читали народу «возмутительные» манифесты. Эти манифесты и указы, вроде вышеприведенного, зажигали новые очаги пожара, действовавшие под руководством местных вождей самостоятельно.

Прослышав о приближении Пугачева, крестьяне сейчас же принимались за уничтожение помещиков-дворян

Продажа крепостной (с карт. худ. Неврева).

и их приказчиков, не меньше бар, издевавшихся над крестьянами. Помещиков вешали сами, чаще отводили в город к Пугачеву или к его атаманам. То же делали и с царскими чиновниками, которые заменяли в казенных деревнях собою помещика в области «управления» и эксплоатации крестьян. Терпевшие от непосильных наборов и придирок духовенства мордва, чуваши и другие нацменьшинства тем же порядком разделывались с попами.

Вступив в наш край, Пугачев направился к Саранску. Крестьяне и нацменьшинства толпами вливались в его армию. 27 июля 1774 г. Пугачева встретили с хлебом и солью жители Саранска. На встречу вышли не только рядовые горожане, но купечество и духовенство. Здесь Пугачев повесил до 300 человек дворян, купцов, приказчиков и старост, назначил комендантом перешедшего на его сторону прапорщика Мих. Шахматетева и, захватив 10 пушек, направился через два дня на Пензу.

В это время поднялась вся Мордовия, в особенности западная часть. Население этих мест было наиболее безземельное. Кроме того здесь не мало было заводских и фабричных рабочих. Это был угол винокуренных и железоделательных заводов. Все четыре железоделательных завода Пензенской губернии находились в Краснослободском (Рябкинский, Сивинский, Авгорский) и в Инсарском уездах. Крестьяне с лихорадочным нетерпением ждали Пугачева.

А дворяне-помещики и воеводы с чиновниками со страхом и ужасом слушали о Пугачеве рассказы, которые повсюду его опережали. Неуспевшие убежать в центр помещики скрывались по лесам; так большой мокшанский лес был наводнен таборами дворянских семей. Не всегда и здесь удавалось спастись. Крепостные общими силами устраивали настоящие облавы на своих помещиков и уничтожали их. Если удавалось помещику скрыться от крестьян своих, то по дороге он попадал в руки чужих. Гнев крестьянский распространялся на всех угнетателей народа. В с. Маклове, Краснослободского

уезда, отряд пугачевцев в 20 человек совместно с крестьянами-мордвой соседнего с. Хлыстовки искал «управителя дворцовых дел» Федорова. Это был чиновник, управлявший крестьянами в имениях царской семьи. Так как Федоров скрылся, то были повешены его канцеляристы. Мордва с. Хлыстовки привела на вожжах своего попа и повесила его на воротах.

Заводские крестьяне — рабочие того времени—играли видную роль в восстаниях. Районы с заводским населением были в первых рядах движения. Из рабочих выдвинулось не мало руководителей местных очагов восстания. Отрядом, образовавшимся в г. Инсаре, руководил литейщик Инсарского железоделательного завода Савелий Мартынов. Этим же отрядом был занят и Сивинский завод купца Мелякова. Атаманом другого отряда был какой-то Константин. Будучи крепостным помещика Бекетова из с. Плеса, Пензенского уезда, он был сослан барином в Сибирь, в Каинские железоделательные заводы, откуда бежал и примкнул к Пугачеву. Ткачи суконных и холщевых фабрик раздавали выработанный товар и машины (ткацкие станки) крестьянам, а сами в массе присоединялись к отрядам пугачевцев.

Отрядов же было много. Во главе их стояли иногда выходцы из рядов основной армии самого Пугачева, но чаще всего местные крестьяне и рабочие, выдвигавшиеся самой массой. Некоторые из этих атаманов и полковников именовали также себя императором Петром III. Наличие большого числа «императоров» путало правительственные войска, которые не всегда могли определить, где настоящий Пугачев, чтобы направить на него главный свой удар.

В районе Троицка и Краснослободска действовал Евсигнеев, в районе Инсара—Евтифеев, в Верхне-Ломовском уезде Иванов и т. д. Их действия чрезвычайно облегчались повсеместным сочувствием и содействием населения и паникой среди местных властей. Воеводы уездных городов безрезультатно просили друг у друга помощи и бе-

жали со своих постов. Воевода г. Керенка бежал неизвестно куда, не объявив о том даже своему помощнику, в самом начале движения. Воевода г. Инсара действовал более осмотрительно. Он предварительно отправил в г. Тамбов всю казну в 18 бочках на 10 подводах. В г. Наровчате бегство предупредили горожане, которые «посадили в железы» воеводу для передачи ожидавшимся пугачевцам. На пути же самого Пугачева крестьяне чинили мосты и дороги, подготовляя их для прохода армии своего вождя.

Вообще движение пугачевских отрядов было сплошным триумфом. На встречу не только Пугачева, но и мелких атаманов, как правило, выходили жители сел и даже городов с хлебом-солью, крестным ходом и колокольным звоном. Там, где гарнизон городов пытался сопротивляться, разделаться с ним помогали сами жители. В г. Верхний Ломов пугачевцы были проведены восставшими жителями в то время, когда гарнизон приготовился к обороне. Атаман Елистратов смог взять г. Инсар, побив его гарнизоны, с отрядом только в 30 человек. Отсюда, соединившись с другим атаманом—Яковом Ивановым, они совместно двинулись сначала на Саранск, потом свернули к Нижнему Ломову, где их разбил отряд гусар.

Другой атаман—Евтифеев—пришел к г. Инсар с еще меньшим отрядом. С необыкновенной быстротой его отряд пополнился крестьянами соседних сел. Такой успех пугачевцев объясняется той целью, за которую они боролись и о которой объявляли народу устно и в указах: вольность от господ, свобода на 10 лет от налогов и рекрутских наборов, наделение землей и другими угодьями и т. п. А об этих благах население извещалось через агитаторов, шедших на несколько дней впереди отрядов.

Подъем, энтузиазм восставших был настолько велик, что, несмотря на скверное вооружение большинства, одерживались победы над регулярными войсками Екатерины. Под г. Карсуном 27 августа 1774 г. отряд крестьян

с самодельными пиками разбил и обратил в бегство 150 улан и 100 человек пехоты. Обычное вооружение крестьян: косы, топоры, пики, рогатины, вилы, дубинки, и только у очень немногих — ружья и пистолеты.

Атаман Евсигнеев после захвата г. Троицка, увеличив свой отряд крестьянами до 1000 человек, занял г. Краснослободск, жители которого встретили его по обыкновению с триумфом. Воеводу и секретаря убили. Имущество богачей конфисковали. Казенные соляные амбары открыли для свободной бесплатной раздачи соли. В несколько дней было роздано около 6000 пудов соли. Соль была тогда дорогой и продавалась исключительно казной. Чиновники соляных складов ужасно обвешивали. Как правило, пуд соли фактически весил не больше 20 фунтов.

Сам Пугачев довольно быстро прошел через Правобережье Средневолжского края, стремясь на Саратов, в надежде дальше соединиться с донскими казаками. Но воодушевленные его появлением, поднятые им крестьянские массы сами продолжали и после ухода Пугачева его дело.

В Пензе Пугачев был только один день, но вблизи Пензы образовался крупный отряд Ивана Иванова, который долгое время держал в страхе дворянство и купечество города. Иванов создал также ополчение, разъезды которого окарауливали город в помощь гарнизону.

Иван Иванов — крепостной крестьянин с. Каменки, Головинской волости, княгини Голицыной, подняв восстание всей волости, создал отряд в 3000 человек крестьян русских и татар. Правительственными войсками он был разбит в 30 верстах от Пензы, причем потерял до 300 человек убитыми, 167 пленными, 7 чугунных пушек и 2 медные мортиры.

Такого рода поражения не были губительными для повстанческих отрядов. Рассыпавшись под напором сильных частей царских войск, они через несколько дней опять сорганизовались, пополняя ряды новыми массами угнетенного крестьянства.

7. КРЕСТЬЯНСТВО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ПРОДОЛЖАЕТ БОРЬБУ

Несмотря на жестокую расправу с селами возле Самары, причастными к пугачевщине, зимой в начале 1774 г. в Левобережье движение не остановилось. Царские войска в селах, сочувствующих Пугачеву, забирали скот, фураж, продовольствие, лошадей и даже шубы, рукавицы и валенки. Этим достигалось две цели — наказывали «бунтовщиков» и снабжали армию. Всех участников движения подвергали тому или иному наказанию: пороли, отправляли закованными в кандалы в Казань, вешали. Все это делалось не обязательно над непосредственными «зачинщиками», попадали рядовые повстанцы и подвергались наказанию для устрашения прочих.

Но «устрашение» действовало плохо, крестьянство с охотой шло в пугачевские отряды для борьбы за освобождение от крепостничества. Зимой в начале 1774 г., кроме отступившего из Самары и продолжавшего борьбу атамана Арапова, в Кинель-Черкасске находился атаман Ломухин, возле Борска атаман Никита Рогожников, в Ставропольском уезде атаман калмыков Дербетов. Эти атаманы признавались как власть не только крестьянами, но и помещичьими имениями. Сами помещики разбежались, если не были повешены, и для них пугачевцы были злодеями, но приказчики некоторых имений обращались к тому же Арапову за помощью против грабежей имений калмыками.

После поражения Пугачева под Оренбургом терпят поражение и его местные силы — многочисленные атаманы. В борьбе с пугачевцами со стороны правительства принимали участие не только регулярные войска, но не малую роль сыграли и ополчения, организованные местным дворянством. Класс вставал против класса. Против восставшего крестьянства сорганизовывалось дворянство. Уже в начале февраля 1774 г. атаман Ломухин имел сообщение из Тимашева, что из Самары и Красного Яра идут

Барчук в девичьей (с карт. худ. Вицмана).

московские войска, более 300 человек, с артиллерией, что идут Толстов, Коптяжев и Моисеев в свои вотчины (имения) и хотят своих крестьян вырубить, а деревни выжечь. В марте же пензенские и симбирские дворяне провели набор рекрутов из своих деревень для пополнения правительственных отрядов, подавлявших Пугачевщину.

Но и после того время от времени из крепостей Самары, Бузулука, Бугуруслана и др. высылались правительственные отряды по 100 солдат для усмирения вспыхивавших то здесь, то там крестьянских восстаний. Власти пытались привлечь крестьянство на борьбу с Пугачевщиной, но в большинстве безуспешно. Трудовая масса крестьянства не хотела идти против своих освободителей, против отрядов, несущих вольность, землю, лучшую жизнь.

Часть кулаков сначала также примкнула к пугачевскому движению и сумела использовать его для своего обогащения. Трудовое крестьянство в те времена не осознало еще классовой сущности кулачества, а последнее, опираясь на свой социальный вес и влияние, сумело извлечь выгоду для себя. Когда же перевес стали брать правительственные войска, кулаки перешли на их сторону и приступили к вылавливанию скрывающихся пугачевцев, убивали их или отправляли в руки начальства.

Об одном таком перебежчике из лагеря революции в лагерь правительства — Павле Мурзине из с. Липовки, Ставропольского уезда, сообщает Пугачеву атаман Егор Леонтьев в конце июля 1774 г. Мурзин и его сообщники не только вылавливали пугачевцев, но забирали, загоняли в свои дворы их скот. При таком положении пугачевским атаманам приходилось вести борьбу на два фронта.

Кроме войск Екатерины нужно было направить удар и на зажиточную верхушку крестьянства. Атаман Егор Леонтьев из с. Успенского (Зубовки), Ставропольского уезда, просит разрешения отбирать для революционной

армии скот у кулаков, захвативших его у восставших калмыков. Этот атаман снова в июле собрал вокруг себя рассеявшиеся было силы восставших, пополнил свои ряды новыми добровольцами и с успехом продолжал борьбу. Им было отбито «у злодеев», т. е. войск Екатерины 40 ружей, 30 тесаков и 40 солдатских сум с патронами.

Ставропольские калмыки, руководимые Дербетовым, ушли под напором войск Екатерины на юг к Иргизу. В их среде также происходила классовая диференциация, часть покорилась правительству и была использована для подавления восстания.

8. КОНЕЦ ПУГАЧЕВЩИНЫ — ТОРЖЕСТВО ДВОРЯНСТВА

Влияние Пугачевщины распространилось очень далеко по России. Волновались не только области, непосредственно охваченные восстанием, но и такие сравнительно отдаленные местности, как Москва и даже Петербург, испытывали на себе влияние Пугачевщины. Один иностранец писал из России вскоре после Пугачевщины:

«Половина империи была объята паническим страхом, и дух мятежа, одушевлявший Пугачева, обуял остальных жителей страны. Пугачев был в нескольких переходах от Москвы, и двор собирался удалиться в Ригу». Среди дворовых, ремесленников, рабочих и других слоев трудящихся Москвы было сильное брожение в пользу Пугачева. Они открыто ждали прихода освободителя в город и не особенно скрывали это от своих перепуганных господ. Окончательно перепуганное правительство Екатерины, в особенности после такого крупного успеха Пугачева, как взятие Казани, напрягло все свои силы для подавления восстания. Екатерина поторопилась заключить мир с Турцией, закончить войну, чтобы освободившиеся с фронта войска бросить на Пугачева.

Пугачев был хорошо осведомлен о намерениях правительства. Сопротивляться регулярным отборным войскам

с новыми невооруженными крестьянскими отрядами было невозможно. Нужно было добыть более крепкие боевые силы. С этой целью Пугачев, не задерживаясь в Правобережье современного Средневолжского края, быстрым маршем направился к Дону. Там были большие силы донского казачества, в поддержке которого сомнения не было, там же были и большие продовольственные запасы.

Под Саратовом к Пугачеву присоединились первые отряды донцов — 500 человек и 600 малороссийских казаков. Здесь же влились в его ряды 3000 ставропольских калмыков, ушедших на юг при подавлении восстания в весенние месяцы. Подоспели и заводские крестьяне, от самой Казани шедшие вслед за Пугачевым. Набралась армия в 10 000 человек. И все же 26 августа близ г. Сарепты восставшие потерпели поражение. Пугачев с небольшим отрядом переправился через Волгу и ушел на Урал, намереваясь пробраться далее в степи к Каспию. Но его приближенные «генералы» Творогов и Чумаков, спасавшие таким путем свои шкуры, предали его властям. Торжествующее дворянство доставило Пугачева под усиленным конвоем в Москву. Весь долгий путь от Яицкого городка до Москвы его везли в клетке прикованным. Конвоирование было поручено лучшему генералу Екатерины Суворову.

Гибель Пугачева — торжество дворянства, его победа, и победители изощрялись в наказаниях для своего классового врага. Для Пугачева была придумана самая страшная казнь — четвертование. Приговор гласил: «... за все учиненные злодеяния бунтовщику и самозванцу Емельке Пугачеву, в силу предписания божеских и гражданских законов, учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь». Этот ужасный вид казни заключался в том, что осужденному живому поочередно отрубали руки и ноги, а затем уже голову. Так намеревалось покончить с Пугачевым и Пугачевщиной дво-

Емельян Пугачев.

рянство. Сама обстановка казни была ярким выражением торжества дворянства. В день казни, 10 января 1775 г., на Болотную площадь в Москве, на место казни пускали только дворян. Войсками был оцеплен большой круг, за которым в отдалении мог наблюдать за казнью народ, внутри же круга, как пишет очевидец казни дворянин Болотов: «не пускаемо было никого из подлого народа. А дворян и господ пропускали всех без остановки... Можно было зрелище тогдашнее почесть и назвать истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем».

И только одного недворянина пропустили внутрь солдатского круга, это был палач. И он, как смог, оказал Пугачеву последнюю услугу. Он «ошибся» и вместо четвертования сразу отрубил Пугачеву голову, к сожалению дворян. Народ же, смотревший издали, до последней минуты ждал помилования.

Захваченные живыми сподвижники Пугачева также были казнены — Чика и Губанов в Уфе, их трупы вместе с эшафотом были сожжены и пепел рассеян по ветру. И мертвые тела были страшны, видимо, правительству. Салавата водили по району его действий и в каждом месте давали по 40 ударов кнутом. Полумертвым он был сослан на пожизненную каторгу в Рогервик (в Прибалтике).

С рядовыми пугачевцами, с массой восставшего крестьянства расправа началась еще раньше, осенью же, вслед за поражением Пугачева.

Во всех городах и селах, участвовавших в восстании, были поставлены виселицы и глаголи (виселицы в виде буквы Г для вешания за ребро). Было приказано одного от каждых 300 человек вешать, остальных приговаривали к наказанию: «бить нещадно кнутом и урезать ухо». Менее 50 ударов не давали. Били и вешали всех, даже стариков 60—70 лет и женщин.

Всех оставленных в живых обязывали никуда не отлучаться из своих сел, за ними был установлен надзор. Тела казненных не погребались и были или положены «по всем проезжим дорогам» или оставались болтаться

на виселицах. Одна из таких виселиц стояла на Шиверской горе возле Красноводска. Этот страшный маяк был виден в течение нескольких месяцев из города и окрестностей километров на 20.

Не зря старались генералы и офицеры при подавлении восстания. «За царем служба не пропадает». Все вешатели были щедро награждены. Так Михельсон получил 1000 душ крестьян, офицеры его отряда 3146 душ и т. д. Побежденное крестьянство было снова отдано в рабство.

Неудивительно поэтому, что еще долго после поражения главных сил Пугачева и расправы с восставшими селами и городами нередки были случаи нападения на дворянские усадьбы и на отдельных дворян небольших отрядов пугачевцев, продолжавших держаться в лесах и горах.

9. ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ПУГАЧЕВЩИНЫ

Пугачевщина была движением широких масс. Против эксплоататоров поднялись все угнетенные, все стремившиеся через разрушение старого добиться лучшего нового. Но не было ясно это хорошее будущее. Пугачевцы отчетливо видели своих классовых врагов, против которых и направили свои удары, но не знали, чем же должен быть заменен старый строй. Кроме уничтожения помещиков, крупных купцов, царских чиновников, местами попов, пугачевская программа знала только вольность для всех. Да и вольность понималась крестьянами слишком узко.

Обычно восставшее село уничтожало своего помещика со всем его гнездом, захватывало его землю, в лучшем случае это проделывалось в районе нескольких сел, и на том свою роль крестьяне считали законченной. Широкие массы крестьянства не осознали еще необходимости борьбы со всем строем крепостничества до полной общей победы. Это была одна из основных слабостей Пугачевщины.

Пестрота рядов пугачевцев была другой слабостью. Если вначале воодушевляемые общей ненавистью к угнетателям различные социальные слои дружно объединялись для борьбы с общим врагом, то позднее эта социальная пестрота породила противоречие. Каждая социальная группа стремилась к своим целям, и иногда эти цели не только не совпадали, но были прямо друг другу враждебны.

Ведь в рядах пугачевцев кроме трудового крестьянства, казачества, нацмен и заводских рабочих были кулаки и торговцы, т. е. экономически сильная верхушка. У последних были свои цели. Кулаки и торговцы добивались устранения конкуренции помещиков. Кулакам нужно было развитие «фермерского» хозяйства, торговцам—свободная торговля. Нацменская верхушка стремилась не только освободиться от русских властей, но и вообще от соседства русских, а потому нередко пускала несознательные башкирские массы на уничтожение заводов и их рабочего русского населения. Сознание у трудящихся нацмен единства их интересов с интересами русских крестьян и рабочих еще было слабо.

Спаять все эксплоатируемые группы трудящихся для борьбы с общим врагом — угнетателями — может только пролетариат, но тогда он еще только зарождался. А самостоятельные выступления мелкой буржуазии обречены на неудачу заранее. «Все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по своему направить экономику и политику, кончались крахом», — говорит Ленин.

Только в союзе с пролетариатом, под руководством его партии крестьянство смогло победить в октябре 1917 г.

НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В XVIII—XIX ВЕКАХ

«Мы хотим добровольного союза наций—такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой».

(Ленин)

1. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ В СРЕДНЕВОЛЖСКОМ КРАЕ

Средневолжский край по составу населения представляет весьма пеструю картину.

Кроме русских здесь живет ряд национальностей: мордва, татары, чуваши, башкиры, украинцы, калмыки, казаки (киргизы), мещеряки, тепляри*. Русское население стало преобладающим в крае сравнительно недавно, в Правобережье — раньше, в Левобережье — позднее, лет 150—200 тому назад. Ранее же, на протяжении многих веков, большинство населения края составляли другие народности.

Правобережье издавна было занято мордвой и другими племенами финской народности. Главными насельниками Левобережья, на громадном пространстве между рр. Камой, Волгой и Самарой до Урала и в Зауралье бы-

* Мещеряки и тептяри—немногочисленные монгольско-тюркские народности, родственные башкирам.

ли башкиры. К югу от р. Самары, между Волгой и р. Уралом, кочевали татары, калмыки, казаки (киргизы).

Территорию и население теперешнего Средневолжского края, в особенности Левобережья, в XVII и XVIII столетиях царское правительство рассматривало как «инородческую» колонию, которую нужно было окончательно закрепить и использовать в военно-политическом, торговом и податном отношениях.

С другой стороны, развивающийся торговый капитал побуждал царское правительство к установлению и расширению торговых связей со странами азиатского Востока, а народы, жившие на пути в Азию, налетами на торговые караваны чинили немалые препятствия в развитии торговли Москвы с Азией.

Царское правительство не останавливалось ни перед какими средствами, лишь бы устранить эти трудности. История отношений к жившим здесь издавна народам представляет один из самых мрачных страниц национально-колониальной политики самодержавного царского правительства.

2. МОРДВА В ПРАВОБЕРЕЖЬЕ

Обитавшие в Правобережье с незапамятных времен финские племена, в частности мордва, были покорены русским самодержавием раньше других национальностей. Буржуазные историки, говоря о встрече славяно-русских колонистов с аборигенами этого края — финнами, повторяют распространенное утверждение о мирном слиянии, мирной соседской ассимиляции славян и финнов, в результате которой образовалась великорусская народность. Однако это ложное положение следует категорически отвергнуть. Далеко не всегда и не все финские племена мирно подчинялись пришельцам. Если такие племена, как мурома, мещера, быстро подчинились русскому влиянию и совершенно исчезли как особая народность, другие же, особенно мордовская национальность, наибо-

лее культурная и сильная среди финнов, долго и упорно вели борьбу за свою независимость с русскими князьями, рязанскими и московскими, и притом не всегда безуспешно. В летописях приводится целый ряд таких фактов, относящихся к XII—XIV вв.

Следует остановиться немного на культурном быте древней мордвы, населявшей край между р. Окой и Средней Волгой. В наших музеях, столичных и провинциальных (в Москве, Ленинграде, Тамбове, Рязани, Пензе, Самаре), сохранилось большое количество предметов производственного труда, одежды, домашнего и военного быта, извлеченных археологами из финских могильников. Это было связано со старым обычаем класть в могилу вместе с покойником предметы его домашнего быта.

Многочисленные и ценные находки были сделаны в могильниках тамбовских, рязанских и на территории современной автономной Мордовской области. Эти предметы вместе с данными летописей дают возможность представить культурный быт мордвы, нисколько не уступавший в IX—X вв. нашей эры быту славян Приднепровья.

Изучая остатки доисторического прошлого тамбовско-рязанско-пензенского края, мы убеждаемся, что этот край был заселен еще задолго до начала славяно-русской государственной жизни в Киевской Руси. В VII—VIII вв., когда только что начинается расселение славян из Прикарпатья в Приднепровье, на Окском бассейне (р. Ока, Мокша, Цна) живет коренное население, имеющее уже значительные населенные пункты, приближающиеся по размерам к городским поселениям, судя по обширным некрополям (кладбищам), оставшимся на их месте. В начале русской исторической жизни население этого края не только вышло из дикого первобытного состояния, но инвентарь могильников, отличаясь обилием оружия, орудий труда и украшений, представляет многочисленные вещественные памятники довольно развитой и своеобразной культуры. Обстановка погребений указывает, что жившее здесь мордовское население имело возможность

удовлетворять не только элементарные потребности существования, но обладало довольно высоким уровнем техники, что отражалось в домашнем быту и в производстве (одежда из шерстяной ткани, бронзовые и серебряные украшения). Население вышло уже из стадии кочевого быта и, помимо охоты и рыболовства, занимается земледельческим трудом, на что указывает значительное количество найденных в могилах земледельских орудий (кирок, мотыг, особого типа длинных топоров и пр.). Из промыслов существует кузнечный и более тонкая его разновидность — художественно-ювелирное дело, так как громадная масса бронзовых и серебряных украшений носит несомненно не привозный, а местный характер. Существует гончарный промысел, плотничное дело, ткацкое производство, на что указывает обилие пряслиц и остатки материй, найденных в могилах. Могильный инвентарь позволяет представить одежду и вооружение зажиточного финна X—XI вв. в таком виде: на шее его поверх нижней одежды (рубашки) лежит массивная серебряная или бронзовая гривна (ожерелье); на груди—большая бронзовая бляха; поясом служит широкий кожаный ремень, покрытый серебряными или бронзовыми бляшками; к нему подвешены: нож в ножнах, оправленных в бронзу, и меч в серебряных ножнах; на руках—браслеты; верхняя одежда (может быть, плащ) застегнута серебряной фибулой (булавкой), в руках копье и топор. Финн—наездник, располагавший боевым конем, сбруя которого также унизана металлическими украшениями. Одежда финки X—XI вв. представляет довольно сложный костюм, изобилующий массой бронзовых и серебряных украшений, рассчитанных на световые и звуковые эффекты *.

В XIII в. у мордвы можно наблюдать зачатки политической организации: мордовская земля делилась на волости,

* Подробности см. в статье Катаева «К вопросу о культурном состоянии населения Приокского бассейна в VII—XIII вв.», Сб. Об-ва истор., филос. и социальных наук при пермском государственном университете, вып. II, 1927 г.

имевшие своих князей. По данным летописей видно, что в XIV в. еще продолжалась упорная борьба Мордовии за свою независимость с русскими князьями, пока сопротивление мордвы не было сломлено окончательно усилившейся Москвой, после чего расхищение мордовских земель русскими помещиками и чиновниками стало производиться беспрепятственно.

Но отголоски этой тяжелой борьбы древней Мордовии за свою национальную независимость сказывались еще очень долго. В моменты всех социально-политических кризисов феодально-крепостнической России (так называемая «Смута» в начале XVII в., Разинщина, Пугачевщина), когда русские угнетенные классы поднимались против своих притеснителей, угнетенные национальности, в том числе и мордва, принимают самое деятельное участие в народных движениях против самодержавного правительства. Интересны в связи с этим наблюдения одного московского историка-архивиста (Оглоблина), сделанные им в 90-х годах XIX столетия, когда ему пришлось провести лето в одном глухом мордовском углу б. Пензенской губернии.

Описывая тип мордвина и мордвинки и отмечая ряд положительных черт в их быту (трудолюбие, правдивость, гостеприимство, стремление к опрятности), Оглоблин не мог не подметить глухой затаенной вражды к русской чиновной бюрократии *.

Лишь ленинская политика советской власти уничтожила национальную рознь, основанную на несправедливых привилегиях господствующих национальностей, и осуществила равноправие наций. Мордовия в качестве автономной области входит в состав Средневолжского края и с громадным успехом выполняет задачи социалистического строительства, идя в ногу со всем пролетариатом и колхозным крестьянством.

---

* Оглоблин, «В Мордовском крае», «Историч. вестник», 1899 г., сентябрь, стр. 380—401.

3. КОЛОНИЗАЦИЯ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

Река Волга, играющая громадную роль в хозяйственной жизни, как всего Советского союза, так и Средневолжского края в частности, издавна была главным путем оживленных торговых сношений, связывающих Московское государство с такими восточными странами, как Персия, народы Средней Азии и далее — Китай и Индия. Поэтому еще царь Иван Грозный в XVI в. ведет кровопролитные войны за захват всей Волги и завоевывает города Казань и Астрахань, бывшие некогда столицами татарских царств Казанского и Астраханского. В качестве одного из форпостов наступательной колониальной политики московского правительства возникает в 1586 г. и г. Самара, а в 1648 г. строится крепость Симбирск.

Так русская колонизация медленно, но грозно надвигается с северозапада на юговосток, причем устраиваются не только отдельные крепости-города, но и целые укрепленные линии, которые шли на запад и на восток от Волги. Устройство их заключалось в том, что между отдельными городами и крепостями тянулся искусственно насыпанный вал с частоколом наверху и глубоким рвом у его подошвы. В некоторых местах устраивались так называемые «засеки»: валился на корню лес, срубленные деревья лежали, обращенные верхушками в сторону степи, представляя для наездников трудно преодолеваемое препятствие. Через известные промежутки в этом искусственно построенном ограждении устраивались ворота для проезда, около которых постоянно стояла на конях вооруженная стража. В 1648 г. начинается сооружение укрепленной «Симбирской черты», направлявшейся от г. Симбирска на запад через Карсун и Саранск до Инсара. А с 1652 г. началась постройка «Закамской линии». Внутри укрепленной линии селилось русское население.

Чем же манил этот отдаленный заволжский юговосточный край помещичье московское правительство?

Заволжье с бесконечными степными просторами, тянувшимися на сотни и тысячи верст до р. Урала (старое ее название — Яик) и дальше по Киргизии, Южному Уралу и Приуралью, представлялось для московского правительства богатейшей колонией, вроде Америки для англичан и других европейских капиталистических государств.

Захват Заволжья, во-первых, создавал огромные возможности для переселения сюда русского населения, причем правительство стремилось взять в свои руки этот колонизационный поток, раздавая земли помещикам и чиновникам, переселявшим сюда своих крепостных крестьян из центральных областей; во-вторых, обеспечивал владение рыбными и соляными богатствами р. Урала, разнообразными рудными богатствами Приуралья, которые становятся известными в XVI—XVII вв., и наконец, открывал торговые перспективы на азиатском Востоке. Все это привлекало помещиков, купцов, алчных предпринимателей, устремившихся сюда с того времени, когда правительство устройством укрепленных линий сделало этот край более безопасным.

Жившие здесь издавна башкиры, киргизы, калмыки сделались жертвами этого колонизаторского наступления.

В особенности много тяжелых драматических моментов представляет история покорения Башкирии.

4. БАШКИРЫ

Есть сведения арабских и персидских писателей IX — X вв. нашей эры, которые упоминают о башкирах, как о народе самостоятельном, занимавшем территорию по обоим сторонам Уральского хребта, между Камой, Волгой, Яиком и р. Тоболом. Со времени монгольского нашествия, т. е. с XIII в., Башкирия, находившаяся на уровне патриархально-родового быта, вошла в состав Золотой Орды. После ее распада отдельные части Баш-

кирии остались под властью симбирских, казанских и нагайских ханов.

Русские начинают проникать в Башкирию в XIV—XV вв., но систематическая колонизация Башкирии началась со времени завоевания Казани Москвой (в 1553 г.). Русское войско, покоряя народы, зависевшие от Казанского царства, вторглось в башкирские пределы. Башкиры, теснимые одновременно с востока киргиз-кайсаками, под напором Москвы вынуждены были принять русское подданство и обязались платить московскому правительству ясак (дань). Царь Иван Грозный в завещании, написанном в 1572 г., поручает своему сыну Казанское царство уже «с Башкирдою». Грозный, принимая башкир в подданство, выдал им грамоту на владение всею их землей на вечные времена, запрещавшую скупку их земель. Это — показательный пример того, как царские обещания и грамоты грубо нарушаются при первом удобном случае.

Для закрепления власти над башкирами московское правительство спешит с постройкой крепостей в центре самой Башкирии. Одновременно с Самарой, в 1586 г. основывается г. Уфа, а затем Башкирия покрывается сетью укрепленных поселений, которые башкиры во время восстаний безуспешно старались разрушить, как форпосты русской колонизации. При этом план построения крепостей, острогов, слобод, с русскими гарнизонами, предусмотрительно перерезывал башкирские земли на части и разъединял таким образом население. Этой цели служила указанная выше «Закамская линия» с новыми крепостями, продвигавшаяся все дальше и дальше на юговосток. Башкирия была разделена на волости, которые образовали 4 «дороги» (округа): Сибирскую, Казанскую, Ногайскую и Осинскую.

Московские феодалы, дворянство и торговая буржуазия в своей колонизаторской политике разделяли и само башкирское население. Чтобы обеспечить себе опору в полупривилегированных группах из среды башкир —

«тарханов», их освобождали от уплаты ясака, сохраняли имения, земли, но обязывали за собственный счет нести военную службу. В дальнейшем эти «тарханы» составили служилую башкирскую аристократию, которая поддерживала власть завоевателей, предавая интересы своего народа.

Русские воеводы производили широкие захваты башкирских земель и раздавали их не только русским помещикам, но и участвовавшим в походах на Башкирию татарам, мещерякам, тептярям, черемисам.

Таким образом, несмотря на официальное запрещение русскими законами приобретать какими бы то ни было путями башкирские земли и переселяться на них из внутренней России, русские и другие народы неудержимо проникали во владения башкирского народа. В первое время башкиры этому не очень препятствовали, — земли было много, и земля сама по себе цены не имела. Так заселялась пришельцами постепенно восточная часть Бузулукского уезда, а в западной части в то же время помещики, путем покупки земель или просто самовольно захватывая их у башкир, насаждали деревни и села своих крестьян, преимущественно из Пензенской и Симбирской губерний, каковы: Воронцовка, Кротовка, Страхово, Куроедово, Державино и др., точно так же шло заселение и Бугульминского уезда. Построены были и заселены в XVIII в. пехотными солдатами Черемшанская крепость, слободы Верхне-Кармальская, Кичуй и Бугульма. За 35 лет, между 1735—1770 гг., было основано до 25 селений, большею частью вдоль линии закамских крепостей. В таком же порядке идет колонизация и б. Бугурусланского уезда, в котором за XVIII в. на башкирских землях было основано 114 русских селений.

В 1736 г. царское правительство без дальнейших околичностей, в отмену старого закона, разрешает покупку башкирских земель. Для защиты русских поселений проводится «новая Закамская линия» от пригорода Алексеевска через Красный Яр до Кичуя.

5. ВОССТАНИЯ БАШКИР

Так башкиры оттеснялись все дальше и дальше на восток. Построение русских крепостей стало их сильно тревожить. Они начали понимать, что «нашествие иноплеменных» угрожает их национальному существованию. Башкиры стали волноваться и открыто выступать против захватчиков. В течение целого столетия, начиная с 1662 г., проходит ряд башкирских бунтов, разгораясь в широкие народные восстания в следующие годы: 1662, 1664, 1677, 1683, 1707—1717, 1735—37, 1755. Некоторые из указанных восстаний тянутся в течение нескольких лет.

Башкирские восстания отличались необычайным упорством и жестокостью. Так в 1707 г. началось восстание башкир, во главе которого стал башкирский старшина Алдар Кусюмов. Восстание было вызвано произволом и насилиями уфимского воеводы Сергеева. Восстание затянулось на целый ряд лет.

В 1717 г. восставшие только 30 верст не дошли до Казани. Все русские селения по рр. Каме, Белой и Самаре были разграблены, церкви, дома помещиков и хлеб были сожжены, русских убивали или уводили в плен и продавали в Хиву, Бухару или в Крым.

Но гораздо большими жестокостями сопровождалось подавление восстания: казнено и убито было около 17 тысяч человек, роздано помещикам 9 тысяч башкирских женщин и детей, сослано на каторгу 3 с половиной тысячи, 696 башкирских деревень было сожжено. Победители придумывали мучительные и страшные казни, чтобы запугать башкир на будущее время.

При этом подавлении восстания русское правительство применяло политику натравливания одной народности на другую. На башкир были брошены калмыки. Две калмыцкие орды, по 10 000 каждая, под начальством русского воеводы Бахметьева, вторглись в Башкирию, жгли селения, грабили скот, резали мужчин, уводили в плен женщин и детей. Восстание было подавлено, но едва уда-

лились калмыки, оно вспыхнуло с новой силой. Тогда калмыцкие отряды были вторично двинуты против башкир. Башкиры наконец смирились. Преступления главного виновника бунта, Сергеева, оказались настолько вопиющими, что царское правительство вынуждено было его казнить.

В 1728 г. явилась в Москву башкирская депутация с челобитной от башкир всех четырех дорог. Башкиры жаловались на поборы и притеснения русских воевод, на захваты их земель, на то, что аманатов (заложников) их употребляют на тяжелые работы. Правительство обещало пойти на некоторые уступки, но между тем подготовляло новые мероприятия захватнического характера.

Выдвинулись отдельные лица, которые в XVIII столетии явились яркими выразителями и проводниками национально-колонизаторской политики царского правительства, причем одни из них были сторонниками самого свирепого подавления и устрашения башкир, другие придерживались иных, более тонких и хитрых мероприятий, преследуя однако одни и те же цели — закрепление власти русских помещиков, торговой и промышленной буржуазии над башкирами. К первой категории относятся Кириллов и кн. Урусов, ко второй—Татищев и Неплюев.

6. КИРИЛЛОВ И ОРЕНБУРГСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Ловкий петербургский чиновник, обер-секретарь сената, начавший свою карьеру с самых низших ступеней — подьячего сыскного приказа, Кириллов хорошо усвоил грабительскую политику царизма. Чтобы лучше прибрать к рукам восточные колонии, Кириллов выдвинул следующий проект, который представил в сенат. Нужно, во-первых, воспользоваться враждой башкир и их соседей — киргиз-кайсаков, кочевавших по безграничным степям от р. Яика на восток до Аральского моря и далее до Алтайских гор (теперешняя автономная респулика Казакстан). В первой половине XVIII в. хан киргизской

орды Абул-Хаир обнаруживал готовность принять подданство России за богатые подачки и за помощь против своих политических врагов и против башкир. Птица, что называется, сама летела в руки. Кириллов и предлагал воспользоваться готовой силой против башкир — киргизами, натравив их друг против друга. Он доказывал, что на юговосточной границе Башкирии, на верхнем течении Яика, нужно построить новую большую крепость—город Оренбург, который должен сделаться новым форпостом для поддержания русского владычества над башкирами и киргизами (казаками). Место для этой крепости намечалось при устье р. Ори (теперешний Орск). Отсюда, полагал Кириллов, русское влияние должно было распространиться и дальше, на Среднюю Азию: открывался выход для русского торгового капитала в Бухару, Хиву и Индию. Поэтому он предлагал новый город сделать не только крепостью и административным центром, но также торгобым и промышленным центром. В это время в юговосточной Башкирии начиналось уже горнозаводское дело — искали руду и основывали первые медеплавильные и чугунолитейные заводы.

Проект Кириллова был принят в высших петербургских кругах, а сам Кириллов был назначен начальником большой Оренбургской экспедиции. В состав этой экспедиции включили значительную военную силу, гражданских чиновников, миссионеров, техников и геодезистов для составления карт, снабдили деньгами на расходы по постройке, на подарки киргиз-кайсацкому хану и на другие, чрезвычайные расходы. Правительство не скупилось на расходы, ожидая от всего этого предприятия больших выгод. В июне 1734 г. экспедиция тронулась в путь.

В августе 1735 г. заложена была крепость Оренбург (на месте теперешнего Орска), в нее введена военная команда и артиллерия. Были объявлены разные льготы для поселенцев русских и иностранцев, для купцов, земля под постройки давалась бесплатно, в городе учреждался магистрат.

Башкиры скоро поняли действительную цель экспедиции Кириллова. Становилось ясно, что с постройкой города при слиянии рек Ори и Яика они со всех сторон будут окружены русскими. Колонизация сплошной стеной надвигалась на Башкирию. Постройка Оренбурга была ни чем иным, как новой мерой для окончательного лишения башкир земли и вольности. Они решили сопротивляться.

7. ВОССТАНИЕ 1735—1737 ГОДОВ.

В том же 1735 г. вспыхнуло новое сильнейшее восстание башкир под предводительством Кильмяк-Абыза. Башкиры, защищая свои земли, нападали на отдельные отряды кирилловской экспедиции, на обозы с продовольствием. В северной Башкирии был осажден г. Мензелинск, на юговостоке башкиры захватили Верхнеяицкую крепость (Верхнеуральск). На р. Ае, впадающей с левой стороны в р. Уфу, башкиры напали на отряд главного помощника Кириллова — полковника Тевкелева, вступив с ним в отчаянную борьбу. Тевкелев разбил башкир и перешел в наступление, проявив необычайную свирепость: разорил до тла 50 башкирских деревень, самих башкир загонял в пустые амбары и сжигал, а жен и детей их отдавал солдатам. Многих подвергал самым жестоким пыткам и казням.

Но эти жестокости заставили лишь больше сплотиться башкир, действовавших до того разрозненно, и восстание охватило всю Башкирию.

На помощь Кириллову правительство выслало новую большую военную силу, регулярные войска под начальством Румянцева, использовав также против башкир калмыков и киргизов, донских и яицких казаков. Со стороны Сибири действовал Татищев — не безызвестный историк XVIII в., бывший в то время главным начальником горных заводов в Сибири и в Перми.

В результате этого восстания большая часть Башкирии была выжжена и разорена. В то же время принима-

лись и другие меры усмирения башкир. В 1736 г. был издан указ, разрешающий покупку башкирских земель, а мещерякам, оставшимся верными царскому правительству и в бунтах не участвовавшим, предоставлено было право собственности на те земли, которые они до того арендовали у башкир.

8. ТАТИЩЕВ И УРУСОВ

В апреле 1737 г. главный враг и душитель башкир, Кириллов, умер, а на его место был назначен Татищев.

Последний предлагал перевести Оренбург несколько ближе к западу и ниже по течению р. Урала. Для умиротворения края он считал нужным использовать не только военную силу и меры устрашения, но и некоторые улучшения в управлении и в земельных отношениях башкир, а также ограничение произвола и притеснений со стороны русских чиновников.

Татищев ничего не успел сделать для проведения своего плана и был смещен. На его место главным командиром Оренбургской экспедиции был назначен кн. Урусов, который продолжал свирепую политику Кириллова.

При кн. Урусове башкирское восстание не только не затихает, но разгорается еще с большей силой. У башкир в борьбе за свою независимость и землю появляются свои вожди-герои. Таким был Султан-Гирей, широко известный в народных башкирских массах под именем Каракасала, которого башкиры провозгласили своим ханом.

По народным сказаниям — богатырь с виду, Каракасал молодецки владел конем и оружием, удивляя первейших удальцов и наездников из башкир. Он увлекал массы своим красноречием, призывая всех итти на борьбу с давним врагом. Отличаясь необыкновенной храбростью, Каракасал, вместе с тем, был хладнокровен и сдержан: он не увлекался удачей и не терялся в опасности. Каракасал становится все популярнее, и авторитет его рос с каждым днем. Башкиры пели о нем свои песни:

«Каракасал—батырь (богатырь),
Каких мало в свете,
В белой чалме,
На черном коне—»
Быстр он, как ветер,
Грозен, как божья гроза...
Не боится врагов, но их побивает
Острою саблей, копьем и стрелами...
С ним биться никому невозможно:
Ему не вредят ни пули, ни стрелы...

Восстание затянулось еще на 2 года. При усмирении не давали пощады никому; была проявлена необычайная жестокость. Каракасал был неуловим. Но регулярные правительственные войска взяли верх. В августе 1740 г. победитель Урусов после произведенного розыска с жестокими пытками произвел следующую экзекуцию в 6 верстах от прежнего Оренбурга (теперь Орск): пятеро главных сообщников Каракасала были посажены на железные колья, укрепленные на высоких каменных столбах; 11 человек повешены на железные крючья за ребра, 80 человек просто повешены, 21 человеку были отрублены головы.

Много подобных казней было совершено и в других пунктах восстания. Количество жертв исчисляется многими тысячами. 301 человек были наказаны отрезыванием носа и ушей, отобрано было множество верблюдов, лошадей и рогатого скота. В Сибирь было сослано так много бунтовщиков, что их там за бесценок покупали в рабство чиновники, купцы и даже крестьяне.

Так жестоко поплатились башкиры в борьбе за свою независимость и за свою землю.

Смерть Урусова в Самаре в 1741 г. прекращает его деятельность по усмирению башкирского края.

9. НЕПЛЮЕВ

После смерти кн. Урусова начальником Оренбургской экспедиции, называвшейся в это время «Оренбургской

комиссией», в 1742 г. был назначен Неплюев, управлявший краем в течение 16 лет.

Его колонизаторская деятельность получила несколько другое направление, на котором следует остановиться. Неплюев был более дальновидным администратором, чем его предшественники. Он не был сторонником жестоких экзекуций по отношению к башкирам и не покровительствовал произволу и насилиям русских чиновников. Национально-колонизаторскую политику он проводил более утонченно и хитро. Программа его заключалась в том, что он старался усилить рознь между национальными меньшинствами—башкирами, киргизами (казаками) и калмыками. Кроме этого Неплюев стремился увеличить поток русской колонизации из внутренних областей России, устраивал поселенцев в новых городах, крепостях и на землях башкир. А чтобы предупредить в будущем восстание башкир, он начал укреплять всю пограничную полосу, устраивая ряд новых крепостей и усиливая в них военные гарнизоны. Далее Неплюев приступил к немедленному развертыванию в крае торговли и промышленности в интересах казны и торгово-промышленной буржуазии.

Первым его делом было перенесение города Оренбурга на то самое место, где он находится в настоящее время. Местоположение первоначального Оренбурга (Орска) было слишком удалено от внутренней России и представляло большое неудобство для надзора над башкирами вследствие отдаленности от их земель. Новый Оренбург должен был сделаться центральной крепостью в башкирско-киргизской колонии и вместе с тем главным рынком для всей торговли края и пограничных с ним среднеазиатских ханств, между тем как окраинное положение Орска представляло опасности для купеческих караванов, которые могли подвергаться грабежу со стороны кочевников.

В 1743 г. был заложен новый Оренбург, а в 1744 г. основана Оренбургская губерния, в состав которой было

включено огромное пространство: позднейшие губернии Оренбургская, Самарская со ставропольскими калмыками, Уфимская со всеми башкирами, части губерний Астраханской, Казанской, Пермской, Яицкое казачье войско с его огромными землями по р. Яику, Исетская провинция с зауральскими башкирами и киргизские степи, все линии внешних и внутренних крепостей в Оренбургском крае.

От Оренбурга во все стороны разветвлялись линии укреплений, которые непрерывной цепью должны были охватить все башкирское население и в то же время быть опорными и наблюдательными пунктами за киргизами (казаками). Часть этих укреплений была построена еще до Неплюева, но он привел их в законченную систему. От Оренбурга на юг до устья р. Яика и до Каспийского моря шла Нижнеяицкая линия, состоявшая из 9 крепостей и 18 форпостов. На запад от Оренбурга шла линия укреплений по р. Самаре. Современные районные центры: Борское, Бузулук, Тоцк, Сорочинск, Новосергиевск и др. — все это бывшие крепости с военными гарнизонами по Самарской линии, имевшей своим назначением связать Яицкую укрепленную линию с Волгой и отделить башкир от калмыков, кочевавших в степях между реками Волгой, Яиком и Самарой. К северу от Оренбурга шел двойной ряд военных крепостей, один по р. Сакмаре, проникавший внутрь башкирских земель, а другой вверх по р. Яику, соединяясь с линией сибирских крепостей и форпостов по сибирским рекам — притокам Тобола и Иртыша.

Таким образом вся Башкирия была оцеплена кольцом крепостей и редутов с сильными военными гарнизонами из русских солдат и мелкопоместных дворян. Было широко использовано в тех же военно-колонизаторских целях казачество, прежде всего яицкие казаки, которых русское правительство старалось прибрать к своим рукам, постепенно лишая их старых вольностей, насаждая свою администрацию и стремясь отделить командную

верхушку казачества от его рядовой массы. Мало того, с целью увеличения военного контингента усмирителей была создна новая группа казаков, так называемое Оренбургское казачье войско, начало которому было положено еще Кирилловым. Для заселения края, кроме русских переселенцев, привлекались крещеные калмыки, татары, украинцы и др.

10. ГОРНЫЕ ЗАВОДЫ

Горнозаводское дело, помимо прямого его назначения, Неплюев старался использовать тоже в колонизаторских целях и для обрусения края. Горные заводы до Неплюева были уже на Урале и в Зауралье, подходя с востока к башкирским землям, как новая угроза для туземного населения. В самой Башкирии заводов пока еще не было. Выстроенный при Кириллове Воскресенский медеплавильный завод во время бунта в 1737 г. был разрушен башкирами. Теперь заводы вклиниваются в самую Башкирию, в юговосточной ее части, богатой медной и железной рудой. Горнозаводское дело было предоставлено инициативе торгово-промышленной буржуазии, но горнозаводчики были обязаны содержать на свой счет военный гарнизон для охраны своих предприятий и занятых ими земель.

На зов Неплюева откликнулись представители торгово-промышленной буржуазии из Симбирска, Тулы и других городов. Купцы Твердышевы, Мясниковы, промышленники Масловы, Осокины, а за ними представители дворянской аристократии — графы Шуваловы, Строгановы, Демидовы, — вся эта жадная до наживы клика потянулась сюда, в юговосточную Башкирию. Началась лихорадочная постройка новых заводских предприятий. В качестве рабочей силы привлекались и крепостные крестьяне, вновь купленные владельцами или переведенные сюда из внутренних губерний, а также казенные крестьяне, предоставляемые правительством для эксплоатации заводчикам на положении так называемых посес-

сионных крестьян *. К 1760 г. в Башкирии действовало уже 28 заводов, в том числе 15 медеплавильных и 13 железорудных, с населением, доходившим до 20 000 душ мужского пола. Всего же в это время пришлого населения в Башкирии насчитывалось до 200 000 душ обоего пола. Заводчики захватывали для своих предприятий башкирские земли, леса и другие угодья, а сами заводы с военными гарнизонами, укрепленные стенами с башнями, вооруженные пушками, представляли своего рода крепости, врезывавшиеся внутрь башкирских земель.

Заводы, выгодные для правительства в интересах захватнической колонизации края, давали огромные выгоды заводчикам. Так, купцы Мясниковы, имевшие при открытии заводов в 1756 г. до полумиллиона рублей долгу, в течение 28 лет (к 1784 г.) приобрели 8000 душ крестьян, построили несколько заводов, уплатили весь долг и скопили еще 2,5 миллиона рублей чистого капитала **. Барыши, получаемые от эксплоатации медных заводов, были таковы: с каждого пуда выплавленной меди заводчик получал чистой прибыли 5 руб., наживая при этом до 400—500% **. При таких барышах можно было наживать миллионы за счет пота и крови жестоко эксплоатируемых рабочих.

Даже соляные промыслы Неплюев сумел использовать в интересах колонизаторской политики. Так при нем начата разработка илецкой соли. В 1754 г. илецкая соль поступила в ведение казны. Командированный сюда для эксплоатации соляного промысла сотник Оренбургского казачьего войска Углицкий был обязан доставлять в казну ежегодно 50 000 пуд. соли по 6 коп. с пуда, которая от казны продавалась по 35 коп. за пуд. На соляных промыслах была построена небольшая крепость с батареями для пушек, казармы для гарнизона. Так на границе казакской степи возникло новое укрепление — Илецкая защита, куда была переведена в качестве гарнизона рота

---

* Крепостные рабочие, принадлежавшие фабрике или заводу.

** Витевский, Неплюев и Оренбургский край, т. II, предисловие.

пехотного полка в полном комплекте. Казна, продавая соль по повышенной цене, получала до 15 тысяч руб. годового дохода.

11. ТОРГОВЛЯ С ВОСТОКОМ

При Неплюеве была продвинута вперед и такая важнейшая задача русского торгового капитала, лежавшая в основе колониальной политики, как развитие торговли с Востоком. Средоточием торговли сделался Оренбург. В нем был устроен гостиный двор с лавками для зимней торговли, а в виду города, за Яиком, на степной стороне — меновой двор с лавками и амбарами для летней торговли с киргизами (казаками) и среднеазиатскими купцами. На первых порах торговля носила по преимуществу меновой характер. В нее были втянуты башкиры и киргизы. Из Башкирии шли в Оренбург меха: бобры, белки, волки, зайцы, горностаи, выдры, куницы, рысь, норки, медвежьи меха, а из киргизских степей — бабры (разновидность тигра), корсаки, дикие кошки и др. Яицкие казаки доставляли сюда рыбу, икру, вязигу, клей, кабаньи туши, клыки и пр. В Оренбурге башкиры продавали оптом бортевый мед и воск казанским купцам, русским и татарам. Киргизы (казаки) приводили из степи табуны лошадей и рогатого скота. Размеры торговли скотом видны из того, что за 14 лет (с 1745 по 1759 гг.) казаками было приведено в Оренбург 49 697 лошадей и 253 122 головы рогатого скота, что по тогдашнему тарифу оценивалось до 1 миллиона рублей. Взамен скота они получали промтовары русского производства: чугунные, железные и медные изделия, сукна, бархат, шелковые изделия, платки, ленты, табак и больше всего хлеб.

В Оренбург приезжали русские купцы из Ростова на Дону, Симбирска, Тулы и из других городов внутренней России. Несмотря на трудности пути и опасности переезда через казакские степи, в Оренбург стали приезжать и среднеазиатские купцы: хивинцы, бухарцы, узбеки, привозившие сюда бумажные и шелковые ткани, пар-

чу, полотна, кисею, из Ташкента — виноград, шепталу, винные ягоды, яблоки, груши и другие фрукты. Но первое место по ценности между вывозимыми из Азии предметами занимали серебро и золото в персидской, бухарской и индийской монете и в слитках. С 1748 по 1755 гг. вывезено из Азии в Оренбург и объявлено в таможне золота 55 пуд. и серебра 4600 пуд., что по тогдашней цене на золото и серебро равнялось 4 112 000 руб.

Таким образом торговля Оренбургского края с каждым годом расширялась, возрастал доход от таможенных пошлин, достигший к 1751 г. больше 85 тысяч руб.

Доставляя большие доходы казне, оренбургская торговля доставляла еще больше выгод русской торговой и промышленной буржуазии: они получали до 100% прибыли, или рубль на рубль; позднее прибыль несколько уменьшилась в виду расширения торговли и вместе с тем торговой конкуренции, но при Неплюеве торговая прибыль не падала ниже 40%.

Таким умелым проводником интересов торговой и промышленной буржуазии и вместе с тем интересов колониальной политики оказался первый оренбургский губернатор Неплюев.

12. БАШКИРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1755 ГОДА

Если политика Неплюева была выгодна для помещичьего правительства, торговой и промышленной буржуазии, то для башкир попрежнему это была политика обезземеливания, насильственного обрусения, навязывания через миссионеров чуждой религии, налогового гнета, захвата башкирских земель пришельцами. Поэтому не прошло полных 15 лет со времени подавления последнего башкирского бунта, как в 1755 г. разгорается вновь восстание башкир. Во главе восстания появляется новый вождь, пользовавшийся большой популярностью у башкир, — это мещерякский мулла Батырша Алеев. Батырша считался одним из ученейших мулл в Башкирии. Он близко стоял к народным массам и, хорошо зная историю

башкирского народа в прошлом, мог наблюдать, что он терпит в настоящем. Ему была ясна неплюевская политика, и он видел те перспективы, которые ожидают башкирский народ в недалеком будущем.

Батырша был охвачен непримиримой ненавистью к русским притеснителям. Он задумал план освободительной борьбы против царского правительства, стремясь объединить на этой почве угнетенные народности, а именно башкир, татар и казаков, использовав для этой цели их религиозное единство. Батырша хотел поднять весь мусульманский мир против русских. Он разослал по всему Востоку России воззвания, в которых яркими красками обрисовал то положение, когда указанные национальности еще не были под властью русского царизма, и в противоположность этому изобразил мрачную картину их состояния под пятой русского самодержавия. Он писал о насильственном обращении в христианскую веру, о том, что русские власти стараются поселить вражду внутри башкирского народа, а также между башкирами, мещеряками, казаками, татарами. Батырша писал, что настало время, когда нужно готовить сабли, копья, луки, стрелы и ружья, чтобы выгнать всех русских из Башкирии.

Батырша сам разъезжал по всей Башкирии, призывая народ к восстанию. Ему активно помогали татарские муллы, которые, рассеявшись повсюду, проповедывали, что каждый магометанин должен в защиту своей веры взяться за оружие. Было послано особое воззвание к казанским татарам и казакам, приглашающее их к совместной борьбе, — и те и другие изъявили готовность помогать башкирам.

В июле 1755 г. восстание вспыхнуло разом в целом ряде башкирских волостей. Башкиры собирались небольшими отрядами и, обозначив свой путь пожарами, нападениями на небольшие русские военные отряды и гарнизоны мелких крепостей, удалялись за Яик и Киргиз-кайсацкую орду, где должны были собраться все силы пов-

станцев. Таким образом обрисовывалась перспектива союза башкир и казаков, а в случае их успеха — восстание всего магометанского населения Средней Волги и юговосточных окраин.

Против восставших была двинута большая военная сила. В глубь Башкирии было брошено несколько драгунских и армейских полков. Для усмирения повстанцев были брошены также казаки яицкие, оренбургские, даже донские, ставропольские калмыки, — всего до 20 000 человек. Началась обычная зверская расправа.

Но главный организатор усмирения, Неплюев, не ограничился этим. Он пустил в ход все: военную силу, подкупы киргизского хана и старшин, киргизских (казакских) и башкирских, обман, задаривание и угрозы. Так, в противовес воззваниям Батырши Неплюев составил обманным образом особые листы-воззвания к киргизам (казакам) на татарском языке от имени оренбургского ахуна (главы местного магометанского духовенства). В них было написано, что хотя ахун и радуется подвигу своих единоверцев-башкир, но сомневается в успехе их дела, а в случае удачи опасается, чтобы башкиры, как народ непостоянный и вероломный, не избрали бы их же, казаков, своей жертвой. По всей Башкирии были разосланы указы, в которых объявлялось прощение всем бунтовщикам, кроме зачинщиков, если только они принесут повинную, а за поимку и выдачу вождя восстания, Батырши, была обещана награда в 1000 руб.

Таким образом Неплюев путем провокации сумел поселить раздор между киргизами (казаками) и башкирами, отвлек и даже вооружил против башкир мещеряков и тептярей, соглашавшихся оказывать услуги русским военным отрядам; они служили им проводниками в горных теснинах и в лесах. Предоставленные своим только силам, лишенные возможности получить внешнюю помощь со стороны, постоянно ослабляемые тем, что многие участники мятежа уходили к русским властям с повинной, сторонники Батырши вынуждены были искать спасения в го-

рах и лесах. Сам Батырша был взят мещеряками в плен и выдан царским властям. Под сильным конвоем он был отвезен в Петербург, а его предатель, мещерякский старшина Деваев, получил обещанную премию и подарки. Более 50 тысяч башкир, видя невозможность сопротивляться, бросились за Яик и скрылись в казакских степях, чтобы потом возвратиться оттуда и продолжать борьбу. Однако надежды башкир на киргизов (казаков) не оправдались. Неплюев так перессорил башкир с казаками, что между ними произошла междоусобная резня, кончившаяся тем, что казаки откочевали в глубь степей, а остатки башкир возвратились назад и принесли повинную, сделавшись на долгое время врагами казаков.

Батырша был заключен в Шлиссельбургскую крепость, откуда больше он не вышел.

13. ПУГАЧЕВЩИНА И БАШКИРЫ

Прошло 20 лет после восстания Батырши. Социальный пожар в Оренбургском крае и в Поволжье разгорелся с новой силой. Привилегии торгового капитала и заводчиков на окраинах, рост крепостнической и колониальной эксплоатации вызвали движение казачества, крестьянства, горнозаводских рабочих и угнетенных народностей, поднявшихся против помещичьего правительства Екатерины II под знаменами Е. Пугачева. Башкиры снова восстали и влились в отряды Пугачева под предводительством ближайшего сподвижника Пугачева Салавата Юлаева, славнейшего из башкирских вождей, подвиги которого долгое время воспевались в народных песнях. Салават, примкнув к Пугачеву, принимал участие в осаде Оренбурга, затем, командуя отдельным отрядом, осаждал Челябинск, разгромил Симский и Катавский заводы и Красноуфимскую крепость. Когда Пугачев попал в руки царского правительства, Салават продолжал еще борьбу и наводил страх на неприятеля. В феврале 1775 г. и С. Юлаев попал в руки врага. Он был подвергнут же-

стокому наказанию кнутом и сослан на вечные каторжные работы в Рогервик (порт на Балтийском море). Во время восстания башкирами было разорено много крепостей и заводов, в которых башкиры видели цитадели колонизации.

При усмерении царским правительством Пугачевщины Башкирия еще раз подверглась страшному разгрому, казням и разорению. Башкирия была окончательно «замирена», т. е. больше она уже не в состоянии была выступать с массовым протестом против национально-колонизаторской политики царского правительства. А последняя во второй половине XVIII и в XIX вв. была направлена на то, чтобы лишить башкир остатков прежнего самоуправления, отдать их под власть царских чиновников и военных властей, образовав из них особое, так называемое иррегулярное войско.

Главная обязанность башкирского войска заключалась в содержании кордонов по Оренбургской линии. Но царское правительство в случае надобности использовало их в целях внешней политики. Так например, трехтысячный башкирский отряд посылается в 70-х годах XVIII столетия для усмирения польских повстанцев (перед первым разделом Польши), чтобы, как цинично говорилось в особом указе по этому поводу, «подать башкирскому войску случай к доказательству своего усердия и ревности к исполнению высочайших повелений». В 1813—14 гг., после разгрома Наполеона Бонапарта, башкиры вместе с казаками участвуют в походе России во Францию и во взятии Парижа и т. д. В 60-х годах XIX столетия башкиры передаются из военного ведомства в гражданское и наравне с русскими крестьянами подлежат управлению губернских и уездных властей, а еще позднее, с конца 80-х годов, когда вводятся земские начальники, в ведение последних отдаются и башкиры. Таким образом процесс руссификации, полного подавления самостоятельной башкирской народности при царизме закончился.

14. ПРИЧИНЫ БАШКИРСКИХ ВОССТАНИЙ

Во имя чего боролись башкиры на протяжении целых столетий? Ответ на этот вопрос становится ясным из сотен и тысяч челобитий, подававшихся башкирами в XVIII в. русским властям. В архиве б. Тургайского областного правления сохранился указ сената 1734 г. с приложенной к нему большой выпиской из башкирских челобитных. Там башкиры Ванейской, Кайлинской и Иланской волостей просят, чтобы «русских людей и иноверцев, которые на их ясашных * землях живут, поселясь насильством, с тех земель выслать на прежние жилища, а теми землями владеть им, башкирцам, попрежнему». Башкиры Иряхтинской волости просят, «чтоб старинную их землю на р. Ику, на которой, насильством поселясь, живут пришлые из Казанского уезда, владеть попрежнему, а тех пришлых выслать на прежние жилища», и т. д., без конца идут такие жалобы (Труды Оренб. уч. арх. комиссии, VIII, стр. 4—6). Ясно, что башкиры требовали прекращения экспроприации их земли и изгнания колонизаторов. Башкиры требуют кроме того, чтобы их земли «по старому их владению и по урочищам описать и поставить грани и учинить чертеж», т. е. произвести межевание их земельных владений и точно определить их границы.

Через всю историю башкир красной нитью проходят земельные насилия и неурядицы, которые лежали в основе их бунтов и привели их к концу царского периода к разорению. Башкирия, — эта когда-то обширная и привольная страна, издавна привлекавшая к себе колонизаторов всякого рода, никогда при царизме не была измерена и размежевана. Земельные отношения башкир с пришлыми поселенцами особенно запутались после башкирского восстания 1735—37 гг., когда в наказание за мятеж башкиры были лишены своих земель в пользу

* То есть обложенных ясаком—податью на национальные меньшинства.

принимавших участие в подавлении мятежа мещеряков, тептярей и русских, потом снова ими были наделены, потом опять утратили часть их. В 1736 г., как уже упомянуто выше, был издан указ, разрешавший русским покупать и арендовать у башкир земли, что привлекло в Башкирию новую волну колонизаторов-помещиков, заводчиков, купцов. При продаже земли границы их определялись урочищами, а сколько в тех границах заключалось десятин, башкиры подчас и сами не знали. Десятки и сотни тысяч десятин продавались и покупались за бесценок. Так в конце XVIII столетия Белорецкий завод купил 300 000 десятин строевого леса за 300 рублей, а Авзяно-Петровский и Кагинский заводы арендовали у башкир «на вечные времена» 180 000 десятин за 20 руб. в год. С. Т. Аксаков в своей «Семейной хронике» рассказывает о надувательских земельных сделках с башкирами, в результате которых русские помещики в Бугурусланском и в соседних уездах буквально за гроши приобретали целые громадные имения. Естественно, отсюда возникали споры, жалобы, протесты против захватчиков.

После отмены крепостного права, в 60—70 гг. XIX столетия, в связи с ликвидацией крепостных отношений, начинается вновь волна расхищения башкирских земель. Появляются новые захватчики башкирских земель из чиновников, которых правительство в целях руссификации края щедро наделяло из казенных и так называемых «запасных башкирских» земель, из разного рода любителей наживы, хлынувших в благодатный край, имевший большое будущее в связи с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве. При благосклонном содействии чиновников, на которых формально лежала обязанность охранять интересы башкир и следить за законностью земельных сделок, совершались купчие крепости, сопровождавшиеся угрозами, вымогательством, принуждением к составлению фальшивых приговоров. Происходило массовое обезземеление, разорение коренного башкирского населения, с одной стороны, а с дру-

гой — рост кулачества как русского, так и башкирского. Находясь под гнетом русских помещиков и чиновников, торговой буржуазии, башкирского кулачества и духовенства, башкирская сельская беднота разорялась и вымирала.

В революцию 1905 г. происходит некоторый подъем национального и аграрно-крестьянского движения в Башкирии, не приведший однако к каким-либо серьезным переменам.

15. КАЛМЫКИ

Колонизаторская политика царизма по отношению к калмыкам и казакам (киргизам) имела некоторые особенности по сравнению с башкирами. Калмыки, выходцы с Алтая, с китайских границ, в первой половине XVII в. перешли р. Яик и кочевали в степях между Яиком и Волгой до границы с Башкирией по р. Самаре. Потом они частично продвинулись дальше на запад, перешли Волгу и здесь избрали местом своего кочевья астраханские степи по правому берегу Нижней Волги. Дальнейшая история калмыцкого народа прошла бы мимо Средневолжского края и о калмыках можно бы в данном случае не говорить, если бы не один эпизод, временно связавший калмыков со Средней Волгой. Это — история основания Ставрополя на Волге, возникшего первоначально, как калмыцкий город.

Это было связано с особым методом национально-колониальной политики царского правительства. Калмыки, хотя и признавали в половине XVII в. русское подданство, однако причиняли не мало хлопот, предпринимая набеги на русских, действуя нередко совместно с башкирами и киргизами. Чтобы прибрать калмыцкий народ к рукам и использовать его, с одной стороны, для заселения пустынных приволжских степей, а с другой — как военную силу наподобие казаков для целей колонизаторской политики, царское правительство пыталось привлечь

себе на помощь религию. Оно старалось обратить в христианство отдельных представителей ханского рода, князьков и калмыцкой родовой знати. Их вызывали в Москву и в Петербург, задаривали подарками и убеждали принять христианство. При участии самого царя или царицы торжественно совершался христианский обряд крещения. Новокрещены получали подарки, им назначалось постоянное жалование, и затем с русскими миссионерами и военной охраной они возвращались к себе домой. Так, при Петре I были крещены калмыцкий владетель Пэрэн, названный князем Василием Дугоровым, и внук известного калмыцкого хана Аюки Баксадай—Дорджи, названный князем Петром Тайшиным. Тайшину было назначено годовое жалование в 1000 руб. и 500 четвертей хлеба. При своем отъезде из Петербурга Тайшин получил одновременно 1000 руб. и на 500 руб. подарков. Через новокрещенов и через русских миссионеров христианство распространялось среди калмыцкой народной массы. Для приманки пускались в ход также денежные выдачи и разные льготы, дававшиеся даже вопреки законам; так калмыки при переходе в православие освобождались от уплаты сделанных ими ранее долгов и не подвергались наказанию даже за убийство. Таким образом внутренние смуты, постоянно имевшие место среди родовой калмыцкой знати в борьбе за власть, осложнялись теперь еще и религиозной рознью.

Астраханские губернаторы и лица, заведывавшие калмыцкими делами, предлагали петербургской коллегии иностранных дел отделить крещеных калмыков от некрещеных и устроить их особой колонией. Петербургское правительство согласилось с этим. Было решено поселить их в Левобережье, в б. Ставропольском уезде, а для княгини Тайшиной, вдовы П. Тайшина, и для калмыцкой знати построить крепость и город на берегу Куньей Воложки против Жигулевской Девичьей горы и Молодецкого кургана. Город был назван Ставрополем (город креста).

Это событие относится к 1738 г. Все крещеные калмыки были отправлены из астраханских степей на новое место жительства и были расселены на пространстве от устья р. Черемшана вниз по Волге до с. Царевщины и р. Сока. В отмеченных местах калмыки могли кочевать, ловить зверей и рыбу, рубить лес и пасти скот.

Указом 1739 г. было предписано произвести нарезку земельных участков калмыкам, причем царское правительство, конечно, поддерживало их родовое и имущественное расслоение: рядовой народной массе отводилось по 60 десятин на двор, калмыцкой знати — старшинам (зайсангам) вдвое против рядовых, а калмыцкой княгине — вдесятеро. Комендант Ставропольской крепости, русский полковник, должен был стараться о приучении калмыков к оседлой земледельческой жизни, к промыслам и торговле. В связи с этим возникли следующие калмыцкие селения и слободы: Воскресенская слобода, или Ягодное, Благовещенская слобода или Сускан, Тенеево, Раковка, Курумоч, Калмыцкая Сахча или Верхнее Якушкино, Кобельма и др.

В 1744 г. переселившихся в Ставрополь и его уезд калмыков было 3313 душ обоего пола, в дальнейшем число их увеличилось приливом новых переселенцев из астраханских степей, а также из калмыцких улусов между Волгой и Яиком. Ставропольские калмыки были переданы в ведение оренбургского губернатора, в задачу которого было поставлено постепенное обрусение калмыков и военное их устройство, подобное казацкому. Все ставропольские калмыки были разделены на восемь рот под начальством зайсангов, представлявших род казачьей старшины, и в случае надобности по приказу русского начальства должны были являться «во всякой исправности, на добрых лошадях и с надлежащим по их обыкновению оружием».

Кроме Ставрополя и его уезда крещеные калмыки стали селиться при Неплюеве и в Оренбурге. Оренбургские калмыки выделились из улусов, кочевавших по ниж-

нему и среднему Яику. Сюда же стали переходить и некоторые из ставропольских калмыков. Из оренбургских калмыков была сформирована особая рота, употреблявшаяся на службу по казачьим форпостам.

К концу управления краем Неплюева (1758 г.) всех крещеных калмыков в Оренбургской губернии насчитывалось 8 слишком тысяч душ обоего пола. Из них было организовано особое калмыцкое войско, приравненное к казачьему, наравне с казаками несшее военную службу в целях охраны пограничной линии, а также для усмирения башкирских и других восстаний. Калмыков, усердно выполнявших эту последнюю миссию, царское правительство награждало подарками или прибавкой жалования. Так в оренбургском губернском правлении имеется дело за 1774 г. о прибавке жалования находящемуся при оренбургской губернской канцелярии калмыку-переводчику за службу и за особую заслугу, состоявшую в том, что он находится в Яицком казачьем городке «при приведении бывших в злодейской толпе ставропольских калмыков в повиновение не малое время и употреблялся с надлежащим успехом» Оренбургское губернское правление, д. № 33, опись № 1117а).

В Ставрополе калмыки не прижились. Эксплоатация со стороны военных русских властей и своих зайсангов заставляла многих бежать в кочевые улусы обратно в астраханские степи и на Яик, а в 1771 г. калмыки громадной массой (33 000 кибиток, до 170 000 душ) двинулись через Урал и киргизскую степь на старую родину, в пределы Китая.

В пределах России осталось только до 5 тысяч кибиток.

Остатки ставропольских калмыков в 1842 г. были окончательно переселены в Оренбургскую губернию, включены в состав Оренбургского казачьего войска и распределены по его полкам.

Главная цель национально-колонизаторской политики царского правительства была достигнута.

16. КАЗАКИ (КИРГИЗЫ) *

Еще сложнее была политика царского правительства по отношению к казакам (киргизам), занимавшим своими кочевьями степи, тянувшиеся на многотысячное пространство за р. Яиком на восток до Аральского моря и далее, до среднеазиатских ханств—Хивы, Бухары и Коканда. Последние некогда входили тоже в состав казакских владений.

Казаки на этом обширном пространстве в XVII—XVIII вв. делились на три самостоятельные орды: Большую, Среднюю и Малую (с востока на запад). Ближе соприкасавшиеся с границами России Малая и Средняя орды в 1738—39 гг. признали формально русское подданство, но фактически оставались независимыми, в особенности Средняя орда. Казаки (киргизы) — лихие наездники — на своих степных скакунах были недосягаемы для русских драгун и казаков, а хитрые и изворотливые казакские ханы в половине XVIII столетия — Абул-Хаир (Малой орды) и Султан-Аблай (Средней орды)—вели двусмысленную политику по отношению к русскому правительству.

Между тем ладить с казаками было очень важно для царизма по целому ряду причин. В их руках, можно сказать, находился ключ для восточной торговли со Средней Азией и Индией, куда устремлялся русский торговый капитал, и в отношении которой строили заманчивые проекты оренбургские правители Кириллов и Неплюев. Торговые караваны из Оренбурга в Хиву, Бухару, Ташкент и обратно должны были проходить через казакские степи, и от казаков зависело — пропустить ли их невредимо до места назначения или, наоборот, налететь, как степной вихрь, на купцов и их охрану, разгромить, ограбить. Далее, от поддержки казаков или, наобо-

* В настоящее время население автономной республики Казакстан носит название казаков; в царский период они носили название киргизов или киргиз—кайсаков.

рот, от враждебного отношения их всякий раз в значительной степени зависели развитие и исход башкирских восстаний. К ним, как к своим ближайшим соседям— сородичам по национальности и единоверцам — башкиры обращались за помощью во время восстаний против русского правительства, и у них они искали спасения и убежища во время разгрома и усмирения бунтов. Отсюда-то и исходила гнусная политика царского правительства натравливания этих национальностей друг против друга и раздувания между ними вражды. В особенности важно было поддержать добрососедские отношения с казаками во время раскатов на всем юговостоке грозного Пугачевского бунта.

При оренбургской губернской канцелярии в распоряжении оренбургского губернатора состояла особая «экспедиция иноверческих и пограничных дел», которой были поручены башкирские и казакские дела и в распоряжении которой находились значительные денежные суммы на подкупы, подарки, на выдачу денежного жалования ханам и их чиновникам. Эта экспедиция ведет деятельную переписку с командирами крепостей и форпостов по Яицкой линии, а также со старшинами казакских родов, кочующих на степной стороне за г. Яиком, об улаживании разных конфликтов, вызванных набегами казаков (киргизов) или, наоборот, насилиями яицких казаков. Так в делах этой экспедиции находим, например, определение оренбургской губернской канцелярии 1774 г. «о выдаче годового жалования» за 1773 — 74 гг. Нурали-хану (Малой орды) и киргизскому князьку Айчувак-Салтану из расчета годового оклада: хану—600 руб., а Салтану — 200 руб. Там же: «о выдаче годового жалования писарям Нурали-хана» (Оренбургское губернское правление, д. № 33, по дополнительной описи № 1117а, лл. 9—11).

Есть любопытное дело от июля 1774 г. — разгар Пугачевщины, — об освобождении из-под караула пойманных «на воровстве» трех казаков (киргизов) и об отсылке их

к хану по следующим мотивам: «Как настоящие обстоятельства требуют, чтоб сей киргиз-кайсацкий народ содержать сколько можно в ласковости, дабы оной при здешнем с известным государственным злодеем самозванцем Пугачевым упражднении не отважился поступить в вящшее предосуждение на злодеяние... того ради помянутых киргизцов отпустить и о том в пристойных терминах его, хана, уведомить». Несколько времени спустя в книге определений оренбургской губернской канцелярии записывается постановление о выдаче «из определенной здесь на заграничные киргиз-кайсацкие расходы суммы» денег 315 руб. в подарок Нурали-хану и Айчувак-Салтану и на кормовые деньги присланным от них казакам, причем выдача подарков мотивирована следующим образом: «За сообщенные ими здешней стороне полезные известия и предъявленную к поиску над злодеем беглым донским казаком Пугачевым с изменнической его толпою готовность»... (Оренбургское губернское правление, д. № 33, по дополнительной описи № 1117а, лл. 12, 21—23).

В таких витиеватых выражениях канцелярской переписки отражается вся сложность политических отношений с казаками в опасный для царского правительства период Пугачевщины, заискивание и угодливость царизма и его слуг перед ханами и князьками, когда с последними нужно было не только поддерживать мир, но и воспользоваться их услугами в трудной борьбе с Пугачевщиной.

Так продолжается до 40—60-х годов XIX столетия, когда политика царского правительства с казаками становится активнее, переходит в наступательную и с казакским народом более уже не церемонятся. При военном губернаторе Обручеве империалистические захваты на востоке раздвигаются. Линия русских крепостей выдвигается за р. Урал, в пределы б. Тургайской области (теперь Казакстан). Строятся крепости Тургай, Иргиз, на р. Сыр-Дарье Казалинская, форт Карабутак, форт Перовский и Актюбинск, Кустанай. Сюда на исконные казакские земли направляются русские переселенцы, начина-

ется обычная при насильственной колонизации борьба угнетенной национальности против пришельцев-захватчиков. Но самодержавное правительство при Николае I и его преемниках приняло меры, чтобы движение не развилось до размеров башкирских бунтов; руссификация и подавление казакской народности шли полным и угрожающим ходом во все время царизма.

17. НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Лишь Октябрьская революция вкорне изменила национальную политику как в целом по СССР, так и в частности по отношению к башкирам, калмыкам и казакам.

Одним из первых шагов рабоче-крестьянской советской власти было опубликование «Декларации прав народов России» (2 ноября 1917 г.), на основании которой всем национальностям России было предоставлено право на самоопределение вплоть до отделения в самостоятельную республику, отменены всякие национальные ограничения и предоставлена полная самостоятельность культурного развития. «За эпоху царизма, — говорится в Декларации, — народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов — с другой».

Этой политике лжи и недоверия, придирок и провокаций положен конец. В Союзе советских социалистических республик вкорне уничтожен национальный гнет, создана обстановка взаимного доверия и прочно заложены основы братского сотрудничества народов.

В течение 17 лет в СССР неуклонно проводится ленинская национальная политика. Уже к концу первой пятилетки Башкирская АССР, обширная Казакская АССР и Калмыцкая автономная область (последняя входит в состав Сталинградского края) вступили наряду с другими

республиками, краями и областями Советского союза в период социалистической реконструкции и достигли громадных успехов в области хозяйственного и культурного строительства.

Башкирская АССР развивается во втором пятилетии как район качественной и цветной металлургии, нефтяной промышленности, зернового и лесного хозяйства.

Казакская АССР во втором пятилетии развертывает большое промышленное строительство, обеспечивающее использование богатейших запасов в Казакстане цветных металлов, угля, нефти. Заново создается машиностроительная промышленность. Выполняется проблема развития в Казакстане крупного социалистического земледелия и животноводства, создания грандиозной системы оросительных мероприятий, которые должны оплодотворить почву огромных, ранее пустынных и бесплодных пространств.

Из отсталых и загнанных колоний царского периода обе эти автономные республики превращаются в районы важнейшего политического, экономического и культурного значения в СССР.

Мрачное прошлое грабительской, кровавой, национально-колониальной политики царского периода теперь при мощном движении вперед всего СССР в построении нового социалистического общества, под руководством коммунистической партии и ее великого вождя т. Сталина, безвозвратно миновало.

Литература и источники:

1. П. А. Преображенский, Очерк истории Самарского края, Самара, 1919 г.

2. Витевский, Неплюев—основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края, Казань, 1891 г.

3. Он же, Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Трехтомник, Казань, 1889—90 гг.

4. Катаев, К вопросу о культурном состоянии населения Приокского бассейна в VI—XIII ст. Сборник О-ва истор., философ. и соц. наук при пермском гос. университете, 1927 г.

5. Добросмыслов, Башкирский бунт в 1735—37 гг. Труды Оренбургской уч. архивной комиссии, вып. VIII, 1900 г.

6. Чернавский, Оренбургская епархия в прошлом ее и в настоящем (с очерком колонизации Оренбургского края). Труды Оренбургской уч. архивной комиссии, вып. VII, 1900 г.

7. Мордовское население Пензенской губернии, его прошлое и современное состояние. Под редакцией Г. А. Полумордвинова, изд. Агитпропа пензенского губкома, 1927 г.

8. Б. Советская Энциклопедия, т. V, ст. «Башкирская АССР» с историческим очерком и библиограф. указателем советской литературы о Башкирии.

9. Энциклопед. словарь Брокгауз и Ефрон, статьи о башкирах, калмыках и киргизах.

10. Дела оренбургского губернского правления XVIII ст., архивный фонд в средневолжском краевом архивохранилище.

11. Доклады тт. Сталина, Молотова и Куйбышева на XVII съезде ВКП (б).

КРЕПОСТНОЕ ВОТЧИННОЕ ХОЗЯЙСТВО КРУПНОГО МАГНАТА НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ

Кому из жителей Средней Волги не известны Жигули с их дивными картинами природы! Кто не любовался этими прекрасными видами, проезжая по Волге от Самары до Ставрополя на пароходе или совершая на лодке весьма популярную для наших туристов «кругосветку».

Жигули — это только северная прибрежная линия полуострова — Самарской Луки, образуемого причудливым изломом Волги. Ряд сел и деревень раскинулся на этой территории. Бурное социалистическое строительство в настоящее время охватило этот район. Мы видим теперь здесь ряд колхозов и МТС, заводские предприятия, рабочее и колхозное население которых упорным коллективным трудом выковывает себе новую лучшую жизнь.

Пролетарская революция 1917 г. нанесла сокрушительный удар тому общественно-экономическому строю, который существовал на Самарской Луке в течение многих столетий и был основан на жестокой эксплоатации крестьянского и рабочего труда. В течение ряда месяцев 1918 г., на основании решений власти рабочих и крестьян в лице сызранского исполкома и его земельного отдела, а также усольского волисполкома, производилась реквизиция владений и имущества последнего вотчинного владельца, представителя феодальной «династии» графов Орловых-Давыдовых, земли которых некогда раскинулись по всей Самарской Луке, захватывая вдобавок обширные угодья и на левом берегу Волги к северу и к югу

от Луки, а также ряд островов на самой Волге, на протяжении Луки вплоть до Новодевичья.

Орловы царили здесь в течение долгого времени с екатерининских времен, со второй половины XVIII столетия, устанавливая свои законы и порядки для местного населения, эксплоатируя его труд, и создавали таким образом свои колоссальные богатства. Для этой цели организовано было крупнейшее вотчинное хозяйство, в основе которого лежала эксплоатация земледельческого труда с организацией целого ряда сопутствующих производств промышленного характера.

У нас в настоящий момент есть возможность вскрыть эту мрачную картину прошлого Самарской Луки благодаря тому, что до нас сохранился и находится теперь в наших руках вотчинный архив Орловых-Давыдовых, содержащий в себе необычайно ценный материал. Тут имеются указы, приказы и письма самого владетеля-графа, приказы его главной московской конторы, отписки, доклады и рапорты усольской вотчинной конторы, приказы этой конторы волостным начальникам и старостам, доклады и рапорты этих последних, штаты служащих, окладные книги доходов и расходов по вотчине, месячные и годовые отчеты, доклады особых ревизоров, посылаемых в вотчину из центра, списки недоимщиков по оброку, подворные списки отдельных сел и деревень, дела о переселении крестьян, о беглых крестьянах и т. д. Этот обширнейший документальный материал, начинаясь с конца XVIII столетия, идет последовательно из года в год вплоть до 1918 г., года реквизиции имений Орлова-Давыдова.

1. СТАРЫЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ САМАРСКОЙ ЛУКИ

Родоначальником Орловых-Давыдовых был граф Орлов Владимир Григорьевич — в своем роде историческая личность. Это один из братьев Орловых, представителей

петербургской гвардейской дворянской молодежи, которые были главными участниками дворцового переворота 1762 г. В результате этого переворота был свергнут с престола и затем убит полусумасшедший император Петр III и на престол была возведена его ловкая и пронырливая жена — Екатерина II. Ставленница дворянства, она сделалась игрушкой в его руках и ознаменовала свое продолжительное царствование (с 1762—1796 г.) тем, что оно стало в истории России наиболее ярким периодом дворянской диктатуры и максимальной эксплоатаци крепостного населения.

Орловых было пять братьев. Из них всего больше помогли Екатерине два брата — Григорий и Алексей, оба гвардейские офицеры. Это были смелые и отчаянные люди, известные всему Петербургу своими кутежами и любовными похождениями. Особенно старался в пользу Екатерины Григорий Орлов, высокий, статный силач, с которым Екатерина была в близких отношениях, будучи еще великой княгиней. После ее воцарения он был первым ее фаворитом в течение 12 лет и сделался первым лицом в государстве. Братья Орловы были возведены в графское достоинство. Екатерина осыпала их денежными подарками (до 17 миллионов рублей), подарила им сотни тысяч десятин земли в разных губерниях России и несколько десятков тысяч душ крепостных крестьян.

Владимир Орлов был младшим из братьев Орловых. Во время переворота ему было 19 лет и непосредственного участия в нем он не принимал. Но милости, щедро посыпавшиеся на семью Орловых, конечно, не миновали и его. В скором времени после переворота братья посылают его учиться за границу, в Германию, в Лейпциг, где он провел 3 года. По возвращении он получает придворный чин камер-юнкера императрицы, становится близким ко двору и назначается директором Академии наук.

В 1767 г. Екатерина в сопровождении блестящей свиты совершает на судах путешествие по Волге, начиная

с г. Твери вниз до г. Симбирска (теперь — Ульяновск), с заездом в попутные города. Путешествие носило характер сплошного увеселительного праздника, с пышными встречами императрицы представителями дворянства и буржуазии, с льстивыми речами, с пушечной пальбой, фейерверками, парадными банкетами и пр. Таким путем императрица «изучала» свою страну и ее население. Братья Орловы, Григорий и Владимир, находились в свите императрицы. В Симбирске Владимир Орлов оставляет пышный кортеж * императрицы и совершает путешествие, частью сухим путем, частью по Волге, до Астрахани, причем по пути в сопровождении брата Григория Владимир заехал в Новодевичье на Волге, а отсюда — в находящееся в 30 верстах Усолье, направляясь через Самарскую Луку в Сызрань и далее. Места и угодья на Луке приглянулись знатному вельможе. Знакомый ему симбирский дворянин Мещеринов обратил его внимание на плодородие почвы и на природные богатства края. Этого было достаточно для того, чтобы усольские места перешли во владение графов Орловых.

Громадные имения Орловых к тому времени были рассеяны в целом ряде губерний: в Московской, Тверской, Орловской, Курской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской и Симбирской. В 1768 г. часть этих имений была взята в казну в обмен на вновь пожалованные земли в Симбирской губернии, лежащие, как говорилось в особом указе императрицы по этому поводу, «на горной стороне реки Волги, в Самарской Луке... начиная от Рождественской волости, против города Самары, до писцовой межи Усольской волости, как вверх, так и вниз по реке Волге, с рыбными ловлями, да сверх того, по луговой стороне реки Волги, по способности из пустопорожней земли» **.

---

* Кортеж—шествие.

** Граф Орлов-Давыдов, «Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова», т. I, стр. 82, С. Петербург, 1878 г.

Это была огромная территория с рядом сел и деревень, в центре которых стояло село Усолье, где была организована вотчинная контора для управления новыми владениями графов Орловых.

До 1808 г. эта вотчина находилась в общем владении Орловых, но в этом году по разделу симбирских имений между оставшимися в живых Орловыми Усольская вотчина перешла в собственность графа Владимира Григорьевича. Последний вообще отличался чертами хозяйственности и распорядительности в противоположность брату Григорию — фавориту императрицы, который отличался расточительностью, мотовством и при огромном богатстве сумел запутать свои дела и наделать громадных долгов. Благодаря, вероятно, этим обстоятельствам по соглашению, состоявшемуся между Орловыми еще в 1773 г., графу Владимиру Орлову была передана главная распорядительная власть над всеми вотчинами Орловых.

Эта власть была подтверждена особым «указом» крепостному населению во все вотчины Орловых, за подписью старшего брата, графа Ивана Орлова. «Указ» от 8 ноября 1773 г. гласил:

«С получением сего нашего указа повелевается вам всем отныне в послушании быть у брата графа Владимира Григорьевича, и для того, как отписки писать, так и всякие представления от вотчины чинить на имя его в Петербург. И на то, какие от него насылаемы вам будут письменные или словесные повеления, оные вы непременно должны исполнять и во всем воле его повиноваться, равным образом и положенной на вас господской оброк ежегодно платить имеете в тех местах, где от него указано вам будет. Подлинный за рукою графа Ивана Григорьевича» *. Такова форма, в которой выражалась воля крупного помещика-феодала по отношению к его подданным-крепостным.

Проводником и исполнителем этой воли была прежде всего главная графская контора, которая сначала на-

* Граф Орлов Довыдов, Биографическ. очерк, стр. 269—270.

ходилась по месту постоянного жительства владельца — в Петербурге, а затем — в Москве, после отставки гр. В. Г. Орлова от службы в 1774 г., когда окончилась политическая роль Орловых, и Владимир Орлов переехал на постоянное жительство в Москву. Зимой он проживает в своем доме на Никитской улице, а летом в подмосковном имении «Отрада», где был построен для этой цели богатый дворец.

На местах же, в вотчинах, в том числе и в Усолье, были организованы вотчинные конторы для непосредственного управления и эксплоатации бывшего в данной вотчине населения. Первый период в организации крепостного вотчинного хозяйства Орловых на Самарской Луке совпадает таким образом с периодом владения Усольской вотчиной гр. Владимира Орлова, — с конца 60-х годов XVIII столетия до смерти последнего, последовавшей в 1831 г.

2. СЕЛА И ДЕРЕВНИ, ВХОДИВШИЕ В СОСТАВ УСОЛЬСКОЙ ВОТЧИНЫ

Установим прежде всего размеры Усольской вотчины. В окладной книге усольской вотчинной конторы 1812 г. * имеется перечень сел и деревень, входивших в состав вотчины и обложенных оброком в пользу владельца, с указанием числа ревизских ** душ в каждом селении и размера взимаемого оброка. Всего значится 36 селений.

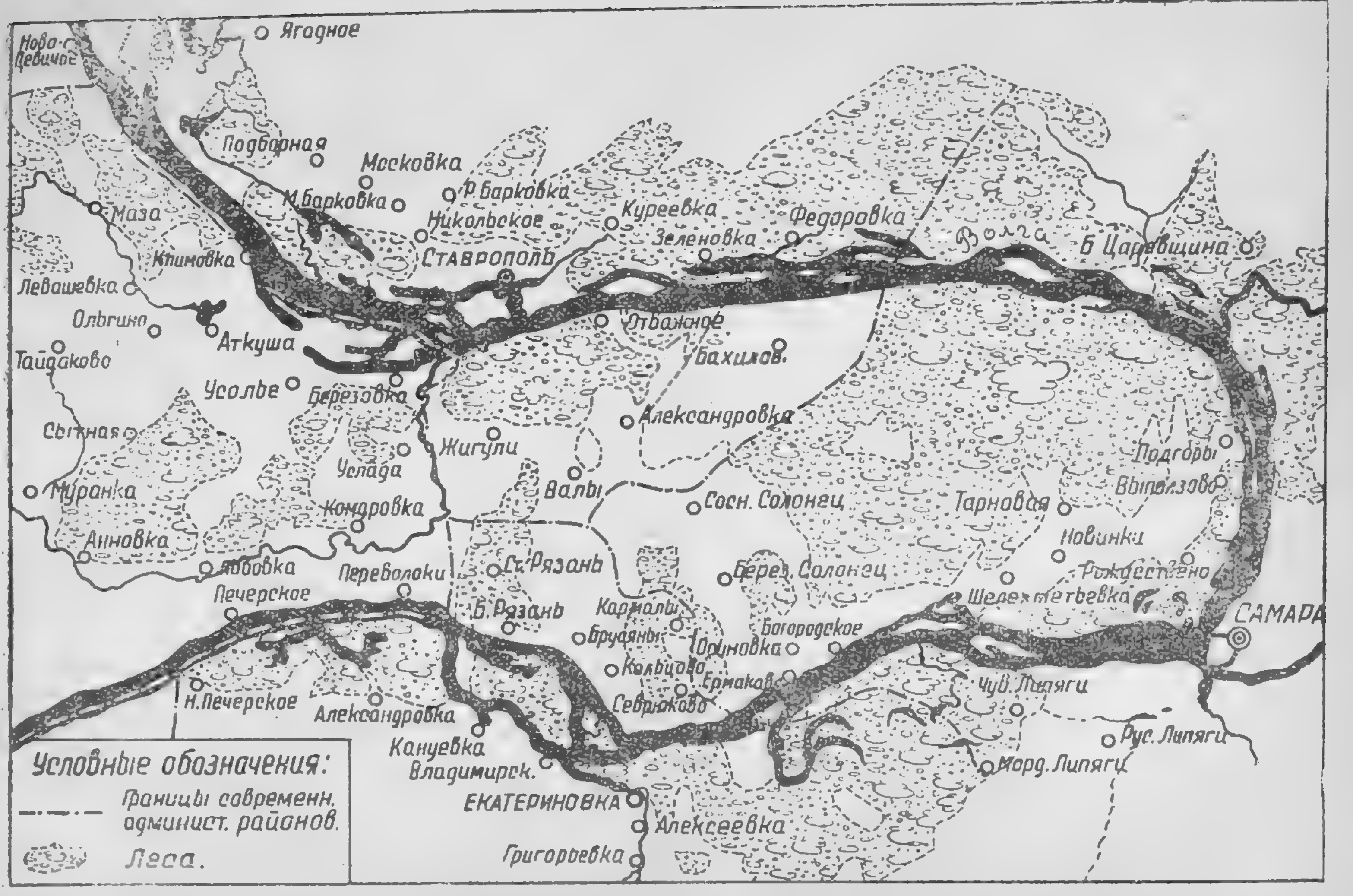
1. С. Усолье	791	рев. д.
2. » Ахтуша	527	»
3. Дер. Московка	159	»
4. » Тайдаково	404	»
5. » Львовка	153	»
6. » Комаровка	347	»
7. » Березовка	386	»
8. » Преполовенская	294	»

* Архив гр. Орлова-Давыдова, связка 44а.
** В списки ревизий заносились только мужские души.

9.	С. Жигули	718	рев. д.
10.	» Валы	569	»
11.	» Рязань	946	»
12.	» Александровка	409	»
13.	Дер. Рязань	374	»
14.	С. Аскул	556	»
15.	» Сосновое	746	»
16.	» Брусяна	519	»
17.	Дер. Бахилова	318	»
18.	» Чувашская Брусяна	398	»
19.	» Чувашское Севрюкаево	388	»
20.	С. Рождествено	289	»
21.	» Новинки	286	»
22.	» Подгоры	200	»
23.	Дер. Торновая	124	»
24.	» Шелехметь	195	»
25.	» Выползово	218	»
26.	С. Воскресенское	636	»
27.	Дер. Преображенская	220	»
28.	С. Покровское	312	»
29.	Дер. Троицкая	211	»
30.	» Сретенская	102	»
31.	» Воздвиженская	48	»
32.	» Русская Борковка	200	»
33.	» Мордовская Борковка	329	»
34.	С. Тукшум	429	»
35.	Дер. Языково	148	»
36.	С. Кунаево	368	»

Всего в 36 селениях значится 13 297 ревизских душ. А если взять мужское и женское население, приблизительно удвоив данную цифру, то все крепостное население вотчины будет исчисляться в 26—27 тысяч.

Из вышеприведенного перечня селений мы видим, что имения Владимира Орлова раскинулись не только по Самарской Луке, в пределах нынешних советских районов Новодевиченского, Ставропольского, Самарского, Сызранского, но перекидывались и на левый берег Волги. Так, деревни Русская и Мордовская Борковки находятся на левом берегу за Ставрополем, а села Воскресенское, Преображенское, Троицкое, Воздвиженское — в северной части нынешнего Чепаевского района. Новодевичье отошло к указанному времени (1812 г.) во владение графини

Карта Самарской Луки.

Орловой-Чесменской, дочери умершего в 1807 г. Алексея Орлова. Вообще так называемые «низовые» имения Орловых по совокупности занимали в первой половине XIX в. большую площадь в пределах современных Приволжского и Чепаевского районов. Вся так называемая луговая, или степная сторона Волги, к югу против Самарской Луки, была занята селами и деревнями, которые до сих пор носят имена разных членов фамилии Орловых: Ивановка, Григорьевка, Алексеевка, Федоровка, Владимировка, Екатериновка, Александровка, Натальино — все это поселения, входившие некогда в состав вотчин Орловых.

Вышеприведенный перечень 36 сел и деревень относится к тому моменту, когда вотчины Орловых были уже разделены между отдельными членами и потомками братьев Орловых, и эти 36 деревень составляли непосредственно собственность Владимира Орлова.

Обращает на себя внимание то обстоятельство что, в этом списке селений по нагорному Жигулевскому берегу нет упоминания о Маркваших и Ширяеве. Что касается Маркваш, то они принадлежали в 40-х годах XIX столетия помещику Чирикову (св. 880, д. 7939). Что же касается Ширяева, то о нем мы имеем некоторые любопытные данные из одного рапорта усольской вотчинной конторы, помеченного сентябрем 1808 г. в «домовую его сиятельства государя графа Владимира Григорьевича контору» (св. 8, д. 32). Усольская контора сообщает известие о продаже помещиком Топорниным 70 душ крепостных крестьян, живущих в селе Ширяеве, мотивируя необходимость их покупки следующим образом: «сие Ширяево — разнопоместных господ; есть и еще до 3 помещиков, у ково два и пять дворов, оное село состоит в самой нутри нашей дачи и много делает порубки нашего лесу, так что много раз ловили и в суд представляли, а между тем даже и укарауливать не можно, и крайне бы нужно было купить».

Приказчик Сахаров, автор настоящего рапорта, пи-

шет далее, что он заезжал в Ширяево узнать на всякий случай ближе о деле, «и мужики, — говорит он, — изрядные — повинность положенную с нашими крестьянами нести без нужды могут». Поэтому он просит разрешить начать дело о покупке, ибо, — говорит он, — «по пословице, как бельмо в глазу, так и то сие село внутри нашей дачи».

Указания на решение дела в документах нет. Но из того обстоятельства, что в более позднем списке сел и деревень гр. Владимира Орлова Ширяево не значится, видно, что домовая контора не поддержала стремления усольских вотчинных властей ликвидировать чересполосицу вотчинных владений. Гаврилова Поляна с прилежащей к ней Серной горой входила в состав Усольской вотчины, как видно из дела о «бывшем Серном городке» (св. 8, д. 32), о котором еще будет речь ниже.

Общий размер земельных угодий Усольской вотчины Владимира Орлова можно определить до 300 000 десятин, что видно из переписки по поводу раздела оставшегося после его смерти в 1831 г. наследства между его внуком Владимиром Петровичем Давыдовым и дочерью Екатериной Владимировной Новосильцовой, причем половина, доставшаяся на долю Давыдова, исчисляется в 145 258 десятин, кроме оброчных статей: островов, рыбных ловель и пр. (св. 304, д. 2591).

3. ДОХОДЫ С УСОЛЬСКОЙ ВОТЧИНЫ

Посмотрим, какой доход обеспечивала Усольская вотчина своему владельцу. Возьмем пока два момента в пределах рассматриваемого периода вотчинного хозяйства до 1831 г. Первый момент относится ко времени преобладания барщины до 1805 г. В этом году в вотчине была проведена перемена в организации крепостного хозяйства, а именно, барщинная система хозяйства была заменена оброчной. Второй момент после 1805 г. — период оброчного хозяйства. Для характеристики денеж-

ного хозяйства в барщинный период мы имеем отчет усольской вотчинной конторы, представленный главной домовой конторе, за 1804 г., «что в приход денег поступить должно, по книге в приход поступило и в недоимке осталось» (св. 153).

Мы выписываем из этого отчета только более крупные статьи дохода и расхода и общий баланс за год.

Остаток от прошлого года	150 194 р.	44 3/4 к.
С оброчных крестьян (часть вотчинных крестьян была на оброке)	30 035 »	— »
С них же за столовый запас	901 »	05 »
За сданную в аренду посторонним крестьянам землю—пашни и сенокос . .	1 860 »	91 »
За Бушуевский остров (сданный по частям в аренду)	1 526 »	— »
За рыбные ловли (на р. Волге и р. Усе, числом 9)	5 114 »	— »
За мукомольные мельницы (сданные в аренду, числом 5)	505 »	10 »
С господских мельниц за помол . . .	2 450 »	30 »
За проданный хлеб:		
пшеницу 9540 чт. 4 чк. по 4 руб. .	38 162 »	— »
овес 9000 чт. по 1 р. 40 к.	12 600 »	— »
ржаную муку 25 000 кулей по 9 пуд. по 2 р. 90 к. за куль	72 500 »	— »
С Кунеевской пристани	122 »	25 »
За уловную проданную рыбу	9 460 »	52 »
За деревянные изделия (бочонки, оси, обшевни, дровни, полозья, лопаты) .	517 »	89 »
За продажу мыла с мыловаренного завода (крупным скупщикам и в розницу) .	16 063 »	97 »
За сальные свечи	691 »	74 »
По всем статьям получить должно . .	199 909 »	62 »
а вместе с остатком и недоимкой прошлого 1803 г. доход 1804 г. составит .	350 213 »	20 3/4 »

Таким образом годовой доход владельца, не считая остатка и недоимки за предшествующий год, выражается в солидной круглой сумме 200 000 руб.

Анализируя различные статьи дохода в приведенном отчете, можно сделать некоторые заключения о самой организации и направлении хозяйства. Но мы сделаем

это несколько ниже в связи с другими материалами данного фонда, отметив сейчас только, что центр тяжести доходов при барщинной системе хозяйства лежит на реализации продажи хлеба, которая составила за отчетный год сумму 123 262 руб. Пока же посмотрим на основании данного отчета, как распределялись эти доходы, куда и на что они шли.

Основные статьи расхода:

Доставлено в московскую его сиятельства контору в 3 срока	127 551	р.	—	к.
На жалование управителю и служителям	1 969	»	66	»
Харчевых на содержание дворовых в год	506	»	35	»
Кунеевским плотникам	4 833	»	45	»
Городецким и низовым каменщикам .	1 703	»	21	»
Наемным кузнецам	44	»	98	»
Вольнослужащим	595	»	—	»
Наемным черкесам (казакам), включая стоимость содержания их натурой .	365	»	35	»
Волостным кирпичникам	1 236	»	—	»
За работу при мельницах конным и пешим людям	4 261	»	40	»
Для усольского дома хлебного вина и разных вин (рейнвейн, французская водка, красное и белое вино)	432	»	—	»
Чаю, сахару и «кофию»	266	»	45	»
Разного столового запасу (включая апельсины, лимоны, прованское масло, бочонки сельдей, мясо, рыбу и пр.)	398	»	70	»
Для конторы писчей бумаги	623	»	—	»
Чернильных составов, сургуча и разных канцелярских материалов	88	»	55	»
«По грацким делам» в Самаре и Ставрополе (очевидно, на взятки деньгами, сахаром, чаем, свечами и пр.)	898	»	26	»
По межевым делам	1 052	»	40	»
Покупка земли у господина Плюскова 2000 десятин по 10 руб.	20 000	»	—	»
Накладные расходы при покупке . . .	1 331	»	—	»
Покупка людей; у аптекаря Кнопки куплено 2 человека	2 500	»	—	»
Больничных медикаментов (для усольской больницы)	388	»	—	»
Суда, лодки, пеньковая снасть	943	»	—	»

Костыли, гвозди, слесарный, столярный, штукатурный инструмент	276	р.	—	к.
Железо	3 508	»	—	»
Сталь	241	»	—	»
Рабочих быков 260 и др. хоз. предметы	5 342	»	—	»
Путевые расходы	896	»	20	»
Всего расходу	221 706	р.	93	к.
В остатке	128 506	»	27³/₄	»

Кроме этого общего годового отчета за 1804 г. имеется еще «регистр на выдачу дворовым людям денежного жалования и на платье» на первую треть 1804 г. и поименным перечнем, начиная с управителя В. Фомина. Далее идут начальники и земские в хлебопашенных (т. е. состоящих на барщине) селениях, служащие при усольской конторе: конторщик Иван Сибиряков, расходчик денежный (кассир) Иван Задеев, стряпчий, материальный расходчик, два писаря, капрал при конторе, кузнецы при усольских кузницах, повара, кожевенного дела мастера (4 человека), сапожники (8), шорник, портные (2), ткачи (2), смотрители за работами (5), при больнице усольской — подлекарь и надзиратель (очевидно, также из дворовых людей, — жалование подлекарю 3 руб. в год), надзиратель при мыльном заводе, столярные ученики (7), при господских мельницах — начальники и засыпки (34), скотники (10), девушки и вдовы в Усолье (25), птичницы при мельницах и селениях (6), «стряпки» (6), дворовых людей мальчики, находящиеся в грамотном учении и др., всего 209 дворовых, на содержание которых на $^1/_3$ года идет 1688 р. 05 к.

Следует для полноты картины сопоставить данные окладных книг по усольской вотчинной конторе с 1812 по 1824 гг. (св. 44а). Ряд книг, ведущихся в образцовом порядке, содержит данные оброчных доходов (в это время, как указано выше, вотчина была переведена на оброчную систему). Сначала дается оклад по каждому селению на данный год по числу ревизских душ. Затем следуют данные по уплате, и в итоге — указание общей суммы дохода.

Возьмем оклад на 1812 г. с 36 селений, в них «оброчных» 13 297 душ, по 10 руб. оброка с души.

Недоимки по оброку от прежних лет числится 48 490 р. $2^3/_4$ к., каковую приказано взыскать полностью в текущем году, разложив на всех оброчников в виде надбавки к окладу за текущий год по 3 р. 65 к. с души.

Расчет идет по селам:

В селе Усолье — ревизских 791 душа.

С них оброку по 10 руб.	7910 р.	—	к.
На «мирские расходы» по одному рублю	791 »	—	»
На содержание служителей	316 »	40	»
Недоимки	2887 »	15	»
Итого с с. Усолья	11904 »	55	»

В селе Ахтуше 527 ревизских душ.

С них оброку по 10 руб.	5 270 р.	—	к.
С другими вышеуказанными статьями обложения	7 931 »	35	»

и т. д. по другим селениям.

Всего с 13 297 душ по 15 р. 05 к. (с недоимкой и другими сборами) — 200 119 р. 85 к.

Кроме того с оброчных крестьян положено «столового запасу».

Баранов с каждой 1000	душ	по	30. . .	всего 399	
Кур	»	»	» 50. . .	всего 665	
Масла коровьего	»	»	» 100 фун.	всего—33 п. 10 ф.	
Яиц по 1 яйцу с души				всего—13 297	

Затем следует доход с арендных статей и угодий:

За мукомольные мельницы (всего 16) оброку	3 032 р.	50	к.
За рыбные ловли, сдаваемые в аренду (всего 7)	44 176 »	50	»

Всего на 1812 г. доход выражается в сумме 247 328 р. 85 к.

В 1817 г. оброк взимается уже по 15 руб. с души.

С оброчными статьями всего окладного дохода на 1817 г. — 255 762 р. 70 к.

В 1820 г. с 12 575 душ:

Оброку уже по 25 руб. с души . . .	314 375 р.—к.
На мирские расходы по 2 руб.	25 150 » — »
На содержание служителей по 72 коп. .	9 054 » — »
Всего на 1820 г.	348 579 р.—к.

А с оброчными статьями доход с Усольской вотчины в этом году достигает огромной суммы — 383 448 р.

Надо принять во внимание при этом, что самая организация оброчного хозяйства стоила много дешевле, чем барщинного. При барщине дорого стоят оборудование, постройки, содержание рабочего скота. Такие расходы сокращаются при оброчной системе, управление вотчиной проще и дешевле.

Поэтому из валового дохода по вотчине больший процент остается в пользу хозяина. Эксплоатация крепостного труда таким образом при оброчной системе становится еще более выгодной. Да и положение хлебного рынка, находившегося в кризисном состоянии, толкало владельца на это мероприятие.

4. ОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА В УСОЛЬСКОЙ ВОТЧИНЕ: БАРЩИНА И ОБРОК

Такие мотивы и имели место при той перемене, которая была проведена в организации хозяйства в Усольской вотчине в 1805 г. До этого времени подавляющая масса вотчинных крестьян, кроме Сосновинской и Рождественской волостей, находилась на барщине, обрабатывая барские поля. Эксплоатация крестьян при главном правителе Усольской вотчины В. Фомине, который сам был из дворовых людей графа Орлова, но вошел к нему в доверие и старался на своем посту полностью оправдать доверие барина, достигла максимальных размеров.

Да и самое хозяйство стало обнаруживать трещины; за крестьянами накапливалась хлебная и денежная недоимка, сокращавшая доходы владельца. В подобных слу-

чаях в вотчинном управлении практиковалось такое мероприятие: по приказу графа главная домовая контора посылала из центра особых контролеров-ревизоров для обследования положения на месте. В начале 1805 г. крепостные крестьяне Усольской вотчины подали владельцу коллективное по волостям челобитье, в котором, описывая свое бедственное положение, просили своего «государя графа» смилостивиться над ними и перевести их с барщины на оброк, принимая на себя обязательство платить по 10 руб. с ревизской души в год, подтвердив это обязательство письменными мирскими приговорами.

Посланные в Усолье 3 ревизора — Сахаров, Колотилов и Маринин — прислали в январе 1805 г. донесение графу Орлову с приложением расчета, что выгоднее — продолжать ли хозяйство «хлебопашеством» или перевести всех крестьян на оброк с обложением по 10 руб. с души. Оброк, по расчету ревизоров, должен принести владельцу на 18 170 руб. более, «нежели получается ныне от хлебопашества». По 5-й ревизии в Усольской вотчине значится мужского пола 13 093 души×10 руб.= =130 950 руб., с вычетом расхода поступит господину 128 130 руб. Доход при «хлебопашестве» должен быть получен в размере 216 239 руб., но зато расход на постройки, содержание рабочего скота, покупку машин, содержание администрации и пр. составить 106 280 руб. Чистый доход получится только в размере 109 959 руб.

Слухи о непорядках в Усолье в это время стали доходить с разных сторон до владельца. Так в одном письме-приказе графа Орлова усольскому правителю В. Фомину от 9 февраля 1804 г. в конце имеется любопытная приписка следующего содержания: «Пишет ко мне сын мой от 4 февраля сего года... Ежели правда, то весть неприятная... Гуляя на валу между Тверской и Никитской (теперешний Тверской бульвар в Москве), встретил я крестьян. Странная их одежда заставила спросить — откуда, отвечали: из Симбирска, разных господ, по близости Усолья, и из них некоторые много лет рабо-

тали в Усолье. Спрашивал их о состоянии крестьян. Отвечали сими словами: «Были мужики, да пришел на них гнев божий, разорил их управитель, много больно затей некстати... так обедняли, что вместо 180 тягол вряд и 90 могут выехать на пашню, ибо прочие без лошадей»... (св. 8).

В июле 1805 г. сам владелец решил посетить свою Усольскую вотчину, — редкое событие в жизни Усолья. Крестьяне снова подали ему челобитные о переводе на оброк, а ревизоры Сахаров, Колотилов и Маринин представили вторую докладную записку. Подтверждая свои прежние предложения, они оговариваются однако во вступительной части своего доклада, с явной лестью своему хозяину, что «ежели бы расходы (по управлению) были умереннее, за всем присмотр лучше нынешнего, тогда бы хлебопашество приносило доходу несравненно более, нежели оброк по 10 руб. Несмотря на сие, зная милостивое расположение вашего сиятельства к подданным вашим, желание видеть их в хорошем состоянии и готовность лишить себя знатной суммы для благосостояния их, осмеливаемся представить, чтобы положить крестьян на оброк. На оброке будут исправнее, управление ими простее, и ваше сиятельство освободитесь от многих скучных дел, которые неминуемо сопряжены с большим хозяйством и при лучшем начальстве, а подавно при посредственном и худом. В присутствии хозяина хлебопашество может быть очень полезно, в отсутствии же и в дальном расстоянии, в каком здешние вотчины находятся, — выдти легко может совсем противное, что мы на самом деле довольно видели. В сей истине не сумневались ваше сиятельство и в отсутствие, а подавно убедились в оной в приезд ваш нынешний в Усолье» (св. 259, дело 1888).

Ревизоры предлагают следующие практические мероприятия для проведения их в вотчине: положить на оброк с января 1806 г. все хлебопашенные селения с уплатой 2 раза в год—в марте и декабре. Переселенцам

на новые земли дается отсрочка в платеже оброка на 2 года. Засеянный господский хлеб в 1805 г. крестьянам весь перемолотить и свозить.

С переводом крестьян на оброк все господские поля отдать им, с поравнением между селениями в угодьях; где же невозможно произвести поравнение и селение будет терпеть недостаток, переселить крестьян на новокупленные земли (Покровская волость в Заволжье). Долг на крестьянах владельцу денежный и хлебный не взыскивать в первый год по положении на оброк, а затем расчислить и взыскать весь долг в пять лет. Особо оговаривается, что расходы на содержание волостных властей и вообще по управлению вотчиной идут целиком от крестьян, а не от господина, т. е. другими словами, начисляются на крестьян сверх оброчного оклада.

При переводе на оброк все господские работы отменяются. Если же будет нужна работа на мельницах или где-либо, то за нее должна быть назначена плата по расценке. Кроме оброка крестьяне должны выплачивать «столовый запас» в прежнем размере. Все статьи, приносящие особый доход господину, как-то: рыбные ловли, мельницы, сенные покосы, которые отдаются в аренду, учужный лов и пр., как и раньше, должны и впредь остаться в пользу господина. На крестьян ложится обязанность бесплатной доставки дров для дворовых, для дома правительского и конторы, также для дома господского, который был выстроен в Усолье и всегда был готов для приема владельца на случай его приезда.

Для управления оброчными крестьянами должны быть составлены особые правила по примеру других графских вотчин и помещены в книгу под названием «Уложение». Такое «уложение» должно быть составлено и для Усольской вотчины.

На полях докладной записки имеется резолюция графа от 8 июля 1805 г., за его подписью: «Доклад сей утверждаю и приказываю исполнять по оному».

Так в Усолье была изменена система крепостной эксплоатации. Отработочная рента в виде трехдневной барщины на господских полях в интересах землевладельца была заменена денежной рентой—оброком. Эта замена в данном случае совпадала с интересами крестьян, так как барщина всегда связана с более тяжелыми формами зависимости крестьян от владельца и его вотчинной администрации. Поэтому мы не раз еще встретимся в истории усольского вотчинного хозяйства с обычным стремлением крестьян сохранить оброчное положение и отделаться от барщины, попытки навязать которую в дальнейшем в Усолье не раз повторяются.

В усольском вотчинном хозяйстве, как это чаще встречается в крупных, лучше организованных хозяйствах, чем в мелкопоместных, где крепостная эксплоатация дарового крестьянского труда обычно принимает самую неприкрытую, грубую форму, заметна известная тенденция поддержать и сохранить крестьянское хозяйство от разорения. Тенденция эта вытекала из простого расчета — сохранить работоспособность и производительность крестьянского труда или, другими словами, обеспечить воспроизводство рабочей силы крестьян и дальнейшее получение прибавочного продукта в пользу хозяина.

Отсюда вытекали все заботы усольского вотчинника о наделении крестьян достаточным земельным наделом, об отсрочке оброка для погорельцев, для переселенцев на новую землю и пр. К таким же мероприятиям относится и перевод крестьян с барщины на оброк.

При уплате денежного оброка крестьяне в Усольской вотчине, как мы видим из годового отчета по Усолью, обязаны уплачивать своему владельцу взносы натурой в виде «столового запаса». Сохраняются и некоторые виды отработок, в виде доставки дров для дворовых и для администрации вотчины. Но что касается важнейшего пункта положения, на основе которого крестьяне были переведены с «хлебопашества» на оброк, об отмене «всех господских работ», то мы увидим в дальнейшем, что этот

пункт вотчинной администрацией не выполнялся, и нарушение его послужило в дальнейшем источником новых форм крепостнической эксплоатации и разорения усольских крестьян.

В связи с этим очень скоро обнаружилось, что и оброчная система не обеспечивала бездоимочного получения доходов. На крестьянах быстро накапливалась недоимка, озабочивавшая вотчинных властей; они изыскивают средства ликвидировать старую недоимку и предупредить ее дальнейшее накопление.

В особом наказе управителю Усольской вотчины, каковым является после некоторого перерыва все тот же Василий Фомин, в январе 1810 г. указывается на неисполнение обязательств (приговоров) крестьянами низовых деревень, данных ими в 1805 г., когда они были переведены с пашни на оброк, о бездоимочной уплате оброка по 10 руб. с души. «С самого положения их на оброк не исполнили они своего обещания, и с первого года числилась на них недоимка», достигшая на 1809 г. крупной суммы в 64 237 руб. Необходимо принять скорые и строгие меры, «ибо час от часу может недоимка возрастать и способы ко взысканию будут труднее, а потому и предписать усольскому начальству следующее»:

1. Назначается трехмесячный срок для уплаты всей недоимки с угрозой наложения штрафа по 2 руб. с каждой души при неуплате в указанный срок, а также с угрозой снова перевести всех крестьян на пашню.

2. В виду того что земля между крестьянами все еще не разверстана по положению 8 июля 1805 г., усольскому правлению предписывается выполнить это к 1 января следующего года. При разверстке земель обязать крестьян подпиской, чтобы пашенная земля вся была обработана, в противном случае взыскивать с ослушников штраф по 1 руб. с десятины, а волостного начальника наказывать по усмотрению управителя.

3. Запрещается отпускать крестьян в бурлачество: «промысел сей самый дурной и портит крестьян».

4. Указывается на то, что леса с 1805 г. приведены в крайнее истребление «от слабости начальства». Поэтому предписывается охрана лесов от самовольных порубок под угрозой штрафа в первые два раза, а для страху в третий годных в солдаты отдавать».

5. Предлагается озаботиться устройством поташного завода, который может доставить «хозяину знатный доход», а леса будут очищены от валежника, который будет употреблен на золу. Составить управителю проект этого завода и представить в домовую контору.

6. Не использована полностью рабочая сила дворовых, коих много «без всякого употребления». Предлагается в виду этого учредить суконную фабрику «для домашнего продовольствия». Плату в ней ввести сдельную.

К этому наказу добавляется предписание за собственноручной подписью самого графа от 15 января 1810 г. на имя В. Фомина. Фомину делается предупреждение, чтобы он воздерживался от «затей и выдумок», к которым он имеет склонность, как показало прежнее его управление, и на которые потрачено много денег «без всякой пользы хозяину». Прежде всего ему внушается забота о взыскании с крестьян недоимок. «За милость мою, оказанную крестьянам, — говорит граф, — вместо благодарности платят они так худо, несу убыток, терплю скуку и досаду от нерадения их и прежнего начальства». О дворовых «худого поведения» доносить — они в тягость господину и худым примером портят других. Годных лучше отдавать в рекруты, а «других негодяев можно продать».

5. ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСОЛЬСКОЙ ВОТЧИНЕ

Вотчинное хозяйство в Усолье базировалось на земледелии. При барщинной системе главный доход извлекался владельцем от продажи хлеба с господских полей, обрабатываемых крепостным крестьянским трудом. Оброчные крестьяне также основной доход для своего

пропитания и уплаты помещику оброка получали от обработки пашни, «ибо пашня есть главное и коренное пропитание здешнего края», — как говорят авторы отмеченной выше докладной записки 1805 г. Отсюда строжайшее требование, чтобы крестьяне неупустительно обрабатывали свои наделы под угрозой штрафов и других репрессий.

Но кроме дохода собственно от земледелия вотчина получала еще весьма крупный доход от разного рода арендных статей, в частности от мукомольных мельниц и рыбных ловель на Волге. За 7 рыбных ловель, сданных в аренду, как видно из отчета по Усольской вотчине за 1812 г., была получена крупная сумма в 44 176 руб. Рыбные ловли сдавались в аренду крупным промышленникам-рыботорговцам, в числе которых фигурируют чаще всего братья Малышевы, один из которых вел рыбное дело в Москве.

Меньше доходу давали громадные лесные угодья в Усольской вотчине, в которой только Бахиловский и Шелехметский леса составляли площадь до 50 тысяч десятин. По данным за два года (1816—1817) с лесных угодий за вырубку леса разными предпринимателями и крестьянами получено дохода 25 149 р. 50 к., в том числе штрафных денег с крестьян за самовольную порубку леса получено 2297 р. 5 к. (св. 232, дело 1606).

Последняя цифра показывает, что эксплоататорская политика вотчинных властей, при огромном обилии лесов в вотчине, чрезвычайно ограничивала крестьян в пользовании лесом, и они в нем крайне нуждались. До чего доходила в данном случае жадность экономии, видно из одной статьи цитированного выше наказа усольскому управителю 1810 г., которой запрещается крестьянам всякого рода «изделье» из леса, несмотря на распространенность в местности деревообделочных промыслов, а самовольные порубки леса запрещаются под угрозой не только денежных штрафов, но даже сдачи виновных в солдаты.

Мысль об извлечении и увеличении дохода из лесных угодий очень занимала владельца вотчины и его вотчинных властей, что видно из проекта устройства особого промышленного предприятия, а именно: поташного завода, который мог бы доставить «хозяину знатный доход». * Это последнее предприятие, о котором в фонде имеется большой документальный материал, чрезвычайно любопытно как для характеристики всей «экономической политики» усольских вотчинных властей, так и самого опыта организации крепостного завода, основанного на использовании крепостной рабочей силы.

Вопрос об устройстве в Усольской вотчине поташного завода был поднят в 1810—1811 гг., но затем по причине, повидимому, общеполитических событий 1812—1813 гг. (так называемая «Отечественная война») был временно снят с очереди, но в 1814 г. снова был поставлен. В течение 1814—1817 гг. идет по этому поводу усиленная переписка (св. 232, дело 1606) между усольской вотчинной конторой и главной домовой графской конторой, а также с приказчиком Авдеевым, посланным на Муромский Выксунский чугунный завод для отливки по заказу из Усолья чугунных и железных котлов и ларей для поташного завода. В то же время велись подготовительные мероприятия на месте для постройки заводских зданий при деревне Торновой, Рождественской волости, а также при Анурьеве ключе около с. Аскулы и на Елгуше (около Торновой). Ведется переписка и с волостными выборными начальниками по волостям Усольской вотчины о найме крестьян для жжения золы с поставкой ее на завод и о поставке на завод дров.

Таким образом первоначальное предположение было использовать наемную силу на добровольных началах или из своих вотчинных оброчников или же путем найма рабочих со стороны, именно из Казанской губернии, где поташное производство было распространено. Но дело под-

* Поташ шел как полуфабрикат на стекольное и мыловаренное производство и на окраску черного сукна, имел спрос на вывоз за границу.

вигалось туго: свои крестьяне неохотно шли на вызов в виду низкой расценки,—работа же была очень трудная и грязная: крестьяне предпочитали отхожие промыслы на уральские рыбные ловли, или в бурлачество, или на Мелекесский винокуренный завод. С наймом посторонних рабочих тоже ничего не выходило в виду запроса «несоразмерных» цен.

Между тем проекты управителя В. Фомина очень заинтересовали самого графа и московскую главную контору, так как они сулили большие барыши. По его расчету поташный завод с выработкой до 20 тысяч пудов поташа должен был дать огромную прибыль в 99 600 руб. в год. Необходимость устройства завода мотивировалась громадными залежами валежника и сухостоя в вотчинных лесах, засорявших лес и опасных для лесного пожара, между тем как этот никчемный валежник и дровяной лес можно было обратить «в капитал в пользу государя графа». У последнего аппетиты разгорелись, и он нетерпеливо ждал, когда, наконец, усольский управитель приведет свой проект в исполнение. В приказе за своей подписью в октябре 1817 г., граф между прочим пишет управителю в ироническом тоне: «Как бы нам обоим не умереть, прежде нежели сие дело пойдет в ход. Давно мы об оном толкуем, и посейчас почти ничего нет. Священное писание говорит: во многоглаголании несть спасения. Можно сие применить и к делам, — все толкуем, а прямо за дело не принимаемся. Поташной завод давно положено завести, а все еще хромает...»

В виду всего этого усердствующий холоп в особой докладной записке от 3/XI—1817 г. (св. 232, д. 1606) выдвинул новый проект — заменить добровольный наем рабочей силы особым видом трехдневной барщины, переведя на барщинное положение значительное количество оброчных крестьян, заставив их отбывать барщину на поташном заводе.

Им приводятся следующие соображения и расчеты. При вольной «безурочной» работе правильно наладить

жжение золы крестьянами в количестве, обеспечивающем бесперебойную работу завода «с надлежащею пользою государю графу», невозможно. Поэтому «для обороту в капитал леса и валежника» нужно определить крестьян на трехдневную работу, из чего должна произойти следующая выгода. Для бесперебойной работы завода необходимо 355 человек «жигачей» (для жжения золы), для чего потребно 710 тягол (в тягле по $2^1/_2$ души), каковое количество составит 1775 душ. Означенное количество душ платит государю графу оброком 28 300 руб., в то время как для найма работников на завод нужно затратить 60 360 руб. Исключая из этой суммы 28 300 руб., останется в пользу государя графа 32 060 руб.

Положенные в трехдневную работу полезнее нанятых тем, что, «продолжая одну сию работу, будут работать по пробе урочно, чего не выработают в три дня, то доработают в свои, а потому и будут стараться уроки свои сделать в назначенное время... Одним словом с положением в три дня много способов взяться за производство, и верно — можно леса и валежник произвесть в денежный капитал». Можно в счет той же трехдневной барщинной работы наготовить лес для бочек (для поташа), сделать их, привезти дрова и золу на завод и отвезти поташ к пристани и т. д. Мало того, можно так организовать производство, чтобы сохранить в пользу государя графа и те 28 300 руб., которые теряются с ликвидацией оброка. Для этого стоит лишь вместо 1775 душ положить на трехдневную работу вдвое, т. е. 3550 душ, или, другими словами, еще 710 тягол. Из них половину определить на жжение золы, а другую на пашню. Тягло дает доходу по общему положению 90 руб., а 710 тягол дадут 63 900 руб., между тем как 3550 душ платят оброком в год 56 800 руб. На трехдневную работу к поташному заводу должны быть определены Рождественская, Аскульская и частью Жигулевская волости по тем мотивам, что они больше других виновны в самовольных порубках лесов.

Вот какую сложную махинацию затеял Василий Фомин в целях выжать из дарового крепостного труда все, что только можно, чтобы нажить капитал для своего барина, да и самому, разумеется, не остаться в убытке. Любопытно и то, что барщинная система крепостного труда в данный момент считается уже выгоднее оброчной. Это надо связывать с оживлением в это время хлебного рынка и большим спросом на хлеб.

Главная домовая контора в Москве в докладе графу от 8 марта 1818 г. еще усиливает мотивы Фомина следующими любопытными соображениями. «По неотступной просьбе крестьян отменили ваше сиятельство хлебопашество, положив их на оброк самой умеренной по 10 руб. с души в 1806 г. С 1815 по сей 1818 г. прибавлено по 5 руб. Следовательно, платят теперь по 15 руб. с души. Между тем серебряный рубль возвысился против ассигнаций втрое, следовательно, должно бы было им платить вдвое — по 30 руб., через что ваше сиятельство лишились по нынешний 1818 год доходу 1 604 000 руб., а от уничтожения хлебопашества 4 999 000 руб.» А с расходами на покупку для крестьян земли, которой они пользуются поныне «без всякого платежа», убыток графа исчисляется в 5 215 000 руб. «Для вознаграждения столь важного убытка и других причин полагаем: завести поташный завод и определить в работу с сего 1818 г. разные селения по близости Бахиловского и Шелехметского леса — всего 2017 душ, из которых работать: половине на господина, а другой на себя, как прежде работали, будучи на хлебопашестве, и исправлять им не только работу на поташный завод, да и другие работы, какие нужным признает Фомин до тех пор, пока леса очистятся от валежника».

Работу ввести поурочную, за чем должен наблюдать Фомин. «Фомин вразумил бы крестьян, какою милостью вашего сиятельства они воспользовались и какого лишились вы дохода. Ежели сверх чаяния крестьяне будут не благодарны и почтут себе за тягость очистку леса, жже-

ние золы и возку оной на завод, то объявить им, что они все определятся на пашню; тогда ими же будет исправляться завод, и ваше сиятельство получите несравненно больше поташа, следовательно и пользы. Также получите более прибыли и хлебом от пашни, нежели оброком по 15 рублей с души... Также от крестьян на пашне более детей, чем от оброчных. И сие доставит пользу». На докладе резолюция графа Орлова за его подписью: «Утверждаю».

Фомин в рапорте от 6 апреля 1818 г. доносит о том, что крестьяне, назначенные в трехдневную работу к поташному заводу, приступят к работе с 1 мая 1818 г. А в приказе из домовой конторы (имение «Отрада», Московской губернии) усольскому управителю В. Фомину от 23 августа 1818 г. сообщается: «Государь граф донесение твое от 11 сего августа № 146 получил и соизволил дать следующее повеление: «хорошо и дельно, что лень крестьян унимает при трехдневной работе для поташного завода и угрожает им продажею на вывоз, да и в самом деле ежели не всех ленивых, то некоторых продам, дабы и прочим неповадно было поступать бессовестно».

Таким образом крепостной завод был налажен путем насильственного перевода свыше двух тысяч крестьян на барщину и путем самых жестоких репрессий, какие только могли находиться в руках феодала в разгар крепостной эпохи. На это ясно указывает смысл последнего цитируемого здесь приказа усольскому управителю.

И что же? Не проходит после этого полгода, как из домовой конторы был послан от 3 февраля 1819 г. В. Фомину приказ о ликвидации поташного завода по причине убыточности предприятия, низких цен на поташ и сокращения спроса на него за границу. Крестьяне опять были переведены на оброк, который однако по этому поводу был поднят до 25 руб. с ревизской души.

Правда, Фомин продолжает выжигание золы и в последующие годы, мотивируя просьбой крестьян, что они «не имеют случая промыслить на пропитание свое рабо-

тою». В итоге по докладной записке от 22 февраля 1825 г. и по исчислению расходов и доходов от поташного завода с 1814 по 1825 гг. получилось убытку 17 450 р. 76½ к. Таким образом дутое предприятие, в полном смысле — афера, начатая и организованная в погоне за сверхбарышами на счет дарового крепостного труда, лопнула.

Кроме поташного завода в Усольской вотчине существовал еще целый ряд промышленных предприятий, а именно: мыловаренный и свечной заводы, суконная и полотняная фабрика, сырный завод, конный завод, а позднее, в 40—50-х годах XIX столетия лесозавод, овчарное заведение и свеклосахарный завод.

Мыловаренный и свечной заводы существуют уже с 1798 г. с довольно крупным оборотным капиталом, с производством мыла ядрового, яичного и белого. Широкий сбыт продукции — на месте, в Усолье, в Казани, в Москве и даже в Петербурге. Размеры оборотов видим из следующей таблицы:

С 1798 по 1804 гг. было в продаже:

Свеч 3302 п. 12 ф. на	18 850 р.	35 к.
Мыла 14 803 п. 2 ф »	65 430 »	55 »
Сала 808 п. 23 ф. »	3 216 »	6 »
Тюленьего жиру 15 п. [illegible]8. ф. на	60 »	42½ »
Всего на	87 547 р.	38½ к.

Сведений об организации производства и рабочей силе мы не нашли (дело о мыловаренном и свечном заводе, св. 234, д. 1630). Суконная и полотняная фабрики основаны с 1817 г. Та и другая — маленькие предприятия, не имеющие торгово-промышленного значения. По ведомостям за 1817—1825 гг. (св. 259, д. 1889) вся рабочая сила на суконной фабрике исчисляется в 14 мастеров и 19 «девок», на полотняной—один мастер и 27 «девок», по всем данным — из дворовых. Доход от первой фабрики за все указанные годы исчисляется в небольшой сумме 6224 руб., а от второй — только 3120 р. 60 к. Обе фабрики работают в убыток. Сырный завод в селе Ря-

занове представляет, повидимому, одну из «затей» Василия Фомина. Небольшие данные об этом заводе относятся к 1819—1820 гг. По данным 1819 г. сыру продано до 150 пуд. по цене 25 руб. за пуд. Какой рабочей силой завод обслуживался — данных нет (св. 234, дело 1640).

Сведения о конных заводах (в Усолье и Рязани) также скудны, они относятся к 1800—1803 гг. Количество лошадей исчисляется по отдельным годам от 107 до 229. По данным 1802 г. продано 30 лошадей, отправлено в Москву 42. Об обслуживающей завод рабочей силе сведений нет (св. 234, дело 1632). Есть некоторые сведения о нищенском размере заработной платы рабочих на крепостных заводах и фабриках. Так на поташном заводе, по расчетам Фомина, пеший рабочий должен был получать 120 руб. в год на своих харчах. Это так называемые «жигачи», которые однако не только должны были выжигать золу, но они же должны были собирать валежник, заготовлять и рубить дрова.

На полотняной фабрике работали дворовые люди. Заработная плата их была такова: по ведомости за 1820—1821 гг. мастер Никифор Букин жалованья деньгами получал 20 руб. в год, да на харчи и овчин на тулуп на 42 р. 30 к., а всего в год 62 р. 30 к.

Дворовые «девки» на полотняной фабрике денежного жалованья совсем не получали, а харчи — хлебом, крупой, холста на рубахи, пестряди на платье и пр., всего на 52 руб. в год (ассигнациями) *.

На такой бюджет должен был жить рабочий из дворовых и, следовательно, влачить жалкое полуголодное существование, будучи в то же время бесправным существом, полностью находившимся во власти вотчинной администрации.

Есть еще любопытное дело о бывшем серном заводе на территории Усольской вотчины (начато в августе

* Стоимость ассигнационного рубля в 20-х гг. XIX столетия равнялась 30—33 коп. на серебряный рубль.

1808 г., окончено в январе 1910 г., св. 8, дело 32). Местонахождение серного завода, носившего название «Серного городка» — около известной теперь Серной горы, близ Гавриловой поляны. По справке самарского уездного суда (в сентябре 1808 г.) завод здесь существовал с 1722 г., но находился «в недействии» уже более 30 лет. Дело в данном случае начато «по высочайшему повелению», по предписанию министра внутренних дел, в связи с обследованием, производившимся в Симбирской и других губерниях, о существовавших ранее и существующих серных заводах.

Б. Серный городок был обследован особо присланными «заводчиками» на предмет восстановления казной серного завода. В деле имеется копия письма министра внутренних дел князя Куракина на имя графа В. Г. Орлова, в котором министр сообщает, что по обследовании разных мест в Симбирской губернии оказалось, что «Серный городок заслуживает более всех других мест внимания, ибо там находится гора, содержащая в себе серную руду, принадлежащая вашему сиятельству, которую бы весьма полезно было приобресть покупкою в казну для учреждения там серного завода, и, чтобы отделить ее от прочих владений ваших, должны бы быть границы ее: к северу — Крестов буерак, к югу — Гавриловской ключ, к востоку — Волга, к западу — равнины».

Князь Куракин запрашивает Орлова о согласии «уступить в казну означенную серную гору с окружностью в показанных пределах» и об условиях продажи этого места.

Граф Орлов через свою главную контору дает приказ усольской вотчинной конторе обследовать это место, составить план его, произвести оценку и донести обо всем в главную контору, что и было исполнено. Контора раздувает стоимость места (всего 719 десятин) по 150 руб. с десятины леса на сруб и кроме того за землю, пригодную для пашни по 5 руб. с десятины, а всего на сумму 107 952 р. 83 $^{3}/_{4}$ к.

Такую колоссальную цену за сравнительно небольшой участок предполагалось сорвать с казны или же выменять на 21 590 десятин пашенной земли в Ставропольском и Самарском уездах. При донесении усольской конторы приложены два хорошо исполненных плана, как дачи, находящейся под «Серным городком», так и на те земли и угодья, на которые предлагалось обменять нужную для казенного ведомства землю.

В конце дела имеется краткая записка, помеченная 5 января 1810 г., Москва, следующего содержания: «Сын мой советует оставить сие дело без всякого производства с моей стороны. Он мыслит, что оно совсем так и забудется. А если надобно будет отвечать с моей стороны, то всегда успеется». Весьма характерное заключение этого дела, являющееся яркой иллюстрацией эпохи дворянской диктатуры, свидетельствующей о том, как крупный магнат-вотчинник может небрежно отнестись к предложению, сделанному высшим представителем власти, в том случае, если это не совпадает с его личными интересами.

В связи с этим следует еще отметить дело от 1825—1828 гг. «о золотой руде», открытой в селе Александровке двумя крепостными крестьянами графа Орлова: найдены блестящие камушки в овраге близ села Александровки в ключе (в деле описаны топография места, залегание жилы), которые крестьяне сочли золотой рудой. По исследовании золота не оказалось, а только серные частицы (св. 264, дело 1928).

6. УПРАВЛЕНИЕ ВОТЧИНОЙ

Структура управления вотчиной обрисовывается уже из вышеизложенного материала: наверху, в центре, сам владелец, проживающий в Петербурге или в Москве, и при нем главная домовая контора. Отсюда идут приказы и распоряжения в усольскую вотчинную контору, во главе которой стоит управитель и при нем штат конторы из

ряда служащих. Штат вотчинной конторы с определением размера получаемого каждым вознаграждения денежного и натурой ежегодно составляется и утверждается в вотчинном центре. В фонде имеются штаты усольской вотчинной конторы за ряд лет. Контора посылает свои рапорты, доклады, счета, отчеты, представления в главную домовую контору и в свою очередь дает приказы по 6 волостям, входящим в состав вотчины, волостным властям — волостным начальникам, земским, окладчикам, старостам отдельных селений, смотрителям и надзирателям разных отдельных предприятий.

Самую крупную и ответственную фигуру в вотчинном управлении представлял управитель, которому владелец предоставлял широчайшие полномочия по управлению имениями и живущими в них крестьянами. Последние находились в полной его власти: от его произвола зависело имущественное, личное и семейное положение каждого крестьянина и дворового.

Широта и полнота власти управителя видны из особых доверенностей, так называемых «верющих писем», какие давались обыкновенно владельцем управителю при назначении последнего на должность, а затем, по мере надобности, и в последующее время пребывания его на должности. Так, по «верющему письму» В. Фомину от 1820 г. граф поручает ему все недвижимые имения с дворовыми людьми и крестьянами, состоящими в Симбирской губернии, «в полное его управление и распоряжение», с полномочиями вплоть до покупки и принятия в залог недвижимых имений с дворовыми людьми и крестьянами, или одной земли или одних дворовых людей и крестьян без земли, с правом отдавать дворовых и крестьян в рекруты с зачетом и «без зачета на поселение», крестьян и дворовых людей переселять на покупные в той же губернии земли; крестьян, дворовых, крестьянских девок и вдов отпускать по своему усмотрению «вечно на волю», давая им отпускные от имени графа и т. д. В управители граф назначал обыкновенно выслужившихся в его домовой

конторе и пользующихся доверием лиц из состава своих же крепостных крестьян и дворовых людей или же вольных людей со стороны. Так многократно упоминавшийся у нас В. Фомин был из дворовых людей графа, его преемник Федор Усов — из крепостных крестьян графа Нижегородской губернии, Макарьевского уезда, села Работок, преемник последнего, Никита Яковлевич Ляхов, был ставропольским третьей гильдии купцом.

Управитель управлял вотчиной, равно как вся вотчинная контора и волостные начальники действовали на основании особого «уложения», представлявшего, так сказать, вотчинную конституцию, составленную при участии самого управителя в вотчинном центре и утвержденную самим «государем графом».

Мы имеем в делах Усольского архива «уложение по Усольской вотчине» от 11 марта 1811 г. (св. 218, д. 402).

Уложению предпосылается особое обращение за подписью графа под заглавием: «Управителю низовых моих вотчин», в котором граф пишет: «Вручил я тебе уложение, подписанное мною. Поступать тебе и конторе усольской по правилам, которые помещены в сем уложении». Граф предписывает конторе и волостным иметь копии с сего уложения и «читать оные прилежно, чем чаще, тем лучше, дабы предписанные правила затвердились в памяти». Если в уложении та или другая статья окажется темной или неполной, то об этом следует донести обстоятельно «в приезд твой ко мне». «По воле моей ты вместе с конторщиком рассматривали уложения для других моих вотчин и сочиненное вчерне подписали вы оба. После я сам рассматривал оное и что рассудил — переменил». На подлинном подписал граф Владимир Орлов 11 марта 1811 г., Москва.

Далее следует «роспись главам» (оглавление) и изложение уложения по главам и по статьям. Всего в уложении 27 глав, в каждой из них от 2 до 21 статьи.

Уложение содержит в себе правила по всем важнейшим вопросам управления вотчиной: об управителе, его вла-

сти и отношении его к главной конторе, о порядке при производстве и хранении дел в конторе, о волостном управлении и о мирских сходках, о раскладке и сборе оброка и мирских денег, о суде и расправе над крестьянами, о разделе земли между ними, о порядке подачи ими прошений в контору (не прямо, а через волостных властей), о крестьянах «худого поведения и непрочных для вотчины», о сдаче в рекруты, о порядке вступления в брак крепостных, о выдаче паспортов и о запрещении держать посторонних в вотчине без вида, «о ворах всякого роду и подозрительных людях», о производстве торговли в вотчине, об охране лесов, о непотраве полей и лугов, противопожарные мероприятия и пр.

Все содержание уложения представляет яркую иллюстрацию того, как тщательно и до скрупулезности подробно разработаны все правила и статьи, которые гарантировали бы владельцу максимальную эксплоатацию крепостных людей, поддержание тишины и порядка в вотчине и пресечение всеми жесточайшими мерами, находящимися в руках феодала в крепостную эпоху, всякого неподчинения вотчинным властям.

Отметим бегло содержание некоторых статей уложения, чтобы подтвердить только что высказанное положение.

В статье 1 главы I об управителе подтверждается, что «главное начальство иметь управителю над конторою и всеми вотчинами как до сего было, а потому и быть у него всем в полном послушании». В главе о порядке, какой наблюдать при производстве дел, даются весьма обстоятельные правила о производстве конторских и волостных дел и способе их хранения, благодаря которым мы несомненно имеем хорошо и в порядке сохранившийся усольский вотчинный архив. Во главе управления каждой волостью в вотчине (волостей всего 6) стоит волостной начальник с волостным правлением; должность волостного выборная от «мира», но с ограничением: каждая волость выбирает 3 кандидатов, закрепляя их выборы

особыми приговорами, и одного из этих кандидатов утверждает управитель.

Мирские сходки бывают двух типов: 1) валовые — это сходки представителей со всех волостей в Усолье для обсуждения дел, касающихся всей вотчины, и 2) волостные и сельские при волостях и в селениях. Каждое селение выбирает старосту и по 6 человек для суда и расправы; сельские власти подчинены волостному начальнику; волостным и сельским властям по их суду предоставляется право подвергать виновных телесным наказаниям розгами и «подожьем».

На вотчинных крестьян возлагается не только уплата оброка по окладу со взысканием штрафа за неуплату оброка в срок, но самая доставка оброка должна быть «на страхе мирском», т. е. под ответственностью крестьян; если оброчные деньги пересылаются по почте, то уложение предусмотрительно оговаривает, что «траты по сему случаю должны быть мирские, а не господские». На мирской же счет содержатся все конторские и волостные власти и даже «ружейники», т. е. охрана при конторе и волостных правлениях (глава 5, ст. 4 и глава 6, статья 7).

При наборе рекрут (гл. 8, ст. 3) предусматривается ведение тайной (секретной) переписки, чтобы через разглашение крестьяне, намеченные в рекруты, не могли укрыться. Волостные власти обязаны «невоздержных» крестьян — «худого жития» унимать «всеми образами по усмотрению своему»; если же увещания и наказания не подействуют, то волостные власти представляют в контору — «отдать ли в рекруты или за негодностью продать или удалить на поселение» (гл. 9, ст. 1 — 3).

Интересны статьи о невступающих в брак крестьянах и дворовых (гл. 13, ст. 1—5): «крайне нужно, чтобы девки, поспевшие к замужеству и холостые, достигшие зрелых лет, вступали в брак: сие дело есть богу угодное»; волостному начальству предписывается склонять их увещаниями и другими способами к вступлению в брак. По достижении девицами 20 лет и холостыми мужчинами

25 дается им полгода для приискания жениха или невесты, если же в назначенный срок «девки» не будут выданы замуж, то взыскивать с них от 25 до 50 руб. штрафу, а затем приискать им женихов по своему усмотрению и выдать замуж.

Так же поступать и с холостыми мужчинами. В главе 16, ст. 9—10 предписывается начальству смотреть накрепко, чтобы не только в селениях, но и во всех вотчинных дачах не укрывались воры, беглые и всякого рода подозрительные люди; крестьяне и дворовые обязаны доносить о таких людях, а власти «об искоренении их должны иметь всевозможное попечение». В главе 17 предписывается оказывать всякое содействие «торгу» в пределах вотчины, от чего последняя «прибыли более получит». На основании уложения составлялись особые наставления волостным властям и сельским старостам, образцы которых мы также имеем в делах (см. св. 218, д. 406).

7. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН

Мы видели, что уложение по управлению Усольской вотчиной насквозь проникнуто тенденцией максимальной эксплоатации крепостного труда в пользу феодала-владельца. Но действительность далеко превосходила эту эксплоатацию «по закону». Вотчинные крестьяне находились полностью во власти управителя, который, стараясь в пользу хозяина, не забывал и своих собственных интересов.

Усольский управитель был обеспечен солидным по тому времени (в 20-х годах XIX столетия) жалованием деньгами и натурой: 100 руб. в месяц от владельца, 200 руб. из мирских сумм, всего 300 руб., обильный «столовый» запас мукой ржаной и пшеничной, мясом, маслом и другими продуктами. В его распоряжении был большой управительский дом, 6 лошадей для личного пользования с экипажами и другие предметы домашнего обихода.

Но соблазнов и возможностей для наживы было более чем достаточно при управлении громадным имением с 13 тысячами душ крепостного населения и с денежным оборотом до 300 тысяч руб. Яркой иллюстрацией к этому являются некоторые штрихи из биографии упоминавшегося у нас неоднократно управителя Василия Фомина. После 20-летнего управления Усольской вотчиной он умер в декабре 1824 г. В Усолье были присланы «ревизоры» из главной домовой графской конторы, которые раскрыли ужасающую картину хозяйничанья Фомина.

Прежде всего он нажил крупное богатство и вел большие личные дела. По описи его имущества обнаружилось, что им куплены на имя графа, но для обслуживания своего личного хозяйства и своих предприятий 19 человек дворовых (не надо забывать, что сам Фомин жил и умер дворовым человеком, хотя два его сына при жизни отца были отпущены графом «на волю»). Наличных денег у Фомина оказалось не так много (сыновья, несомненно, не дремали), но зато заемных писем (векселей) у него было обнаружено на 41 847 руб., большое количество серебряной посуды, ружей, мебели в покоях, зеркал, экипажей, скота: 38 лошадей, рогатого скота 88 голов, да у его жены особо 105 голов, овец 249. Претензий разных лиц к имуществу Фомина, исков о взыскании с него неуплаченных им денег за работу вместе с начетом по управлению вотчиной было предъявлено на сумму 131 854 руб. (св. 263, д. 1903—1907). Между прочим взыскиваются с Фомина 3586 р. 50 к. за сбор с крепостных орехов. «Сбор орехов, — по мнению ревизоров — есть налог на крестьян без воли государя графа самовольно от его управителя, коим они отягощались и более приходили в изнеможение».

Ревизорами был собран в Усолье в мае 1825 г. валовой сход выборных, старост и уполномоченных от крестьян всех вотчинных волостей, которые в особых приговорах выяснили, отчего они пришли в разорение и почему за ними накопились недоимки господского оброка.

Указываются следующие причины:

1) Неурожайные 1819—1821 гг., в результате которых крестьяне пережили голодовку; в некоторых селениях, в особенности в Аскульской волости, крестьяне питались жолудями и толченой ильмовой корой, последствие — повальные болезни и смертность.

2) Разорение от злосчастного поташного завода в 1818 г., когда ряд селений Рождественской волости был приписан к нему в трехдневную барщину, а крестьяне всех остальных волостей по приказу управителя были принуждены рубить в Бахиловском и Шелехметском лесу дрова и жечь их на золу без всякой платы со стороны усольской конторы, причем в самый разгар полевых работ в августе все без изъятия мужчины и женщины были выгнаны для очистки поросли и валежника, а также для работ на «большой дороге», и продолжали эту работу до половины октября, вследствие чего хлеб не успели убрать с полей и много пропало несжатого хлеба, а сжатый хлеб сгнил в снопах.

3) Крестьяне жалуются, что они, имея право по соответствующей статье уложения на пользование лесом за положенную плату на необходимые постройки, а бедные и погорельцы — бесплатно, совсем не могли пользоваться им, так как Фомин не давал леса, и они вынуждены были или покупать лес на стороне по вольной цене или жить в лачугах и землянках, за самовольные же порубки Фомин донимал штрафами не только виновных, но взыскивал штрафы со всего селения, где открывался порубщик.

4) С того времени, как началось господское каменное строение в Усолье, и до смерти Фомина «мы всей вотчины крестьяне чрезвычайно были отягощаемы беспрестанными работами, как-то: при сем каменном и прочих деревянных строениях в Усолье, отработкой большой дороги и по оной мостов и гатей; да и других разных разорительных работ было столько, что и описать здесь всех не можем... и по одним только прописанным работам сходи-

ло с нас каждогодно слишком вдвое больше платимого государю графу оброка».

Крестьяне просят в заключение «бывшие при Фомине разорительные отягощения работами уничтожить и восстановить порядок в управлении по силе уложения государя графа». Просят о рассрочке накопившейся за ними недоимки, а двум деревням, Московке и Тайдакову, сильнее других разоренным, простить всю накопившуюся за ними недоимку и сбавить им на текущий 1825 г. из 25-рублевого оброка по 15 руб. с души (св. 259, д. 1808). В дальнейшем они дают обещание аккуратно уплачивать оброк по 25 руб. с души, но просят отнюдь не переводить их на пашню.

Справедливость жалоб усольских крестьян на разорение от Фомина полностью подтверждают в своих донесениях как указанные выше ревизоры, так и временный преемник В. Фомина по управлению вотчиной, Степан Кольчугин. Последний даже усиливает некоторые моменты разорения крестьян Фоминым. Он подтверждает, что крестьяне были измучены «от беспрестанных работ» при господском доме и при большой дороге, по исправлению дорог и постройке мостов, причем открывает секрет Фомина, заключающийся в том, что тот «вошел в товарищи» с подрядчиком по постройке мостов итальянцем Иосифом Буской, своих сыновей включил в это же товарищество и «производил работу крестьянами государя графа безденежно», т. е., другими словами, использовал крепостную силу для своей личной наживы. «Да и много таковых пустых вредных затей и беспорядков состояло,— говорит Кольчугин в докладной записке, — что и можно видеть из выписки, учиненной по усольской конторе из предписаний волостным начальникам, что безденежно сработано ими (т. е. крестьянами) с 1818 по 1825 гг. на 87 960 руб., да и по словесным Фомина приказаниям было работ, полагаю, вдвое того, и составит в 7 лет на 263 880 руб., а к одному году 37 697 р. 14 к.» Крестьяне обеднели до такой степени, что оказались неплательщи-

ками оброка, почему в Аскульской, Воскресенской и Покровской волостях все крестьянское имущество подвергалось описи, которой однако Фомин не довел до сведения главной конторы, понимая, очевидно, что он перегнул палку в отношении вымогательства с крепостных крестьян. Последние для уплаты барского оброка должны были войти в долги разным людям, как в своей вотчине, так и посторонним, на сумму 39 363 р. 13 к. «Из прописанных обстоятельств видно, — заключает Кольчугин, — что управляющий Фомин нисколько не пекся о благосостоянии крестьян, а доводил нарочито к вящшему разорению с тем намерением, чтобы определить их в трехдневную работу», начало чему и было положено в 1818 г. в связи с устройством поташного завода (св. 259, д. 1889).

Такие ужасающие размеры приняла крепостная эксплоатация усольских вотчинных крестьян, которых били, что называется в два кнута, между тем как московский барин — «государь граф», как мы видели из приведенной ранее переписки с усольской вотчинной конторой, добродушно подтрунивал, цитируя священное писание, над Фоминым, когда тот замедлял темпы своего нажима на крепостную массу, предоставленную в полное его распоряжение.

В данном случае пришлось прибегнуть к таким решительным мерам, как прощение недоимки для одной части крестьян и рассрочка для другой, уменьшение оброка на текущий год, а затем, как оказалось, и на последующие годы. Необходимость заставила несколько сократить эксплоатацию, чтобы обеспечить платежеспособность населения и получение доходов в дальнейшем. Но тем не менее недоимка все растет, и к 1831 г. — моменту смерти владельца графа Владимира Орлова — она достигла огромной суммы в 274 122 р. 59½ к. (см. донесение управителя Ляхова от 27 марта 1831 г.) (св. 259, д. 1888).

При массовой нищете и разорении крепостных крестьян в Усольской вотчине следует однако отметить симптомы некоторого расслоения, диференциации крестьян-

ства. Выделяется явно кулацкий элемент, богатеи, дающие между прочим деньги в ссуду беднякам, разумеется, на ростовщических условиях.

Выше было только что упомянуто, что вотчинные крестьяне для уплаты барского оброка должны были войти в долги разным людям, как в своей вотчине, так и к посторонним.

В деле есть любопытная ведомость со списком таких кредиторов. Это — богатеи крестьяне в селах Усолье, Жигулях, Рождествене и др., ссужавшие своим односельчанам по нескольку сот, по тысяче и более рублей.

«Накоплением капитала» занималась несомненно верхушечная часть вотчинной администрации. Хорошо «зарабатывали», кроме управителя и его ближайших помощников по вотчинной конторе, волостные начальники и земские по волостям. По штатной ведомости 1825 г. волостной начальник усольского волостного правления имеет сравнительно высокий годовой оклад в 250 руб., земский — 200 руб., кроме хлебного пайка: волостной начальник по Жигулевской волости — 220 руб., волостной земский — 180 руб. и т. д. (св. 259, д. 1889); они же захватывали себе в надел лучшие земли и луга, но наживались главным образом, как и управитель, путем «незаконных» поборов с населения. Ниже мы приводим несколько примеров, как эта верхушечная часть деревни давила и беспощадно эксплоатировала крестьянскую массу.

По некоторым документам видно, что разоренные крестьяне доходили до активного протеста и сопротивления управителю и волостным властям.

На памяти у стариков были события не очень далекого прошлого, когда крестьяне сел и деревень Самарской Луки принимали участие в грандиозном Пугачевском восстании против помещиков и воевод. Благодаря их активной поддержке атаманом Араповым была захвачена Самара и организовано продовольственное снабжение пугачевской армии.

После подавления Пугачевщины крепостная грабительская эксплоатация, как мы видели, навалилась вновь на крестьян. Среди них появлялось глухое брожение, отразившееся в документах вотчинного архива. Так управляющий Фомин доносит о том, что волнуются волостные крестьяне с. Аскулы, заявившие вотчинным властям, что платить оброк они не будут, так как «им оброку взять негде» (донесение Фомина от 2 августа 1824 г.). В этом же письме Фомин глухо упоминает вообще о «неприятных отголосках насчет оброка и работ» среди крестьян, а в донесении от 13 июля того же года сообщает о жалобах вотчинных крестьян предводителю дворянства и о сделанном последним через советника Юрьева указании на то, чтобы «употреблять крестьян на изделье», «согласуясь с законом», что подало повод Фомину говорить в своем донесении о «возмущении крестьян г-ном предводителем» (св. 260, д. 1890).

Но, очевидно, таким мягким и осторожным указанием со стороны предводителя дело и ограничилось, так как Фомин был за панибрата с симбирскими, самарскими и ставропольскими властями, задаривая их, устраивая с ними охоту в Жигулевских лесах и увеселительные поездки с хлебосольным угощением и кутежами. У Фомина была везде «рука», — обстоятельство, позволявшее ему во всех осложнениях с крестьянами выходить сухим из воды.

8. ПОБЕГИ ВОТЧИННЫХ КРЕСТЬЯН

Чрезмерная тяжесть положения крепостных крестьян и дворовых в Усольской вотчине, страдавших от постоянных изнурительных работ, от произвола управителя и волостных властей, подтверждается многочисленными случаями побегов, а также жалобами крестьян на притеснение властей. В архивном фонде Орлова-Давыдова много таких дел.

Возьмем дела о побегах крестьян. Бежали из вотчины одиночки и целые семьи, бежали в отдаленные окраинные

области: в Астрахань, Сибирь, на Урал и другие места. Так в 1813 г. бежало в Астрахань из Усольской вотчины 17 крестьян и дворовых. Там беглецы зачислялись в казенные поселяне. Правительство в видах заселения отдаленного края этому не очень препятствовало.

Главная контора Орловых посылала на юг в Астрахань своих доверенных людей, проживавших там продолжительное время, для сыска беглых крестьян. В тех случаях, когда бежавшим крестьянам удавалось ускользнуть от рук вотчинных агентов и записаться в казенные поселяне, владелец старался возместить свои убытки, выпрашивая у правительства на таких крестьян рекрутские квитанции, благодаря чему сокращалось количество поставляемых вотчиной рекрутов из крепостных крестьян и дворовых (св. 272, д. 2042).

Дело 1815 г. о пойманном в Пермской губернии беглеце Никите Тимофееве, назвавшем себя дворовым человеком Усольской волости, подтверждает применение жестоких телесных наказаний в вотчине. В документах допроса Тимофеева отмечено, что на спине у него имеются знаки: «учинены от наказания управителя господина его палками и плетьми». По справке, данной волостным выборным Жигулевской волости, таковой крестьянин с. Александровки за номером таким-то подходит по приметам, находится в бегах и, по показаниям родственников бежавшего, «бит по спине палками и ямским бичом во время господских работ за леность его начальником Яковом Спицыным, и от того на его спине есть знаки» (св. 277, д. 2178).

Дело о бежавшем дворовом Титове 1823 г. характеризует полное бесправие дворовых, находившихся во власти управителя. Титов работал в усольской конторе в качестве переплетчика и был инвалидом: у него высохли ноги. Он добился от управителя отправки его в Москву в распоряжение главной конторы, надеясь в Москве излечить свои ноги. Из дела видно, что такие случаи отправки из Усолья в Москву больных крестьян и дворовых для

излечения были. Но управитель В. Фомин по каким-то личным соображениям не хотел этого сделать. Тогда дворовый Титов решился самовольно на своей лошади уехать из Усолья в Москву. Но без паспорта он мог добраться только до г. Ардатова, где был задержан городничим и выслан обратно в Усолье «по принадлежности»: не даром вся государственная машина того времени обслуживала интересы господствующего помещичьего класса.

О Титове возникла переписка между управителем и главной конторой, в результате которой Титов был представлен «на усмотрение» Фомина, а последний расправился с ним, выслав из Усолья в степное село Покровское в распоряжение волостных властей (та же связка, д. 2052).

А как расправлялись с крепостными «выборные» волостные власти, это видно из дела 1815 г. по жалобе крестьян д. Языковой на начальника Вахрамова и старосту Михайлова, проявлявших дикий произвол, захватывавших в свою пользу землю и луга, причинявших тяжелые побои подведомственным им крестьянам. Расследование подтвердило справедливость жалоб крестьян (св. 277, д. 2154). За недостатком места мы не будем умножать примеров, характеризующих степень бесправия и разорения крепостных Усольской вотчины.

Экономическое положение вотчины в целом, как видно из предшествующего изложения, было далеко не блестяще к 30-м годам XIX столетия, когда в Усолье произошла смена владельцев.

9. НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ УСОЛЬСКОЙ ВОТЧИНЫ

В феврале 1831 г. граф В. Г. Орлов умер в возрасте 86 лет. Он имел двоих сыновей, умерших при жизни отца, не оставив потомства, и трех дочерей. Усольская вотчина досталась по наследству двум лицам: внуку Владимиру Петровичу Давыдову (сыну младшей дочери В. Г. Орлова Натальи Владимировны, вышедшей замуж за гене-

рала Давыдова) и его тетке Екатерине Владимировне Новосильцовой. В. П. Давыдову в момент получения усольского наследства было 21 год, но это был, судя по последовавшей его деятельности, «из молодых да ранний». В 1856 г. он выхлопотал себе графский титул деда и ему, по постановлению сената, была присвоена фамилия Орлова-Давыдова. В архивном фонде сохранилось особое дело «О кончине графа В. Г. Орлова и о первых предписаниях В. П. Давыдова в усольскую контору» (св. 304, д. 2509—2591).

Характерен при этом небольшой эпизод полукомического содержания. Главная контора уведомляет усольскую контору, что граф Владимир Григорьевич «по власти всемогущего воззван в вечность» и предлагает «впредь до повеления» донесения и доклады адресовать в «домовую контору наследников покойного графа Владимира Григорьевича Орлова». Усольская контора, за подписью управителя Ляхова, уведомляя о получении предписания, пишет в лирических тонах: «Мы лишились отца благодетеля его сиятельства, государя графа Владимира Григорьевича, который 28 февраля по власти всемогущего воззван в вечность, с душевным прискорбием как мы, так все дворовые люди и вся Усольская вотчина умоляем создателя вселить благодетельную душу его в царство небесное», и просит исходатайствовать у наследников покойного пожаловать управителю и служителям конторы на траур из господской суммы 1621 р. 60 к. по прилагаемой ведомости. Однако на такие трогательные чувства главная контора ответила довольно сухо: «так как шитье траурного платья есть один только обычай, введенный в больших городах, а не в отдаленных от столиц селениях, то испрашиваемая на сей предмет усольскою вотчинною конторой из господской суммы издержка 1621 р. 60 к. признается вовсе излишнею и бесполезною, тем более, что все служащие при оной конторе, получая достаточное жалованье, имеют способ сшить таковой траур на собственный счет, чем еще более докажут свое усердие».

Управитель Ляхов был затем смещен и заменен доверенным лицом нового владельца, его дворовым человеком Рыбиным.

Первым делом нового владельца был приказ в усольскую контору собрать немедленно с крестьян из прежней недоимки шестую часть в размере 40 196 руб. вместе с недоимкой за вторую половину 1830 г. и недоплаченный за 1-ю половину 1831 г. оброк, всего кругленькую сумму 113 467 руб., и выслать деньги в Москву.

Произошел раздел Усольской вотчины со всем ее мертвым и живым инвентарем, в том числе раздел сел и деревень с крепостным населением, между двумя наследниками. В часть В. П. Давыдова отошли 16 сел и деревень: Усолье, Ахтуша, Московка, Тайдаково, Львовка, Комаровка, Березовка, Жигули, Валы, Александровка, с. Рязань, д. Рязань, Преполовенское, Русская и Мордовская Борковки и Кунеевка, с населением в 6937 душ мужского пола, со всей принадлежащей им землей, всего 145 258 десятин, кроме оброчных статей и угодий. Но к концу 40-х годов XIX столетия путем, очевидно, обмена на другие вотчины в руках В. П. Давыдова опять концентрируется большая часть Усольской вотчины. По данным 1848 г. вотчина во владении Давыдова делится на 5 волостей: Усольскую, Жигулевскую, Борковскую, Натальинскую и Тукшумскую. Лишь Рождественская волость остается во владении Е. В. Новосильцовой.

10. ДОХОДЫ С ВОТЧИНЫ И УПРАВЛЕНИЕ ПРИ НОВОМ ВЛАДЕЛЬЦЕ

По отчету за 1832 г. (св. 367, д. 3032) общая сумма дохода с Усольской вотчины выражается в цифре 259 133 р. 64½ к. В том числе:

Оброк с крестьян	193 374	р.	90½	к.
За проданный хлеб	21 536	»	46	»
За рыбные ловли	7 000	»	—	»
За сенные покосы	15 151	»	—	»
За мукомольные мельницы	2 797	»	50	» и т. д.

Главный доход попрежнему составляет денежный оброк с крестьян.

В следующем 1833 г. доход возрастает до 300 слишком тысяч, не считая остатка от прошлого года (110 тысяч руб.); соотношение доходных статей остается приблизительно прежде. Заметна большая хозяйственная экономия в вотчинных расходах. Владелец стягивает доход в свои руки: непосредственно ему, в центр, доставлено 346 273 руб.

В денежных отчетах, начиная с 1838 г., уже заметна существенная разница в структуре хозяйства. Общий доход за 1838 г. выражается в сумме 369 709 р. 29 к., в том числе оброка с крестьян значится только 128 606 руб. Статья же от продажи хлеба повышается до 181 133 руб. Эта тенденция усиливается в последующие годы. Из отчета за 1841 г. мы видим: общая сумма дохода достигает колоссальной цифры 624 352 р. 11½ к., из которых в главную контору отослано 427 423 р. 60 к. При этом оброчных денег собрано уже только 33 258 руб., а за проданный хлеб получено 429 646 руб., в том числе пшеницы продано на 311 341 руб. (16 942 чт. 4 чк.) и овса на 116 368 руб. (26 056 чт. 6½ чк.).

Все это происходит вследствие изменения системы эксплоатации: денежно-оброчная рента снова заменяется отработочной, крестьяне в подавляющей своей массе переводятся на барщину. Такое положение вещей остается вплоть до времени крестьянской реформы 1861 г. Из данных уставных грамот по Усольской вотчине 1862 г. (св. 822) мы видим, что основная масса крестьян в селах и деревнях Усольской вотчины сидит на барщине и только 10—12% крестьян — на оброке. В то же время растут промышленные предприятия: овчарное заведение и свеклосахарный завод *.

Следует отметить некоторые перемены в организации управления вотчиной. В конце 40-х и в 50-х годах суще-

* Об овцеводстве в Усольской вотчине см. большой материал за 1845—1869 гг. в связках 866—871.

ствуют три вотчинные конторы: усольская, жигулевская и борковская с тремя управляющими. Организованы ежемесячные съезды управляющих, происходящие в Усолье, под председательством усольского управляющего (Карл Петрович фон-Бруммер). Последний остается на этой должности вплоть до реформы 1861 г. Для руководства съездами управляющих составлена особая инструкция (св. 880, д. 7932), утвержденная самим владельцем В. Давыдовым в июле 1848 г. Все постановления съездов поступают на утверждение главной вотчинной конторы Давыдова в Петербурге, по месту жительства и службы владельца. В Усолье чаще наезжает сам владелец. В денежных отчетах есть много любопытных данных о расходах, связанных с приездом в Усолье владельца.

Положение населения — бедственное. Из него выжимаются все соки. На одном из съездов управляющих в ноябре 1848 г. ставится вопрос о том, как остановить процесс разорения крестьян, невыгодный для владельца (св. 800, д. 7940). Но кроме паллиативов, разумеется, ничего не было сделано. Корень бедствия лежал в сущности феодально-крепостного режима и мог быть уничтожен только с его ликвидацией.

Отзвуки реформы 1861 г. в Усольской вотчине нашли значительное отражение в материалах фонда Орлова-Давыдова.

Имеются две связки с делами, из которых одна (св. 822) содержит в себе проекты уставных грамот сел и деревень Усольской вотчины с карандашными отметками владельца, в то время уже гр. В. П. Орлова-Давыдова; другое дело с перепиской мировых посредников и волостных правлений с усольской конторой, обрисовывающее положение крестьян за временно-обязанный период и условия выкупа их земельных наделов.

Ограбление крестьян при проведении реформы ясно видно из данных уставных грамот. Так в с. Усолье из общего количества крестьянской надельной земли в 3376 десятин отрезано в пользу владельца 652 десятины, т. е. 20%.

С. Рязань — 1919 десятин. Отрезано и оставлено за владельцем 343 десятины, т. е. опять около 20% С. Жигули — 3451 десятина. Отрезано 587 десятин. Та же картина и по другим селам и деревням вотчины.

История Усольской вотчины в капиталистический период не входит в задачу настоящего очерка. Для нее имеется огромный материал в фонде Орлова-Давыдова.

Изменилась вкорне система хозяйства, изменились методы эксплоатации угнетенных классов. Мертвая хватка, в какую попали усольские крестьяне при капитализме, ясно обрисовывается в бурном восстании крестьян против владельцев в обе революции 1905 и 1917 гг. Впрочем, буря негодования и протеста разразилась еще раньше, в 1899 г., когда произошло в вотчине восстание борковских крестьян.

Оно было первым раскатом грома, предвестником надвигавшейся крестьянской грозы. Борковские малоземельные крестьяне долгие годы вели тяжбу за землю с гр. Орловым-Давыдовым. Все «законные» средства и пути были исчерпаны без успеха. Проиграв дело, крестьяне в мае 1899 г. всем обществом выехали в поле и начали пахать графскую землю. Бунт был подавлен быстро и беспощадно. Усмиренных крестьян секли. Крестьянин Шарков, признанный зачинщиком, был подвергнут зверскому истязанию. Земский начальник Яровой сам сел ему на ноги. Дали двести ударов *.

Гроза разразилась в 1905 г., когда поднялись крестьяне по всему краю. В пределах б. Усольской вотчины движение разгорелось попрежнему в Борковке, Натальине и Рязани. И это движение было усмирено.

В марте 1917 г. опять первыми поднимаются борковцы. Наконец в течение весны и лета 1918 г. произошла реквизиция имений Орлова-Давыдова.

В Усолье теперь крупный совхоз Сортземтреста и МТС. Полным ходом идет строительство новой жизни.

---

* «1905 г. в Самарском крае», Сборн. под ред. Сперанского, стр. 379.

КРЕПОСТНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ДЕРЕВНИ ЯКУТИНО И ПОМЕЩИК ПЛЕМЯННИКОВ

(из истории дер. Якутино, Бузулукского района)

1. ДЕЛО ПЛЕМЯННИКОВА

Настоящий очерк написан на основании подлинных архивных документов средневолжского крайархива. В одном из фондов архива есть дело «О жестоком обращении бузулукских помещиков Племянниковых со своими крестьянами». Дело тянулось 20 слишком лет. Началось оно в 1833 г. в оренбургском губернском правлении и окончилось в самарском губернском правлении в 1856 г. (уже после образования Самарской губернии). Дело это составляет громадный материал как по своему содержанию, так и по объему (13 томов).

Дело Племянникова представляет немалый интерес, как образчик той баснословной волокиты и канцелярского крючкотворства, которые были способны разводить царские чиновники.

При глубоко вкоренившейся во всех судебных и административных органах крепостной эпохи системе взяточничества и вымогательства существовала такая волокита, что дела, тянувшиеся по несколько лет, считались вполне нормальным явлением. В данном случае дело было совсем особого свойства: дворянин-помещик обвинялся в жестоком обращении со своими же крепостными и в разных преступлениях, совершенных по отношению к ним. Царское правительство особенно ревниво охраняло права

и привилегии правящего дворянского класса. Самой важной из привилегий «благородного дворянства» было право владеть «населенными имениями», или попросту право быть рабовладельцами-крепостниками. Существовал ряд царских указов об ограничении права крепостных жаловаться на своих помещиков и даже о полном запрещении таких жалоб (указы Екатерины II 19/I 1765 г. и 22/VIII 1767 г.). Существовали также указы и циркуляры о специальном, особенно осторожном, рассчитанном на то, чтобы не допускать огласки дела, способе расследования случаев жестокости и злоупотреблений помещиков.

Таким образом крепостническое правительство, исходя из положения о принадлежности крестьян своим помещикам на праве собственности, наравне с рабочим скотом и прочим движимым и недвижимым имуществом, сознательно уклонялось от роли судьи между крестьянами и помещиками. В то же время царские правители постоянно опасались, как бы карательными или ограничительными мерами в отношении какого-нибудь помещика не пробудить в крепостной массе духа критики и возмущения по отношению к ее владельцам.

По всем этим причинам правительство крайне неохотно прибегало к ограничению помещиков в правах, установленному в законе для всех тех из них, которые окажутся виновными в жестокости и разорении крестьян, т. е. к передаче их имений в опеку и к пожизненному устранению самих помещиков от управления крепостными.

Главный «герой» дела, помещик Племянников, обвинялся в такой жестокости по отношению к крепостным, которая троих из них довела до самоубийства и очень многих заставила бежать, в многочисленных изнасилованиях (насчитывается до 30 изнасилованных им в разное время, преимущественно 13—14-летних девочек), в систематическом мошенническом присвоении крестьянского имущества и в «обременении» своих крепостных совершенно непосильными работами. Кроме этих официальных обвинений, правильность которых не подлежит сом-

нению, можно предполагать не без основания, что Племянников был еще и убийцей, так как в то время, когда уже велось следствие, произошли два случая очень загадочной смерти именно тех из его крепостных, показания которых могли оказаться наиболее для него опасными.

Несмотря на все эти обвинения, Племянников в течение 20 лет не только оставался безнаказанным, но не был даже устранен от управления имением. И продолжал совершать все новые преступления.

В конце концов имение Племянникова было все же взято в опеку, а сам он арестован и предан уголовному суду. Судили Племянникова такие же, как он сам, помещики-крепостники, которые, конечно, и сами были не без греха в отношении своих крепостных, а потому и отнеслись к обвиняемому очень мягко.

После предварительного заключения в самарской тюрьме, продолжавшегося 3½ года, он был освобожден, но «оставлен в сильном подозрении» в изнасилованиях и жестоком обращении с крестьянами.

Преступления Племянникова по своему характеру отнюдь не были выдающимся или необыкновенным явлением для помещичьей среды крепостной эпохи.

Очень многие помещики не хуже Племянникова грабили своих крепостных. Очень часты были жалобы крестьян на жестокое обращение и непосильные работы на барщине. Встречались также помещики, содержавшие даже целые гаремы из крепостных девушек. Все эти безобразия были довольно обыкновенными в крепостном быту.

В Якутине у Племянникова они отличались от таких же явлений в других имениях разве только сравнительно большими размерами, да еще тем, что здесь все они встречались одновременно.

Благодаря обилию и разнообразию следственного материала в деле Племянникова перед нами раскрывается яркая картина бытовых и хозяйственных отношений крепостной деревни. Здесь мы встречаем те способы и формы

беспощадной эксплоатации крепостного крестьянства, которые применялись преимущественно в мелкопоместных или средних помещичьих имениях, где выколачиванием доходов для себя из крепостных занимался непосредственно сам хозяин — помещик.

2. СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВА ПОМЕЩИКА ПЛЕМЯННИКОВА

Есть в Бузулукском районе деревня Якутино, расположенная на р. Боровке.

Странное в то время впечатление производила на постороннего человека дер. Якутино. Огороженная кругом высоким и прочным плетнем, она кроме того была окопана рвом. Для въезда существовали одни только ворота, у которых днем и ночью несли караул жители деревни. Ворота были всегда заперты, если только в это время не происходило возки снопов с ближнего поля или другой какой-либо работы, требовавшей постоянного проезда через ворота. Приезжего караульный сначала основательно расспросит, кто он и зачем ему понадобилось Якутино, и затем сходит доложить своему барину. Только с разрешения последнего отпираются с громким скрипом ворота.

Причиной существовавших в Якутине особых порядков были распоряжения помещика и его система ведения хозяйства, для уяснения которых необходимо познакомиться с его личностью.

Владелец дер. Якутино, отставной штабс-капитан Николай Васильевич Племянников, служил в армии где-то на Украине. Выйдя в отставку, после смерти отца в 1827 г., он поделил имение с братьями, поселился в деревне и занялся хозяйством. По разделу ему досталось всего 56 ревизских душ крестьян и дворовых в с. Покровском (Племянниково) и в дер. Якутино. Сам он обосновался в Якутине, а старую отцовскую резиденцию в с. Покровском предоставил старшему брату—майору Андрею Васильевичу. Он умел пользоваться своей неограниченной помещичьей

властью над крепостными, и для них у него был всегда наготове целый арсенал всевозможных мер воздействия.

Он организовал при барском доме, в девичьей, нечто вроде курсов по обучению пряденью, тканью, шитью и другим женским рукоделиям. Девицы в возрасте от 13 до 18 лет все проходили эти курсы. Это было вдвойне полезное для помещика заведение: во-первых, культуры льна и конопли занимали в его хозяйстве видное место, и не только жители дер. Якутино одевались в посконные и льняные ткани своего изделия, но значительное количество ткани шло на продажу; во-вторых, тут можно было, не выходя из дома, по вечерам следить за работой своих «девок» и выбрать на досуге для себя ту из них, которая приглянется.

В подобных случаях сопротивление воле помещика было совершенно невозможно. Племянников проявлял большую настойчивость и добивался своего сначала уговорами и обещаниями. Если это не достигало цели, то он пускал в ход весь арсенал репрессий помещика крепостного времени, причем эти репрессии направлялись не только против непокорной девицы, но и против всех ее близких. Назначались непосильные уроки на барщине и жестокие наказания за невыполнение этих уроков, отбирались за долги и под другими предлогами скот и имущество и применялся ряд других мер такого же порядка вплоть до отобрания у целой семьи всего хозяйства и имущества и перевода ее на положение дворовых.

Короче говоря, для крестьянки, имевшей несчастье понравиться Племянникову, было только два возможных исхода: или покориться и стать барской наложницей или немедленно бежать со всей семьей, так как в Якутине жизнь крестьян, навлекших на себя гнев помещика, была невозможна.

Несмотря на то, что второй исход (т. е. бегство) был сопряжен с большим риском и неизбежной потерей всего имущества и хозяйства, все же находились целые семьи, которые избирали этот путь (Захар Иванов, бежав-

ший со своими двумя дочерьми, и Александр Нестеров Теркин — с женой и дочерью).

Хозяйством Племянников занимался не как-нибудь, спустя рукава, как это делали многие его соседи-помещики, доверявшие все управителям и бурмистрам ради того, чтобы не утруждать себя. Он вел его сам, распоряжаясь лично каждой мелочью. Он стремился поставить хозяйство в имении так, чтобы действительно получать с него всю ту сумму дохода, которую оно могло давать.

Однако достигнуть такой постановки дела было нелегко; во-первых, людей сравнительно с земельной площадью было явно недостаточно, во-вторых, «людишки» эти, по словам Племянникова, «были ленивы, дерзки, неблагодарны и столь безнравственны, что явно предпочитали работать на себя, а не на помещика».

Препятствия эти не страшили Племянникова, и он энергично боролся с ними. Недаром же он прошел хорошую школу, прослужив несколько лет в армии в то время, когда во главе ее стояли такие люди, как Аракчеев и Чернышев*, люди, знавшие толк в дисциплине и в укрощении строптивых. Он строго следил за выполнением всяких работ по хозяйству и был очень щедр на наказания. Даже видавший виды местный исправник Яновский нашел нужным отметить, что у Племянникова ни одна малейшая вина его крепостных не оставалась без наказаний.

Сам Племянников не раз указывал на особую гуманность применявшихся им наказаний, но из дошедших до нас документов можно вывести совершенно обратное заключение. Известно, что он очень широко применял личную, иногда очень свирепую, кулачную расправу**

* Оба были военными министрами, один при Александре I, другой при Николае I. Отличались жестокостью и поддерживали в армии самую свирепую, палочную дисциплину.

** В деле имеется приложенный в виде вещественного доказательства клок бороды, собственноручно выдранный Племянниковым у крестьянина Федора Кузьмина, который был жестоко избит за то, что не сумел или не захотел выполнить приказание помещика об отобрании за долги скота у своих односельчан.

и наказание розгами, причем часто давалось по 100 и более ударов. Правда, у Н. В. Племянникова, кроме деревянных колодок *, не было никаких специальных приспособлений для наказания, которые существовали в некоторых имениях того времени (особые плети, цепи с рогатками для приковывания за шею к стене, как у его родственника Н. Ф. Племянникова и т. п.), но заковывание в колодки у него практиковалось довольно часто и притом на большие сроки. Одна дворовая женщина (Дарья Васильевна) за побег и другие провинности содержалась около полугода в колодках и в течение всего этого времени работала в таком виде на помещика наравне с прочими женщинами у ткацкого станка и иногда даже в поле.

Чтобы увеличить количество рабочих рук, Племянников переселил часть крестьян из доставшейся ему от жены симбирской дер. Ощерино и кроме того покупал крестьян «на своз», как тогда выражались, т. е. для переселения в дер. Якутино, как только представлялась возможность.

Однако увеличение населения дер. Якутино по ряду причин шло, несмотря на все старания помещика, довольно туго. Крестьяне часто совершали побеги, не только поодиночке, но даже целыми семействами и группами. Плетень и ров, окружавшие деревню, и караул у ворот отчасти имели целью воспрепятствовать побегам жителей деревни, отчасти же оградить их от сношений с окружающим миром, который помещик считал источником соблазнов и искушений для своих крестьян.

Необходимо добавить, что случаи поимки беглецов полицией и возвращения их под стражей к помещику были довольно часты. В таких случаях Племянников

---

* Колодка—приспособление, заменявшее ножные кандалы, состояла из двух деревянных брусьев с полукруглыми вырезами для ног. Эти брусья, скреплявшиеся болтами, образовывали колодку. Передвигаться с ногами, забитыми в колодку, было почти невозможно.

с беглыми расправлялся круто и не жалел ни розог, ни плетей, ни собственных барских кулаков.

Беглецам после такого «отеческого внушения» выстригали половину головы и бороды. Это не являлось неизгладимым клеймом, но на первое время, все же служило хорошей приметой, мешавшей повторению побега *.

По донесению того же исправника Яновского, многие крестьяне явились к нему с обритыми наполовину головами и бородами и притом «полунагие».

Несмотря на все перечисленные меры, принимавшиеся Племянниковым против побегов, число их все увеличивалось. Впрочем кроме побегов был еще ряд обстоятельств, вследствие которых население дер. Якутино, а следовательно и количество рабочих рук в хозяйстве Племянникова возрастало далеко не так быстро, как ему хотелось. Смертность среди жителей дер. Якутино в 30-х и 40-х годах была очень велика. Умирали дети от разных детских болезней, а больше от недосмотра и плохого питания, так как матери были от зари до зари заняты работой на барщине и в своем хозяйстве. Среди взрослого населения, особенно среди переселенцев, свирепствовала лихорадка, оканчивавшаяся в наиболее тяжелых случаях или же при слабом и истощенном организме больного «грудной водянкой» и смертью**.

Кроме побегов и смертности, уменьшавших количество населения, нужно было еще поставлять рекрут для

---

* В те времена никто из крестьян или мещан, носивших так называемое «русское платье» (крестьянское), бороды не брил, волосы же стриглись «в кружок». Брили бороду только солдаты и лакеи из барских домов, но те и другие носили или мундир или «немецкое платье». Таким образом беглецу, у которого были выстрижены половина головы и бороды, чтобы не навлечь на себя подозрение первого встречного полицейского, надо было не только обриться, но и обзавестись еще соответствующим платьем, иначе фигура выходила слишком заметной.

** В данном случае мы в точности соблюдаем медицинскую терминологию источников. Вероятно, это заболевание, дававшее благодаря состоянию медицины того времени и полному отсутствию врачебной помощи сельскому населению значительный процент смертности среди переселенцев в Самарскую губернию, было не что иное, как малярия.

армии, да и покупавший крестьян для переселения в Якутино Племянников сам очень часто продавал их. В тех случаях, когда он считал того или иного крестьянина плохим работником, или же, когда на почве его «любовных» похождений создавались чересчур сложные и неудобные отношения, что также бывало нередко, он прибегал к продаже крепостных.

Впоследствии, когда против него возникло обвинение в жестоком обращении с крестьянами и потянулось бесконечное дело об этом, Племянников пользовался тем же приемом, чтобы избавиться от тех крестьян, которых он считал инициаторами подачи жалоб начальству.

Для помещика, желавшего избавиться от неугодившего ему крестьянина, в то время очень удобным исходом была сдача в рекруты «взачет». Это была прибыльная операция, от которой получалась драгоценная «рекрутская квитанция», продававшаяся по высокой цене. При этом сдаваемый в рекруты должен быть физически годным к военной службе, в противном случае его если и принимали, то «не взачет». Тут уже для помещика получался голый убыток, и сдавать таким образом хотя бы сильно насолившего крестьянина было роскошью, которую могли себе позволить только богачи, а не такие мелкопоместные помещики, как Племянников. По всем этим причинам многие крестьяне из дер. Якутино продавались, многие сдавались Племянниковым в рекруты.

Заслуживает также особого внимания соотношение в Якутине между количеством дворовых и крестьян. По данным 30-х годов, дворовых было у Племянникова значительно больше, чем крестьян. Численное преобладание дворовых над крестьянами наблюдалось у большинства мелкопоместных помещиков. Мелкопоместный помещик, имея возможность эксплоатировать труд лишь незначительного количества крепостных, доводил в большинстве случаев эту эксплоатацию до высших пределов. Крестьянин обязан был отдавать ему свой труд только на барщине (обыкновенно 3 дня в неделю), между тем

как труд дворового принадлежал помещику безраздельно. Отсюда стремление большинства мелкопоместных помещиков переводить своих крестьян в дворовые.

Несмотря на кажущуюся выгодность для помещика этой грабительской операции (кроме увеличения рабочей силы приобреталось иногда довольно ценное крестьянское имущество), Племянникову пришлось от нее отказаться, так как ограбленные и превращенные в дворовых крестьяне в большей части от него бежали. С возникновением против него обвинения в жестоком обращении с крестьянами проведение в жизнь этой меры, вызывавшей новые жалобы крепостных, которых и без того было слишком много, сделалось чересчур опасным. В отдельных случаях Племянников все же практиковал в виде репрессии перевод крестьян в дворовые даже в период самого разгара своего дела (бывший староста Додонов с семьей).

В Якутине, как и в других помещичьих имениях, крестьяне обязаны были работать на барщине 3 дня в неделю *. По всем главным видам работ у Племянникова существовали установленные в большинстве случаев им самим «уроки».

Хотя Племянников, наверное, никогда в жизни не слыхал слова «хронометраж», но некоторые из своих «уроков» он определял именно путем хронометража, правда, несколько своеобразного, который проводился следующим образом: становясь с часами в руке около работающего, помещик наблюдал, какую часть работы (например сколько нажинает снопов) выполняет тот в определенный отрезок времени (от 5 минут до ½ часа).

После этого по календарю высчитывалась продолжительность рабочего дня с момента восхода и до захода

---

* Закон, ограничивавший работу крестьян на барщине 3 днями в неделю и запрещавший помещикам заставлять крестьян работать на них в праздники, был издан в 1797 г. До него никаких ограничений работы на барщине в законе не было, и помещик мог заставить крестьянина работать на себя, сколько вздумается.

солнца на каждый месяц с точностью до 1 минуты. Из общего количества полученного таким образом рабочего времени скидывался один час на обед и ½ часа на завтрак (для летнего времени, зимой же давалось всего ½ часа на обед). Весь полученный остаток составлял чистое рабочее время, исходя из которого Племянников вычислял размер «урока».

В соседних имениях урочная система работы на барщине была также широко развита, но ни в одном из них она не была разработана с такой полнотой и точностью, как в Якутине. Размер установленных в Якутине уроков или равнялся высшим из принятых в соседних имениях или превышал их. Особенно велики были у Племянникова уроки по уборочным работам. В материалах следствия, производившегося в 1835 г. исправником Яновским, мы находим данные о размере существовавших в Якутине уроков, а также собранные для сравнения сведения об уроках и нормах, установленных у нескольких соседних помещиков.

Так, у Племянникова на яровую пашню ставилось 7 сох на 2 десятины в 3200 кв. саж.; у помещиков Рогова и Ляхова по 4 сохи на 1 десятину в 3200 кв. саж. и у Бабинцева и Воронцова по 4 сохи на 1 десятину в 3600 кв. саж. (так называемая «дворянская десятина»). На жнитве у Племянникова был установлен урок на каждого жнеца в 180 снопов по 1¼ аршина в окружности на связке, у Рогова от 80 до 120 снопов аршинной вязки. У всех остальных определенного, урочного количества снопов на каждого жнеца установлено не было.

Уроки давались, смотря по качеству хлеба и жнецов, подесятинно.

Во время возки снопов Племянников требовал от крестьян, чтобы они накладывали по 100 снопов на воз и совершали 10—12 поездок в день. У остальных помещиков на воз накладывали «смотря по хлебу» от 60 до 100 снопов, а число поездок в день определено не было и ставилось в зависимости от расстояния.

В Якутине за зиму каждая крестьянская женщина обязана была спрясть и соткать из господского льна 20 аршин холста; назначался в таком же порядке урок на пряжу шерсти и тканье из нее сукна и т. д.

Из всех уроков, выполнявшихся на барщине в Якутине, особенные жалобы крепостных вызывали слишком большие уроки по жатве (180 снопов). Такие уроки были совершенно непосильны для работавших наравне с прочими стариков и подростков, но Племянников умел заставить их выполнять, и они выполнялись, но для этого крестьянам приходилось работать на помещика в праздники и в свои «крестьянские дни». Размер женских уроков по пряже и тканью холста и сукна также вызывал многочисленные жалобы. Жаловались не те женщины, которым работа задавалась на год или на зиму, а преимущественно дворовые и крестьянки, получавшие за отсутствием полевых работ или молотьбы работу «на время» (1 или 2 недели). Тут количество «талек» холста и аршин сукна, которое они должны были вырабатывать, оказывалось чрезвычайно большим.

У Племянникова, как и в большинстве помещичьих имений того времени, часть крепостных вместо работы на барщине платила определенный «оброк». На оброке состояли крестьяне и дворовые с. Покровского и впоследствии дер. Васильевки (Березовка), куда в 1841 г. была переселена часть покровских крестьян. В Якутине, наоборот, как крестьяне, так и дворовые работали на помещика, и оброчных совсем не было.

Такой распорядок вполне понятен. Племянников при своих высоких требованиях к выполняемой на барщине работе не имел возможности за дальностью расстояния следить за работой своих крепостных в Покровском и Васильевке так, как он это делал в Якутине, а потому считал для себя более выгодным облагать их оброком.

Размеры оброков были очень разнообразны. Помещик, в зависимости от доходности того занятия, которое избирал переводимый или отпускаемый на оброк крепо-

стной, старался всегда довести оброк до наивысшего размера.

Переселившиеся в 1842 г. в Якутино из с. Образцова, Коломенского уезда, Московской губернии, крестьяне, купленные Племянниковым у московского помещика полковника Ильина, работая на московских фабриках, платили своему прежнему помещику всего 25 руб. ассигнациями оброку с тягла *. К сожалению, совершенно неизвестно, чем занимались оброчные дворовые с. Покровского, но размер их оброков был очень высок: как крестьяне, так и дворовые, состоявшие у Племянников на оброке, платили ему от 80 до 100 руб. ассигнациями в год с тягла. Несмотря на значительный доход, получавшийся от таких высоких оброков, Племянников, стремившийся развивать в Якутине свое хозяйство, вскоре после размежевания земель с. Покровского перевел постепенно всех своих крепостных в Якутине на барщину. Эта операция в 1844 г. была уже почти закончена.

Немаловажную статью помещичьего дохода в крепостное время составляли так называемые «поборы». Поборами назывался ежегодный сбор известного рода продуктов, скота или птицы с крестьян в пользу помещика. Основанием для этих поборов в большинстве случаев служила раздача помещиком своим крестьянам скота или птицы, из приплода которых крестьянин обязан был ежегодно в определенный срок доставлять помещику известную часть. Такие раздачи производились обыкновенно на обзаведение хозяйством при переселениях крестьян, после опустошительных пожаров или голодовок. На этом основании в течение совершенно неопределен-

* «Тяглом» в крепостном хозяйстве называлась единица, облагавшаяся в пользу помещика всевозможными натуральными и денежными повинностями. Нормально тягло состояло из четы крестьян, способных выполнять все обыкновенные мужские и женские крестьянские работы. Количество душ в тягле бывало весьма различно: в среднем по Самарской губернии, по данным «Губкомитета по улучшению быта помещичьих крестьян» (1858 г.), на тягло приходилось по 5 наличных душ обоего пола.

ного и настолько большого периода времени, что самый факт раздачи был уже давно забыт, с каждого тягла ежегодно собиралась определенная дань скотом, птицей или продуктами.

Размеры этой дани в Якутине нам известны из показаний самого Племянникова. В его имении «издревле» были заведены следующие поборы: за розданные крестьянам на тягло 5 овец, 1 курицу и 1 гусыню с них ежегодно собиралось по 2 барана и по 7½ фун. шерсти, по 1 курице, по 2 цыпленка и по 1 гусю. Каждое тягло кроме того доставляло помещику по 5 фун. разных ягод и от 2 до 4 фун. хмелю.

3. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ КРЕСТЬЯН

У Племянникова был трехпольный севооборот, который должны были соблюдать и все его крестьяне, так как земля отводилась им в пользование в каждом из 3 полей по тяглам. О засевавшихся на этой земле культурах можно составить себе представление главным образом из жалоб крестьян, в которых они перечисляют хлеб, отобранный у них помещиком при переводе в дворовые или же за долги.

По этим данным можно заключить, что в Якутине сеялись следующие культуры: пшеница, полба, рожь, овес, просо, горох, лен и конопля. Картофель нигде не упоминается. Он, если и сажался, то вероятно, только в огородах и в незначительном количестве. Основным орудием для обработки почвы как в 30-х, так и в 40-х годах была соха.

В 40-х годах у Племянникова пахали также и «сабанами» на быках. Повидимому, последний способ обработки почвы практиковался не только на помещичьих, но и на крестьянских полях, так как во многих крестьянских хозяйствах, по данным следственной комиссии 1844 г., имеются быки, причем эти быки определенно относятся не к пользовательному, а к рабочему скоту.

Норма крестьянского землепользования у Племянникова до 1843 г. была очень мала. Крестьянам отводилось всего по 5 «осьминников» на тягло, что составляло всего 2,8 десятины по 3200 кв. саж. каждая. С 1843 г. эта норма была увеличена. Причиной увеличения ее был, повидимому, тот оборот, который принимало дело по обвинению Племянникова «в жестоком обращении с крестьянами», и ожидание Племянниковым прибытия следственной комиссии, к которому он долго и заранее готовился, желая продемонстрировать ей картину благосостояния якутинских крестьян.

В материалах следственной комиссии 1844 г. мы находим также сведения о количестве скота у якутинских крестьян. Эти сведения указывают на значительное развитие овцеводства в Якутине.

На основании тех же данных можно заключить, что в общем больше всего скота имели недавно переселенные в Якутино из с. Покровского и дер. Васильевки бывшие оброчные крестьяне. У крестьян, состоявших раньше на барщине в Якутине, при сравнительно большом количестве рабочего скота (лошадей и быков) было гораздо меньше крупного и мелкого пользовательного скота. Среди этих крестьян встречаются бескоровные хозяйства.

Наконец, наименее обеспеченными скотом оказались хозяйства крестьян, переселенные всего за два года до опроса (в 1842 г.) из Московской губернии. У этих крестьян ввиду дальнего переселения весь скот, кроме лошадей, служивших им для переезда, был продан на старине. Из семи семейств московских переселенцев только два успели завести по корове. Остальные не имели ни коров, ни овец, ни домашней птицы.

Обращает на себя внимание соотношение между количеством рабочего и крупного рогатого, пользовательного скота у крестьян дер. Якутино. Рабочего скота приходилось на каждую душу в 3 раза больше, чем пользовательного. Такое соотношение между количеством скота обеих категорий вызывалось не местными хозяйствен-

ными условиями, а поддерживалось у крестьян чисто искусственно помещиком. Крепостной крестьянин должен был обрабатывать не только отведенную в его пользование землю; от него требовалось еще, чтобы он обрабатывал на барщине поля своего помещика. Поэтому помещик был кровно заинтересован в том, чтобы его крестьяне обладали в достаточном количестве тягловой силой.

Мы видим, что Племянников щедро раздает (конечно, не даром, а в долг) крестьянам лошадей. Почти половина лошадей московских переселенцев получена от него. В отношении остального скота он далеко не так щедр, известен только один случай выдачи крестьянину коровы и очень много случаев отобрания коров за долги. Если у задолжавшего крестьянина была лошадь или бык и одна корова, то помещик брал за долг не лошадь и не быка, а единственную корову. Не подлежит сомнению, что большое количество тягловой силы у крестьян нужно было не им, а помещику.

Чтобы уяснить читателю, каким образом удавалось Племянникову регулировать количество скота в хозяйстве крестьян, необходимо добавить, что всякие отлучки крестьян или дворовых из деревни, хотя бы и в праздничные дни, допускались в Якутине не иначе, как с разрешения помещика и притом очень редко и неохотно.

Благодаря строгому контролю над всякими отлучками крестьян и караулу у ворот, допускавшему в деревню местных прасолов и перекупщиков только с разрешения помещика, никакая продажа крестьянского имущества не совершалась без его дозволения. Нередко случалось, что даже крестьяне, просившиеся на базар для продажи своего скота с целью уплаты долга самому помещику, встречали решительный отказ.

Вот например, пришел к нему Федор Кузьмин; мужик он не из бедных и скота имеет порядочно. Мнет Федор Кузьмин в руках шапку, благодарит за прошлые благодеяния (ссуда в несколько пудов хлеба в неурожайный

год) и просит разрешения съездить в предстоящий праздник на базар в с. Грачевку для того, чтобы продать своего быка, в котором он не нуждается, и уплатить «должок» своему «отцу и благодетелю — Николаю Васильевичу». «Отец и благодетель» между тем прикидывает в уме: долгу за Федором Кузьминым за хлеб, за «подушную подать» и «пастушных денег» всего около 6 рублей ассигнациями... бык хорош и стоит гораздо дороже... упускать из Якутина дорогой рабочий скот, который ему так нужен для обработки своих полей, ради того, чтобы получить сейчас 6 рублей, нет никакого расчета... взыскать долг он всегда сумеет, а так как взыскивать он будет сам, то, конечно, на этом не прогадает. Этого самого быка можно будет через некоторое время отобрать за долги, а впрочем гораздо рассчетливее оставить Федору Кузьмину быка, пусть он его кормит и работает на нем на барина, а за долг взять у него корову. Все эти соображения Племянников, конечно, держит про себя, Федору Кузьмину он говорит краткую, но прочувствованную речь, в которой указывает на гибельные последствия для крестьянина пьянства и посещения базаров, на необходимость трудиться и в праздничные дни, если не на помещика, то на себя, наконец, на необходимость для каждого домовитого крестьянина не разбазаривать скот, а добиваться увеличения его количества. В заключение он милостиво отпускает Федора Кузьмина, обещая подождать со взысканием долга и отклоняя самым решительным образом просьбу о разрешении съездить на базар и продать быка.

Кроме приведенного случая с Федором Кузьминым о том же говорится в крестьянских жалобах на помещика. «Барин не дозволил продать излишних лошадей, — заявляют крестьяне, — а сам отобрал за долги единственных коров и другое имение». Причем выходило всегда так, что стоимость этого «имения» на много превышала сумму долга.

Для полноты картины материального положения кре-

стьян в Якутине необходимо добавить, что Племянников, строго оберегавший свой лес, настолько скупо разрешал им заготовку дров и хвороста на топливо и даже лык на лапти, что они постоянно нуждались в этих материалах.

4. ДВОРОВЫЕ В ЯКУТИНЕ

Кроме крестьян в Якутине было много дворовых. Положение последних было гораздо хуже, чем положение крестьян. К дворовым в помещичьих имениях обычно относилась вся многочисленная прислуга в барских домах: скотники, пастухи, кучера и крепостные ремесленники, которых мы встречаем даже в самых незначительных имениях (плотники, столяры, кузнецы, сапожники портные и т. д.). В Якутине благодаря тенденции Племянникова при всяком удобном случае в виде репрессии переводить крестьян в дворовые эти две группы крепостных отнюдь не являлись обособленными: любому крестьянину в любой момент угрожала перспектива быть переведенным «на двор» и превратиться в бесплатного батрака, исполнявшего сельскохозяйственные и другие работы на барской земле барским инвентарем.

По отношению к дворовым, обязанным полностью отдавать свой труд помещику, последний нес в общем одно только обязательство: кормить их так, чтобы они не умерли от голода, так как никаких норм обеспечения дворовых пищей или одеждой в законе не существовало. В Якутине, как и в других помещичьих имениях, дворовые получали продовольствие двояким способом: или в виде «месячины» (месячный паек) или в виде готового стола в барской «застольной» или кухне. Надо полагать, что стол этот не был особенно обильным, так как якутинские дворовые всегда предпочитали получать месячину, несмотря на то, что она в большинстве случаев сводилась у Племянникова к выдаче одной только ржаной муки.

На «месячину», или довольствие в «застольной» иногда временно переводились некоторые крестьяне.

Некоторые семьи из московских переселенцев (например семья Кроилиных) даже в 1844 г., через два года после переселения, все еще состояли на месячине. Конечно, крестьяне, временно переведенные на месячину у Племянникова, работали на него уже не как крестьяне по 3 дня в неделю, а как дворовые — всю неделю полностью. «Месячина» выдавалась в Якутине крайне неравномерно, и ее размер зависел главным образом от того, насколько помещик благоволил к данной семье.

Известен случай, когда двум крестьянским семьям из московских переселенцев (Костромичевым и Кроилиным), состоявшим временно на месячине, за жалобы на помещика исправнику была совершенно прекращена выдача всякого довольствия, и женщины и дети из этих семей в это время ходили собирать подаяние. Жена дворового Вадима Коротяева и бывший староста Додонов утверждали, что не получали совершенно ничего кроме ржаной муки до февраля 1844 г., и только с этого времени им стала выдаваться полба.

Такое «улучшение» продовольствия дворовых было вызвано теми же причинами, по которым в 1843 г. была увеличена норма землепользования крестьян. В это время (начало 1844 г.) Племянников, повидимому, получил, наконец, известие о скором приезде в Якутино давно уже ожидавшейся следственной комиссии. Чтобы доказать этой комиссии неосновательность жалоб на него дворовых, Племянников увеличил их паек. Приблизительно в это же время была произведена всем месячникам раздача соли по одному пуду на человека, чего также раньше в Якутине не бывало.

Конечно, те из дворовых, к которым помещик благоволил, были в лучшем положении. Дворовая женщина Пелагея Ильина, которая на всех происходивших в Якутине следствиях и допросах давала показания в пользу помещика против крестьян и даже против собственного мужа, пользовалась, повидимому, за это привилегированным положением. По собственному ее показанию, она

получала на семью из 2 душ 30 фун. полбы, 1 пуд 30 фун. ржаной муки и столько же пшеничной на месяц. Раз в год ей выдавались: 1 сарафан, 3 рубахи, 1 платок, 1½ фунта шерсти «на обувь», по 2 пары лаптей и на 5 лет 1 суконный полукафтан. Остальные дворовые все жаловались на то, что уже давно ничего из платья не получают. Скота своего дворовые в Якутине не имели.

5. ЛЕЧЕНИЕ В ЯКУТИНСКОЙ «БОЛЬНИЦЕ» САМОУБИЙСТВА КРЕПОСТНЫХ

При общем недостатке рабочих рук в Якутине Племянников все же не мог добиться полного использования рабочей силы своих крепостных, так как среди них свирепствовала «лихорадка» и почти всегда было несколько человек больных, неспособных к работе. Племянников уверял, что в большинстве случаев его крепостные только притворялись больными, чтобы не работать на барщине. Поэтому в Якутине был заведен такой порядок: каждый отказавшийся по болезни идти на работу направлялся в «больницу», т. е. в людскую избу, где лечением больных занимался обыкновенно сам помещик.

«Больница», кроме обыкновенных лавок да русской печи, не имела никаких приспособлений для лежания больных и вообще ничем не отличалась от обыкновенной крестьянской избы. К сожалению, до нас не дошли рецепты тех лекарств, которыми в этой «больнице» лечил своих крестьян Племянников. Известно только, что из лекарств Племянникова особенно широкое применение имела какая-то «дегтярная вода», что больных почти всегда приходилось тащить в «больницу» силой и что они стремились выбраться оттуда при первой возможности.

Наглядным примером племянниковского лечения, которое он имел наглость выставлять перед начальством как доказательство своего «человеколюбивого и попечительного» отношения к крестьянам, может служить слу-

чай с Семеном Ламиным. Тяжело заболевшего лихорадкой Семена Ламина за отказ принимать лекарство Племянников собственноручно так избил, что тот кроме лихорадки болел еще 2 недели от полученных побоев и остался глухим на одно ухо от удара кулаком в голову.

В 1835 г. в якутинской «больнице» находилось на излечении двое больных, покушавшихся на самоубийство. Оба неудачливые самоубийцы пытались перерезать себе горло: один ножом, другой бритвой. Больные были «хирургические», и к ним Племянников вызывал особого лекаря из с. Покровского — вольноотпущенника своего брата А. В. Племянникова, Самойлу Степанова. Лекарь этот признал обе раны неопасными и предписал одно и то же лечение: привязывание к ранам смоченной в уксусе тряпицы, что и выполнялось аккуратно жившей при «людской избе» старухой Дарьей Васильевой.

Имевшие место в Якутине случаи самоубийств достаточно характерны, чтобы остановиться на них подробнее. Первый случай имел место в 1830 г., когда бывший староста дер. Якутина Кузьма Моисеев повесился в лесу на березе. Крестьяне говорили, что причиной самоубийства впавшего в немилость и разжалованного старосты были притеснения и жестокость помещика. Производилось следствие, в результате которого никаких данных к обвинению кого бы то ни было в смерти Кузьмы Моисеева, конечно, не оказалось, и «дело было предано воле божьей».

Последующие два случая были не самоубийствами, а покушениями на самоубийство и происходили в 1835 г., после первого следствия исправника Яновского, когда для крестьян стало ясно, что их жалоба на помещика и вызванное ею следствие не дали никаких результатов. Один из переселенных в 1833 г. из Ардатовского уезда крестьян — Гаврил Матвеев, человек уже немолодой, хилый и болезненный, страдавший с самого переселения жестокой «лихорадкой», перешедшей в «грудную водянку», первым попытался покончить свое существование. Жизнь его была сплошным безысходным страданием,

так как, несмотря на его болезнь, его заставляли работать наравне с другими. В «больнице» он, конечно, побывал уже не раз, но, повидимому, страдать на работе ему все-таки было легче, чем в племянниковской «больнице», и он работал, терпя постоянно побои и наказания за невыполненные уроки.

При таких обстоятельствах становится вполне понятным его решение покончить с собой. Не менее печальна и дальнейшая судьба Гаврилы Матвеева. Желая перерезать горло, он причинил себе совсем незначительную рану: были прорезаны только кожные покровы на шее. Его поместили в «больницу» и, выпуская из больницы, снова заставили работать. Племянников уверял впоследствии, что работа эта была самой легкой; по предписанию лекаря она была назначена Гавриле Матвееву исключительно «для моциона», так как по свойственной ему лени последний будто бы все время лежал на печке. Гаврило Матвеев убирал и подметал людскую избу и двор перед нею. Недели через две после своего неудачного покушения на самоубийство он умер. По свидетельству вызванного исправником для осмотра трупа уездного штаб-лекаря, смерть последовала от «грудной водянки», которой больной уже давно страдал.

Вторым покушавшимся на самоубийство был дворовый человек Михаил Родионов, старик лет 60, состоявший при барском доме поваром. Обязанность эта при свирепом нраве барина была не из легких; бывшая впоследствии кухаркой в барском доме Анастасия Васильева Зеленова горько жаловалась на Племянникова и говорила, что по нескольку раз на день за малейшую оплошность, а то и без всякой вины, терпит от него побои. Михаилу Родионову, вероятно, приходилось не легче, потому что вскоре после неудачного самоубийства Гаврилы Матвеева, о котором, конечно, не мало было в то время разговоров в «людской», сам он пытался перерезать себе горло. Орудием ему послужила старая бритва, которой он по примеру большинства поваров и лакеев

из господских домов того времени имел обыкновение брить бороду. Рана, которую он себе нанес, была серьезнее, чем у Гаврилы Матвеева, так как был поврежден пищевод, однако лечение ее шло успешно. Во время производившегося исправником по случаю смерти Гаврилы Матвеева следствия врач нашел ее уже заживающей и неопасной для жизни. На этом следствии сам Михаил Родионов так же, как и все допрошенные крестьяне, показал, что причина его покушения на самоубийство была та же, что у Гаврилы Матвеева, т. е. совершенно невозможные условия существования, созданные для них жестоким, жадным и придирчивым помещиком.

Бегство, несмотря на сопряженный с ним большой риск, являлось самым естественным выходом из того невыносимого положения и каторжных условий жизни, которые создал для своих крепостных Племянников. Выход этот был доступен только для здоровых и сильных, а слабые, больные старики, как Гаврила Матвеев и Михаил Родионов, потерявшие надежду на то, что их помещика в результате крестьянских жалоб хоть сколько-нибудь обуздает начальство, пытались найти другой выход — самоубийство.

Самоубийство, а следовательно и покушение на него по прежним законам считалось уголовным преступлением, но каралось обыкновенно только номинально «церковным покаянием». Поэтому довольно странным кажется распоряжение бузулукского уездного суда, который, как только получил материалы произведенного исправником следствия, предписал арестовать и доставить в бузулукскую тюрьму Михаила Родионова. Дело в том, что у Племянникова в уездном суде была надежная поддержка в лице его родственника и приятеля — уездного судьи Карамзина. Этим обстоятельством объясняются и дальнейшие действия уездного суда, который, «найдя следствие исправника Яновского во многом неполным», поручил «переследовать» все дело дворянскому заседателю из своего состава Леружу. Этот Леруж, дав понять са-

мым недвусмысленным образом крестьянам, на чьей стороне приславший его уездный суд, так повел свое следствие, что сумел совершенно запугать их. Он добился поголовного отказа крестьян от показаний, данных исправнику, в которых они жаловались на жестокость и притеснения помещика и выставляли их единственной причиной якутинских самоубийств. На допросах Леружа многие показали даже, что Гаврила Матвеев покушался на самоубийство «в припадке умоисступления», а жена Михаила Родионова—Пелагея Ильина, показала, что муж ее просто «нечаянно» порезался во время бритья. Михаил Родионов один остался при своем прежнем показании, даже после очной ставки с женой, что, конечно, пришлось не по нутру Племянникову и старавшемуся для него уездному суду. Вскоре после очной ставки Михаил Родионов умер в бузулукском остроге. О причинах его смерти не сохранилось никаких сведений. Так же загадочно умерла, не будучи даже допрошена Леружем, жена другого самоубийцы Гаврилы Матвеева — Татьяна Никонова. Ничем не разъясненная смерть двух самых важных в вопросе о причинах самоубийств свидетелей, из которых один (Михаил Родионов) определенно оказался несговорчивым, невольно наводит на размышления.

Совершивший ряд гнусных уголовных преступлений Племянников, судя по тому, как он вызывал к себе в кабинет для объяснений с глазу на глаз крестьян и там без свидетелей занимался их избиением, был физически сильным и смелым человеком. Он был вполне способен задушить собственными руками любого из своих крепостных, лишь бы в этом была для него выгода и можно было рассчитывать на безнаказанность.

Много темных дел творилось в дикую и мрачную крепостную эпоху, в эпоху неограниченной дворянской диктатуры. Только случайно удается нам напасть на следы преступлений феодалов-крепостников. В большинстве случаев следы тщательно заметались, концы хоронились в воду, чему охотно помогала сама избиравшаяся «благо-

родным дворянством» земская полиция, готовая за взятку и за хорошее угощение скрыть любое преступление помещика.

Лишь Октябрьская революция, победоносно совершенная пролетариатом в союзе с крестьянством, окончательно и навсегда освободила их от угнетателей — помещиков и капиталистов.

ИЗ ПРОШЛОГО СЕЛА СМОЛЕНСКОГО-ДЕРЖАВИНА

1. ДЕЛО ДЕРЖАВИНСКИХ КРЕСТЬЯН

2 октября 1843 г. в канцелярии оренбургского гражданского губернатора было получено отношение от оренбургского же военного губернатора, вызвавшее некоторое движение*.

Начальство забегало и стало совещаться, чиновники и простые писцы, мирно дремавшие над своими бумагами, получив соответствующие инструкции и черновики для переписки, склонив голову на бок, усиленно заскрипели перьями, и «пошла писать губерния»... Конечно, оживление это было вызвано не фактом получения от военного губернатора отношения, это было не в диковину, тем более, что писалось в нем о прошении какого-то «мужичонки». Петрова. Но этот «мужичонка» сумел добраться со своим прошением до государя императора, и сам министр внутренних дел, действительный тайный советник Перовский, препровождая упомянутую просьбу, просил: «обратить особое внимание на обращение помещика Миллера со своими крестьянами».

Результат усиленной деятельности губернаторской канцелярии не замедлил проявиться. Было поручено бузулукскому предводителю дворянства: «удостовериться в образе управления помещика Миллера со своими крестьянами и о последующем уведомить».

---

* Бузулукский уезд, на территории которого происходили описываемые в очерке события, до учреждения Самарской губернии в 1851 г. входил в состав Оренбургской губернии.

Бузулукский предводитель дворянства Карамзин, вероятно и раньше хорошо знакомый с Миллером, быстро выполнил поручение и донес, что управление Миллера совсем необременительно для крестьян и налагавшиеся на них взыскания вполне согласны с законом.

Получив такое донесение и составив на основании его объемистые отношения, кому следовало, губернское начальство на этом успокоилось, но крестьяне таким положением дела не удовлетворились. Они продолжали свои хлопоты, несмотря на все препятствия со стороны своих помещиков, жестоко их за это преследовавших.

2. ЗАВЕЩАНИЕ ДЕРЖАВИНА

В декабре 1843 г. к губернскому прокурору поступило новое прошение от тех же крестьян с. Державина, в котором очень ясно изложена вся суть дела и все их претензии; содержание этого прошения следующее:

Бывший помещик села Смоленского-Державина, Г. Р. Державин (известный поэт), будучи бездетным, завещал это имение свой жене Дарье Алексеевне, урожденной Дьяковой.

Завещание, составленное в 1813 г., было засвидетельствовано после смерти Державина в петербургской палате гражданского суда в 1816 г. По 9-му пункту завещания жена Державина не должна была ни продавать, ни оставлять никому в наследство этого имения иначе, как на основании «положения», написанного Державиным 1 января 1804 г. «Положение» это (исчезнувшее совершенно бесследно) было объявлено крестьянам самим их помещиком Державиным и заключалось в том, что они после смерти его и его жены, собрав с каждого крестьянского тягла по 5 руб., внесли бы эти деньги в монастырь «на поминовение усопших душ их, а сами воспользовались от рабства свободой».

Крестьяне в своем прошении выражают со своей стороны полную готовность выполнить это условие, но воля

завещателя, ясно выраженная в 9-м пункте его завещания, оказалась нарушенной, так как после смерти его жены в 1842 г. «Положение» выполнено не было, а вместо того все имение перешло уже по ее завещанию к Константину Миллеру, его братьям и сестрам.

К. Миллер, управлявший всем имением по доверенности от остальных наследников, старался всякими средствами помешать крестьянам ходатайствовать об освобождении от крепостной зависимости. Всех уполномоченных, избираемых в разное время обществом крестьян для ведения дела, «бесчеловечно наказывал плетьми и розгами, а детей их, сколько имелось в семействе годных, отдал в рекруты, отобрал от них весь домашний скот и хлеб в свою пользу, одним словом, если только кто замыслит о искательстве свободы, разорят домашний их прежний быт до совершенного основания».

В заключение крестьяне просят прокурора оказать им содействие в их законном ходатайстве об освобождении и оградить их и их уполномоченных от жестокостей и притеснений помещика. К прошению прилагается копия с завещания Державина. Завещание это составлено в обычной форме и состоит из 9 пунктов, содержащих распоряжения имуществом и очень внушительный перечень движимого и недвижимого имущества (все было оценено палатой гражданского суда в 150 000 руб., что по тому времени составляло громадное состояние). Из этого перечня отметим наиболее существенное: дом в Петербурге на Фонтанке, имения: Рязанской губернии, Михайловского уезда; Белорусской губернии, Себежского Ключа; Новороссийской губернии, Херсонского уезда; Оренбургской губернии, Бузулукского уезда, и Казанской губернии, Казанского и Лаишевского уездов. Все эти имения разделяются на «родовые» и «благоприобретенные». Все «благоприобретенное» переходит к жене. Все родовые имения, которые составляют лишь самую незначительную часть всего имущества, по выделении из них седьмой части в пользу жены, переходит к племяннику Петру Миллер и его потом-

ству. 9-й пункт, послуживший основанием для требования крестьян об освобождении, приводим полностью:

«Наконец, я бы желал, чтобы жена моя по смерти моей все мое вышеписанное, подаренное ей, мое имение, ежели правительство дозволит и то удобно возможно будет исполнить, не продавала, не отдавала и в наследие никому не оставляла, как только на писанном моею собственной рукой 1804 г. января 1 дня положении, но ежели правительство того не позволит, то быть на общем положении дворянских имений, как законы повелевают».

Составляя свое завещание, Державин стремился по возможности лучше обеспечить жену. Эта цель проходит красной нитью через все завещание, и все остальные распоряжения имеют второстепенный и подчиненный этой главной цели характер.

Чтобы оградить жену от всяких претензий со стороны Миллеров, Державин условно завещал им после смерти жены, кроме маленького родового, все «благоприобретенное» в Бузулукском уезде имение, но с непременным условием не вступать с ней ни в какие тяжбы (3-й пункт завещания). «Если же будут делать какие малейшие привязки», то лишаются права наследовать из благоприобретенного имущества, а родовое распределяется между ними и другими племянниками Державина Глазатовыми по закону. Далее имеется категорическое указание на то, что все благоприобретенное отдается жене и Миллеры с нее чего-либо «требовать права да не имеют», и предлагается им «снискать почтением своим ее уважение к себе», чтобы получить от нее обещанную долю благоприобретенного имения. Таким образом пункт 3-й находится в прямом противоречии с 9-м пунктом завещания, так как оба содержат противоположные распоряжения одним и тем же имением. Надо полагать, что объяснение этого противоречия следует искать в самой личности поэта Державина, а также в духе времени и причинах, вызвавших составление «положения» об освобождении его крестьян.

Державин был по своему характеру приобретателем

и в общем очень удачно добивался всего, что клонилось к его выгоде. Из сравнительно ничтожного наследства, полученного от родителей, он сумел составить то огромное состояние, которое перечисляется в его завещании.

Часть приобретенных имений была ему «пожалована» Екатериной II. Причиной этих «пожалований» были главным образом его произведения, в которых он, воспевая царицу и некоторых ее наиболее влиятельных фаворитов, по собственному признанию допускал много «мглистого фимиаму». Кроме того он и сам не упускал случаев выгодно приобрести имение, и большая часть его бузулукских земель была куплена им у башкир за бесценок. Характер таких сделок, сводившийся к самому бессовестному обману башкир, хорошо известен. Для извлечения доходов из приобретенных имений Державин заботился об их заселении; так крестьяне с. Смоленского-Державина были переселены из Белорусской губ. В том же с. Державине им было устроено даже промышленное предприятие — винокуренный завод.

В отношении своего бузулукского имения он проявлял особенно трогательную заботу: в с. Смоленском им была выстроена, кроме винокуренного завода, еще и церковь, для которой некоторые образа были написаны по его заказу в Петербургской академии художеств. Устроив эти два почтенные учреждения (церковь и винокуренный завод), Державин по-своему удовлетворил в полной мере духовные запросы своих крестьян. О причинах, побудивших Державина составить в 1804 г. «положение» об освобождении своих крестьян, можно строить только предположения, которые, впрочем, имеют под собой довольно твердую почву.

Незадолго до составления Державиным своего «положения», а именно 20/II 1803 г. был издан закон «о вольных хлебопашцах». Издавая этот закон, правительство Александра I, находившегося в то время под влиянием своих либеральных советников (Чарторийский, Новосильцев и др.), делало первый робкий шаг к отмене крепостного

права. По этому закону крестьянам предоставлялось, по соглашению с помещиками, «на условиях обоюдной пользы», откупиться от помещика и стать «вольными хлебопашцами», причем выкуп должен был происходить целыми обществами с землей. Как известно, этот закон имел на практике ничтожное применение, и на основании его за все время его действия (с 1804 по 1858 гг.) выкупилось всего 107 000 крестьян на самых разнообразных условиях, начиная от полного выкупа с единовременной уплатой или рассрочкой и кончая разными единовременными или вечными обязательствами перед благотворительными учреждениями и монастырями.

Освобождение крестьян Державина по его «положению» от 1/I 1804 г. за пятирублевый взнос с тягла в монастырь, очевидно, должно было произойти на основании закона «о вольных хлебопашцах».

В 1802—1803 гг. Державин был министром юстиции и на заседании Государственного совета, на котором обсуждался этот закон, возражал против него. Вообще он был в оппозиции против окружавших в то время Александра I молодых советников и проводимых ими в подражание Западной Европе новшеств, вследствие чего ему пришлось преждевременно покинуть должность министра и получить почетную отставку.

Весьма вероятно, что составление «положения» от 1 января 1804 г. было с его стороны маневром, которым он хотел выказать свою внезапно появившуюся после отставки солидарность с взглядами окружавшей царя влиятельной молодежи, снискать ее расположение и вернуть утраченное высокое положение.

В 1813 г. надобность в таком маневре давно миновала; прогрессивное настроение правительства сменилось реакционным, а сам Державин, составляя свое завещание, преследовал уже совсем другую цель — обеспечить возможно лучше свою жену. Он все же поместил в последнем пункте завещания распоряжение об исполнении «положения», снабдив его такими оговорками, как: «если прави-

тельство дозволит, и то удобно возможно будет исполнить». Вероятно, он при этом и сам рассчитывал на выполнение этого пункта только в том случае, если Миллеры, вопреки его предписаниям, не сумеют поладить с его женой. Повидимому, такие опасения были напрасны, и Миллеры сумели угодить богатой тетушке, которая и составила в их пользу свое завещание.

При таких обстоятельствах существование такого документа, как «положение» об освобождении крепостных, становилось не только бесполезным, но и неудачным, а потому в исчезновении его нет ничего удивительного.

3. БОРЬБА КРЕСТЬЯН ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ. ПОМЕЩИКИ МИЛЛЕРЫ

Для крестьян Державина вся история с его завещанием имела самые ужасные последствия. Обнадеженные объявленным им «положением», они упорно боролись за освобождение от ненавистного крепостного ига, несмотря на все репрессии со стороны помещиков и поддерживавшей их царской администрации. Истязания, аресты, ссылка в Сибирь, отдача в рекруты, усмирения при помощи военной команды и «полицейскими мерами» (т. е. опять избиения и порки) непрерывно сыпались в течение десятков лет на крестьян с. Державина. Мы не будем здесь излагать подробно все события этой печальной истории, а отметим только наиболее выдающиеся из них.

Первая попытка крестьян с. Державина добиться освобождения относится еще к 1817 г. В то время их прежний помещик Г. Р. Державин уже умер (в 1816 г.) и имение перешло к его жене. Так же, как впоследствии при Миллерах, крестьяне выбрали уполномоченных и снарядили их в Петербург.

Крестьянские уполномоченные, благополучно добравшись до Петербурга и подав свое прошение царице Марии Феодоровне (вдова Павла I), были отосланы домой ожидать результатов его рассмотрения.

Как только они вернулись в Державино, управляющий помещицы попытался схватить и наказать их. Крестьяне силой отбили у него своих уполномоченных, причем сам управляющий был избит. Для усмирения крестьян была вызвана военная команда.

После этого всех наиболее активных участников этого «бунта» против помещичьей власти судили. По приговору оренбургской палаты уголовного суда главными «зачинщиками» были признаны крестьяне: Григорий Костомаров, Андриан Карпов, Яков Васильев, Михаил Романов, Илья Архипов, Михаил Бухарин, Антон Степанов, Сергей Григорьев и Петр Никитин. По этому приговору 19 человек было наказано плетьми и 11 человек из них, по желанию помещицы, сослано в Сибирь на поселение. Так неудачно окончилась первая попытка крестьян добиться освобождения.

Долгие годы после этого терпеливо выполняли державинские крестьяне барщину и все повинности по отношению к помещице, но думы о том, как бы получить «волю», не покидали их.

Как только после смерти Державиной в имении появились новые помещики — Миллеры, крестьяне возобновили с новой энергией свои хлопоты об освобождении.

Мы уже видели, какие препятствия на своем пути встречали крестьяне и каким они подвергались репрессиям в то время, когда имением управлял старший из братьев Миллер, Константин.

После смерти Константина Миллер в 1844 г. на сцену выступают остальные 4 брата, но положение от этого не меняется. Всякие собрания и совещания запрещаются и преследуются, и особенным преследованиям подвергаются выбранные для ведения дела крестьяне. После передачи прокурором дела для рассмотрения в уездный суд, губернским правлением было вынесено постановление о том, чтобы обязать помещиков не подвергать никого из крестьян наказанию без ведома и разрешения земской полиции до решения суда. Это постановление никакой

пользы крестьянам не принесло, так как земская полиция, выражаясь языком одного из крестьянских прошений, «по своей хлебосольной связи с помещиками», делала все, что им было угодно, и производила даже массовые экзекуции над крестьянами, которые помещикам было бы трудно провести своими средствами.

Так 28 крестьян были «наказаны розгами с таким бесчеловечьем, что сеченных стаскивали с мест полумертвыми». Это побоище производилось в 1844 г. становым приставом при непосредственном участии самих помещиков. Самими помещиками были одновременно высечены 7 крестьян, которые после этого ходили жаловаться в земскую полицию, но по возвращении домой были вторично за это высечены. В том же году, а также в предыдущем 1843 г. было множество случаев наказания отдельных крестьян палками или розгами, иногда «с стрижением головы», причем количество ударов доходило до 500.

Все эти наказания, произведенные полицией и самими помещиками, неизменно носили характер репрессий за «отыскание вольности».

Благодаря обычной для того времени судебной волоките вопрос об освобождении крестьян с. Державина долго оставался нерешенным. При таких обстоятельствах естественно создавалась особенно благоприятная почва для всяких конфликтов между крестьянами, стремившимися к освобождению, и помещиками, старавшимися всеми средствами помешать им в этом, и дело доходило до открытых столкновений. Обе стороны в то же время усиленно хлопотали во всех инстанциях, от которых мог зависеть исход дела.

Помещики жаловались на невыполнение барщины, возмущение крестьян против помещичьей власти и требовали всевозможных репрессивных мер для их усмирения.

Крестьяне с своей стороны жаловались на притеснения и незаслуженные наказания и просили о передаче имения в опеку до решения их дела в суде.

По закону помещики, уличенные в жестоком обращении с крестьянами и их разорении, совершенно устранялись от управления крепостными, и их имения передавались в опеку. Но само правительство уклонялось от этой меры и прибегало к ней только в самых крайних случаях, когда безобразия, творившиеся в имениях, приобретали такие размеры и получали такую широкую огласку, что положить им предел становилось необходимым для успокоения общественного мнения.

Имение Миллеров так и не было взято в опеку, так как расследования по жалобам крестьян неизменно поручались уездным предводителям дворянства, сначала Карамзину, а впоследствии Булгакову, которые были верными защитниками классовых интересов дворянства и каждый раз находили действия помещиков вполне закономерными, а жалобы крестьян неосновательными.

Только весной 1848 г. дело крестьян с. Державина было, наконец, решено уездным судом, как и следовало ожидать, — в пользу помещиков.

Но крестьяне не сдавались. Их уполномоченные Семен Ефремов и Семен Ермолаев немедленно обжаловали это решение в апелляционном порядке. Они двое и еще Алексей Игнатьев Московкин (или Москвин) считались Миллерами главными вожаками крестьян в этом деле. Повидимому, это были энергичные люди, решившиеся во что бы то ни стало избавиться от ненавистного крепостного ига, пользовавшиеся большим авторитетом у односельчан.

Миллеры, принявшие за правило преследовать, разорять и удалять из имения всех «зачинщиков отыскания вольности», постарались не допустить пребывания этих лиц в имении. Семен Ефремов и Семен Ермолаев к тому времени, о котором идет речь (весна 1848 г.), уже более двух лет беспрерывно сидели в бузулукской тюрьме, но, даже сидя за решеткой, продолжали вести порученное им дело и находили способы сноситься с односельчанами и подавать свои прошения в разные места.

Алексей Москвин с сыновьями Тимофеем и Илларионом был вынужден скрываться от преследований помещиков с 1844 г., но, несмотря на это, он долго поддерживал связь с односельчанами и даже участвовал в хлопотах по общему делу.

Крестьяне с. Державина из наиболее активно боровшихся против помещиков за свое освобождение: Филипп Иванов, Дмитрий Прокофьев, Петр Иванов Базичев — в 1844 г. сидели за это в бузулукской тюрьме.

Первым крестьянским уполномоченным, сумевшим добраться в 1843 г. до Петербурга и подать там прошение царю, был Иона Петров Шелованов (или Шелыванов). Этот, повидимому, очень энергичный крестьянин рано сошел со сцены. На обратном пути из Петербурга он умер, не доехав 100 верст до родного села.

Вся семья Шеловановых принимала самое деятельное участие в общем деле борьбы крестьян с. Державина против помещиков за свое освобождение и особенно от них пострадала. Три взрослых брата Ионы Петрова, Иван, Николай и Христофор, были в том же 1843 г. сданы в рекруты и в семье остались только их старуха-мать Анна Федотова, младший брат Матвей 16 лет, да сестра 14 лет. Из семьи были взяты все работники. Все имущество и скот Шеловановых было отобрано помещиками, яко бы «на сохранение». Когда одна из отобранных у Шеловановых лошадей была продана помещиком, старуха Анна Федотова отправилась к «господам» требовать от них возвращения лошадей или хотя бы денег за ту, которую они продали. Вместо удовлетворения она была высечена розгами «за грубость».

Анна Федотова была энергичная женщина. Получив вести о своем сыне Христофоре, который попал на службу в гвардию в Петербург, она в 1848 г. сама отправляется туда хлопотать за своих близких и за общее дело крестьян с. Державина. Ей удалось благополучно добраться до Петербурга и подать прошения «великому князю» Михаилу Павловичу (брат царя Николая I, числившийся

командиром гвардейского корпуса) и министру внутренних дел. В своих прошениях она ходатайствовала по делу крестьян с. Державина и просила об освобождении от военной службы своих сыновей.

Несмотря на всю ее энергию, Анне Федотовой ничего достигнуть не удалось. Впрочем о печальном результате своих хлопот она так и не узнала. В 1849 г. она умерла в Петербурге, не дождавшись окончательного ответа на свои прошения.

4. ТОРЖЕСТВО ВЛАДЕЛЬЦЕВ И ПОРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Губернское начальство между тем решило покончить дело. В 1848 г. губернским правлением было дано Миллерам разрешение произвести раздел имения в отсутствие противящейся разделу вдовы К. Миллера. Это постановление было вынесено, несмотря на то, что решение суда, обжалованное крестьянами, не вступило еще в законную силу и вопрос об освобождении их продолжал оставаться спорным, но губернскому начальству раздел был нужен, чтобы раз навсегда покончить все дело. Этим актом крестьяне оказались бы окончательно закрепленными за отдельными помещиками и даже разобщенными, так как предполагалось переселить при этом многих из них на новые участки.

Вполне естественно, что крестьяне не могли отнестись равнодушно к осуществлению раздела. Ими было заявлено, что они переселяться никуда не желают, домов своих переносить не дадут и производить посев на новых участках отказываются до решения судебными органами их дела. Губернское начальство настаивало на разделе имения и переселении крестьян, но непосредственные исполнители его воли — чины земской полиции — встретили такой единодушный отпор, что даже не рискнули применить свои обычные «полицейские меры» (массовая порка и аресты зачинщиков возмущения). Они

ограничились словесными внушениями и устрашениями, которые ни к чему не привели.

Наконец, после тщетных попыток уломать крестьян, весной 1849 г., сам гражданский губернатор с жандармским подполковником и соответствующей свитой отправился в с. Державино усмирять крестьян. Самый факт выезда на место такого важного чиновника, как гражданский губернатор, показывает, насколько создавшаяся обстановка казалась серьезной тогдашним администраторам. Губернатору пришлось проскакать от Уфы до Бузулука и обратно около 600 верст. Это стоило проделать только в надежде произвести действительно сильный эффект.

Губернатор, хотя и доносил царю и министру внутренних дел, что крестьяне им приведены «в должное повиновение», но вполне сознавал, что его появления и произведенных им внушений, порки и арестов недостаточно для того, чтобы сломить их и заставить подчиниться. Он тут же, не выезжая еще из с. Державина принял целый ряд мер для завершения начатого усмирения. Он распорядился откомандировать из губернского правления советника для ведения следствия «о возмущении» крестьян с. Державина и переселения их на новые участки, а до его прибытия поручил это дело составленному тут же временному отделению местного земского суда с исправником во главе. В то же время он просил генерал-губернатора предоставить в распоряжение гражданских властей военную команду.

Несмотря на весь полицейский террор, крестьяне упорно продолжали оказывать пассивное сопротивление. Советник губернского правления Пироговский, вполне признавая такие обычно применявшиеся для «вразумления» крестьян аргументы, как розги и палки, не ограничивался этими простейшими средствами. Он в то же время старался действовать убеждением и даже поручил священнику внушать своим прихожанам необходимость покориться помещикам. Ему пришлось все же вызвать

военную команду и только при ее помощи удалось сломить упорство крестьян, переселив их силой на новые места. Посев был произведен с большим запозданием и преимущественно на старых участках.

Военная команда, прибывшая в составе одного офицера, четырех урядников и 196 казаков Башкирского войска, пробыла целый месяц в с. Державине. Сколько крестьян во время этого усмирения подверглось истязаниям и избиениям, из дела не видно. 14 октября 1849 г. дело было решено уже в апелляционном порядке оренбургской палатой гражданского суда в пользу помещиков, но уполномоченные крестьян, повидимому, твердо решились бороться до конца, и решение палаты было ими обжаловано в сенат.

Из переписки, имеющейся в нашем распоряжении, не видно, какая судьба постигла это дело в сенате, но, вероятно, решения низших инстанций были там утверждены. Другого решения при классовом дворянско-помещичьем государственном аппарате того времени быть не могло.

В те времена крестьяне видели ясно, что полиция и низшие власти всецело были на стороне помещиков, но не сознавали того, что и весь государственный аппарат был дворянско-классовым аппаратом. Не доверяя низшей администрации, тесную связь которой с помещиками они видели на каждом шагу, они надеялись найти правду в верхах: у царя, его министров и других высокопоставленных чиновников. К кому только не обращались по своему делу крестьяне с. Державина! Ими подавалось прошение самому царю, министру внутренних дел и юстиции, генерал-губернатору, губернатору и прокурору. В деле как помещиками, так и властями был допущен целый ряд явных нарушений «законных» прав крестьян, но последним так и не удалось добиться правды ни у царя, ни у его министров и губернаторов, так как в конце концов дело шло об интересах дворянского класса, защитниками которых все они являлись.

«ОСВОБОЖДЕНИЕ» КРЕСТЬЯН В 1861 г.

«Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти освободители так повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам».

(*Ленин*, Соч., т. XV, «Пятидесятилетие падения крепостного права».)

1. КРИЗИС КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА

В первой половине XIX в. крепостной строй стал давать трещину. Это ясно замечалось как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Фабриканты все больше убеждаются в невыгодности крепостного труда и стремятся освободиться от крепостных рабочих, заменяя их вольнонаемными. Развивающемуся промышленному капитализму нужны были рабочие, не связанные никакими обязательствами с помещиком, рабочие, свободно продающие свою рабочую силу.

Старые крепостнические отношения мешали необходимому для развития производства введению машин и усовершенствованию техники. Фабриканты жаловались на то, что не могут ввести машин, несмотря на их очевидную выгодность, потому что их крепостные мастеровые останутся без дела, а содержать их нужно. Как на

крепостных дворянских, так и на вольных купеческих фабриках крепостничество становилось тормозом для их дальнейшего развития.

В сельском хозяйстве Самарской губернии в первой половине XIX в. тоже начинает внедряться вольнонаемный труд. С развитием денежного хозяйства, с усилившимся спросом на русский хлеб на заграничном рынке у помещиков увеличился интерес к расширению и усовершенствованию своего хозяйства.

В конце 40-годов наступил особенно благоприятный момент для вывоза хлеба из России, вследствие резкого повышения цен на заграничном рынке. Русских помещиков охватила своего рода хлебная лихорадка, и они стремились производить как можно больше хлеба. С этого времени в Самарской губернии ежегодно появляются к началу сезона уборки хлебов артели наемных жнецов, преимущественно из центральных губерний. Количество этих сезонных сельскохозяйственных рабочих, приходящих в Самарскую губернию из-за Волги, определяется для конца 50-х годов в 300 тысяч человек («Сам. губ. ведомости»).

Спрос на наемных рабочих был очень велик не только в южной части губернии, производящей пшеницу, но также и в северной ее части. Помещик Шелашников, владевший имениями с винокуренным заводом в Бугурусланском и Бугульминском уездах, жалуется на полную невозможность разыскать поблизости наемных рабочих; ему приходилось нанимать их в Вятской и Тверской губерниях, так как ближе он найти не мог. Более производительный, чем подневольный труд крепостных, труд наемных сельскохозяйственных рабочих, несмотря на его недостаток и дороговизну, уже в 50-х годах играет в некоторых имениях Самарской губернии главную роль.

Вот что говорит сторонник крестьянской реформы и видный ее деятель, самарский помещик Самарин: «Крепостное право, привинчивая 11 миллионов душ к местам приписки и лишая их возможности по своему усмотре-

нию располагать своим временем и своими силами, до такой степени уменьшает количество свободного труда, которым можно пользоваться по вольному найму, что цены, за него платимые, достигают совершенно искусственной высоты. Нынешний (1858) год помещики Самарской губернии платили за жнитво десятины от 10 до 12 руб. серебром. Эту цену брали с нас артели приходящих из густо населенных губерний Курской, Орловской, Пензенской, брали потому, во-первых, что число вольных рабочих было далеко недостаточно для удовлетворения сильного на них запроса; во-вторых, потому, что из вырученной суммы надобно было покрыть расходы и потерю времени на приход из дальних мест и обратно; в-третьих, потому, что многие из пришедших к нам на жнитво отпущены были не даром, а должны были заплатить своим помещикам, кто рубль, кто два, за временную отлучку. Все это, очевидно, должно будет во многом измениться при новом порядке вещей, и без всякого сомнения изменение последует в смысле понижения задельной платы» («Журнал заседаний сам. губ. двор. комитета»).

Таким образом и здесь в сельском хозяйстве крепостное право связывало свободные рабочие силы и не позволяло им насытить рынок труда. Отмена крепостного права нужна была не только стремящемуся к освобождению от помещичьего гнета крестьянину, она нужна была фабриканту и самому крепостнику-помещику.

Интересы промышленников и помещиков вполне согласовались в том, чтобы при проведении реформы крестьянство было обезземелено и, по выражению Ленина, «раскрестьянено», так как те и другие нуждались для своих фабрик и имений в создании кадров рабочей силы, которые должно было доставить раскрепощенное и в то же время разоренное крестьянство.

Но дело было не только в этом. Сильнейший толчок к реформе дан был правительству ростом крестьянских волнений. Ясно, что больше всего от крепостных поряд-

ков страдал крестьянин. Полное подчинение помещику, невероятный гнет, неслыханная эксплоатация и издевательства — все это вызывало сильное возмущение крестьян.

Число крестьянских выступлений по всей России растет из года в год, особенно увеличиваясь перед реформой, как это видно из следующих данных:

Годы	Количество выступлений
1826—34	148
1835—44	216
1845—54	348
1855—61	476

Эти волнения уже в начале 50-х годов принимали иногда характер массовых восстаний, как например, в б. Витебской губернии. Но еще больше было единичных выступлений крестьян против отдельных помещиков, против их насилия, произвола и жестокости. Правительство, напуганное этим, издало особый секретный циркуляр губернаторам и предводителям дворянства «об ограждении крестьян от жестокости помещиков». В делах самарского дворянского депутатского собрания имеется копия с секретного циркуляра департамента полиции 1842 г. губернскому предводителю дворянства о необходимости неукоснительного соблюдения ранее изданного рескрипта о наблюдении за обращением помещиков с крепостными крестьянами, с указанием на то, что, несмотря на издание этого рескрипта, «примеры жестокого обращения помещиков с крестьянами своими встречаются весьма нередко».

Крестьянские волнения, возрастая с каждым десятилетием перед реформой, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить крестьян сверху, чем ждать, пока сами они освободят себя снизу (т. е. посредством бунта).

Перед царем и помещиками вставал грозный призрак Пугачевщины. Поэтому правительство в лице Алексан-

дра II, обращаясь к дворянам, говорило: медлить нельзя, крестьянам нужно дать хоть некоторую видимость воли...

Правительство боялось крестьянской революции, и это было одной из важнейших причин того, что реформа была поставлена на очередь дня. Реформа должна была дать дешевую батрацкую силу, внутренний рынок для промышленности и предупредить рост опасного для правительства и помещиков крестьянского озлобления.

Но проведение реформы все же встречало сильную оппозицию со стороны значительной реакционной части дворянско-помещичьего правящего класса, ревниво охранявшего свои права и господствующее положение. Среди дворянства было очень много ярых крепостников, не желавших поступиться ни одной из своих многочисленных привилегий и упорно державшихся за старые крепостнические отношения.

Царское правительство настолько считалось с настроением и интересами правящего дворянско-помещичьего класса, что решило предоставить помещикам широкую возможность выразить все свои пожелания по вопросу о крестьянской реформе. По мысли, поданной Милютиным, реформа должна была подвергнуться обсуждению помещиками в созданных для этой цели дворянских губернских комитетах, которые и стали организовываться на местах с конца 1857 г. по указу правительства. Для руководства ими в главном комитете по крестьянскому делу в Петербурге была выработана особая программа, основной задачей которой было обеспечить интересы всего господствующего класса в целом. Насколько велик был страх крепостников перед всякой реформой, которая носила хотя бы тень освобождения, видно из того, что дворянские комитеты, созданные для обсуждения вопроса о крестьянской реформе, не решились назвать настоящим именем, а назвали комитетами «по улучшению быта помещичьих крестьян».

До нас дошли материалы самарского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. В бумагах этого

комитета прекрасно отразилась борьба различных помещичьих группировок, их жаркие споры о том, как лучше всего «проработать» реформу, чтобы «освобожденный» крестьянин не ушел из цепких рук прежнего крепостника и эксплоататора. Знакомясь с этими документами, мы видим в них полное подтверждение той характеристики крестьянской реформы, проведенной самарскими помещиками, какую дал В. И. Ленин в вышеприведенном эпиграфе к настоящему очерку.

2. САМАРСКИЙ ДВОРЯНСКИЙ КОМИТЕТ ПО КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЕ

В половине января 1858 г. съехались в Самару со всех концов губернии помещики на очередные дворянские выборы.

При обыкновенной обстановке дворянские выборы были крупным событием в городской жизни. «Благородное» дворянство, съехавшееся из своих медвежьих углов, всегда пользовалось этим случаем, чтобы «себя показать и людей посмотреть»: задавались пышные балы и торжественные обеды, которые были сенсационным событием в жизни маленького городка, недавно превращенного из уездного в губернский и населенного преимущественно мещанами и купцами.

На этот раз дело шло не об обыкновенных дворянских выборах.

До Самары в это время уже дошли министерские циркуляры и слухи о подготовке крестьянской реформы в других губерниях. Среди самарских мещан и приезжих крестьян шли украдкой от полиции оживленные разговоры о предстоящей реформе и ожидаемой для крепостных «воле».

Волновались приезжие помещики. Им как представителям господствующего класса можно было говорить открыто, тем более что само правительство ожидало их веского слова. За несколько дней до собрания на всех

вечерах и обедах среди взволнованных крепостников шли жаркие прения о предстоящей перемене отношений между помещиками и крестьянами, о крепостном и вольнонаемном труде и о других вопросах реформы (Самарские губ. ведомости, 1858 г., № 8). В день открытия дворянского собрания зал был переполнен, а на хоры пускали только по билетам; всем хотелось услышать речь губернатора, от которого ожидали новых руководящих правительственных указаний.

«Государю императору угодно, в знак нового доверия к дворянству предоставить непосредственному усмотрению господ помещиков устройство и упрочение быта их крестьян, — говорил губернатор Грот, — и действительно, кому ближе известен быт поселян, их нужды и потребности, кто лучше землевладельцев может сделать правильную оценку сельских работ и поземельной собственности; кто вернее их может изыскать способы для упрочения сельского устройства, для замены обязанного труда вольным и определить будущие отношения владельцев к крестьянам*.

В таких лестных для самолюбия «господ помещиков» выражениях приглашал губернатор принять участие в обсуждении реформы этих людей, о которых и сам держался очень невысокого мнения. Вот какую характеристику он дал впоследствии их представителям в переписке о работах губернского комитета: «Это люди без образования, с узкими взглядами, заботящиеся только о своих выгодах», или «сборище самовластных и часто даже буйных людей, которых надо удерживать от разных нелепостей».

После продолжительных и бурных обсуждений правительственных распоряжений и циркуляров о реформе самарские помещики вынесли следующее постановление: «В Самарской губернии, столь недавно возникшей и со-

---

* П. А. Преображенский, Крестьянская реформа 1861 г. в Самарской губернии.

ставленной из частей губерний Оренбургской, Саратовской и Симбирской, имения помещиков получили свое основание вначале через покупку земель, а потом — крестьян из внутренних малоземельных губерний. Переселение этих крестьян, водворение их на местах оседлой жизни в безлесном крае, наделение всем необходимым для их быта хозяйством поглотило наличные капиталы владельцев и, истощив их материальные средства, вынудило большую часть помещиков заложить не только их населенные имения, но даже пустопорожние земли и сверх этого довело до необходимости сделать частные займы». В этой части своего постановления дворянство, ожидая, что реформа потребует от него некоторых материальных жертв в пользу крестьян, заранее жаловалось правительству на свою бедность и задолженность.

Далее дворянство находит, что «начала, указанные для отдаленных от здешнего края губерний, как не имеющих ничего общего относительно устройства и удобств, существующих в местном положении крестьян и хозяйств в помещичьих имениях, будут недостаточными при учреждении нового положения для Самарской губернии. Самарская губерния занимает обширное пространство земли, не имеющей в настоящее время значительной ценности, тем более что три миллиона десятин земли казенного и удельного ведомства отдаются ежегодно в оброчное содержание под хлебопашество за дешевую цену и сверх того, как в Самарской, так и в смежной с нею Оренбургской губернии находится огромное количество башкирских земель; и потому большая часть Самарской губернии и теперь постоянно нуждается в рабочих силах и еще большем развитии сельского хозяйства».

По этим причинам дворянство просило разрешения для будущего губернского комитета «не стесняться правилами, на этот предмет изданными, и составить положение, которое могло бы быть применено к местности Самарской губернии и служить к наивозможно лучшему и точнейшему исполнению желания государя императора».

Из этого постановления совершенно ясно, что именно больше всего в предстоящей реформе пугало самарских помещиков; они опасались, как бы с «освобождением» крепостных благодаря недостатку и дороговизне рабочих рук не понизилась доходность их имений, как бы благодаря обилию свободных земель в крае, не лишиться им возможности эксплоатировать труд крестьян.

Это заключение подтверждается характеристикой помещичьих настроений, данной тем же губернатором Гротом в донесении министру внутренних дел: «первое впечатление, которое произвело на помещиков чтение рескриптов, было самое неблагоприятное; они видели в этих распоряжениях свое разорение и лишение собственности... Главные опасения заключаются в том, что по большому количеству здесь доброкачественных свободных земель ведомства министерства государственных имуществ и удельного, которые отдаются за дешевую цену в оброчное содержание, крестьяне, по приобретении личной свободы, переселятся на эти земли и оставят помещиков без рабочих рук, отчего доходы их неминуемо упадут...»

Многие из представителей «благородного» дворянства, особенно старики и мелкопоместные помещики из глухих углов губернии, никак не могли уяснить себе сущности намечаемой реформы и возможности для помещика продолжать вести хозяйство без крепостных. Сторонникам реформы из наиболее образованных и по большей части молодых помещиков пришлось затратить не мало красноречия, чтобы убедить их в неизбежности реформы и в необходимости ради собственных дворянских интересов принять участие в ее обсуждении.

В марте того же 1858 г. был получен рескрипт на имя генерал-губернатора, в котором в ответ на постановление самарского дворянства правительство учреждало губернский дворянский комитет для составления проекта «улучшения быта помещичьих крестьян Самарской губернии» на общих для всех других помещичьих губерний

основаниях. В этом рескрипте генерал-губернатору и губернатору предписывалось в заключение наблюдать, чтобы крестьяне, «не внимая никаким злонамеренным внушениям и лживым толкам», оставались в полном повиновении у помещиков (Губерн. ведомости, 1858 г., № 17), что составляло, повидимому, особый предмет заботы правительства.

К концу мая были закончены выборы членов комитета по уездам. От каждого из 7 уездов губернии было выбрано из местных помещиков по 2 члена комитета и по одному кандидату. По представлению губернатора были назначены также из числа местных помещиков два члена от правительства (Ю. Самарин и Н. Муханов). Председателем комитета был по должности губернский предводитель дворянства. Таким образом комитет состоял всего из 17 членов, обладавших правом голоса (председатель, 14 членов от уездов и 2 от правительства).

Господа самарские помещики не слишком торопились «улучшать быт своих крестьян», и только в конце сентября съехались члены комитета в Самару, чтобы приступить к работе.

Главным материалом, на основе которого комитету предстояло делать свои выводы, были специально для него собранные статистические сведения о помещичьих имениях. Эти выводы комитет должен был облечь в форму проекта, составленного по пунктам петербургской программы.

Для того чтобы лучше уяснить значение постановлений самарского губернского комитета и те местные условия, в которых должна была проводиться реформа, будет нелишним познакомиться с некоторыми данными о крепостном населении и помещичьем землевладении в губернии накануне реформы.

Процент крепостного населения Самарской губернии сравнительно с другими губерниями был невысокий и не превышал 15. Крепостных крестьян в губернии было до 230 тысяч обоего пола при 1530 тысячах всего населения

в губернии. В вошедших в состав нашего Средневолжского края бывших губерниях Симбирской (Ульяновская) и Пензенской, где помещичье землевладение было более развито, он выражался в 39 в первой и в 46 во второй. В бывшей Оренбургской губернии этот процент был еще ниже, чем в Самарской, и доходил только до 12.

Помещичье землевладение не имело большого распространения на территории бывшей Самарской губернии. Самарская губерния почти в течение всего периода расцвета крепостного хозяйства находилась на положении окраины с ее военной обстановкой и беспокойным соседством кочевников.

Помещичьи имения с крепостным населением были расположены по губернии группами, преимущественно по берегам рек или по соседству с башкирскими землями.

Такое расположение помещичьих имений очень характерно и находит объяснение в истории колонизации края. Первые помещики, появившиеся еще в XVII веке, избирали обычный для колонизаторов путь по рекам и оседали на них. Расположение помещичьих имений по соседству с башкирскими землями указывает на их происхождение путем покупки и насильственного отнятия земли у башкир. Помещики умудрялись скупать у башкир громадные пространства земель, угостив и напоив водкой старшин, за совершенно ничтожные суммы.

На купленную таким способом или пожалованную ему от правительства землю, помещик переселял крестьян из своих имений в центральной России. В том случае, если он не располагал крепостными для заселения приобретенного имения, помещик покупал их «на своз», как тогда выражались, т. е. для переселения, где-либо в центральных или в соседних Симбирской и Пензенской губерниях, которые в то время были местами уже довольно густо заселены.

Больше всего помещичьих имений было в Бузулукском уезде — 196 имений — и меньше всего в Новоузенском, где их насчитывалось только 26. Сравнительно

немного их было также в бывшем Николаевском (Пугачевском) уезде.

Имения в большем количестве были мелкопоместные— менее 100 душ. Таких имений было 672, т. е. 72,7%. Самых крупных имений с количеством душ свыше 1000 насчитывалось только 15 по всей губернии. Чем мельче были имения, тем в них был выше процент дворовых по сравнению с количеством крестьян; в 93 имениях крестьян не было вовсе, а были одни дворовые. В северовосточной части губернии (Бугульминский и Бугурусланский уезды) встречалось не мало имений с промышленными предприятиями, в которых также наблюдалось количественное преобладание дворовых, работающих на фабриках.

Крепостное крестьянство Самарской губернии, как и в большинстве плодородных, земледельческих губерний, состояло преимущественно на барщине. В северных неплодородных губерниях, в которых население занималось не столько земледелием, сколько различными промыслами, наоборот, преобладали оброчные крестьяне. По данным губернского комитета, в Самарской губернии 80% крепостных было на барщине и только 20% на оброке.

25 сентября 1858 г. состоялось, наконец, торжественное открытие самарского губернского комитета «по улучшению быта помещичьих крестьян». Открытие производилось обычным для подобных событий в губернской жизни порядком и сопровождалось речью губернатора и архиерейским молебном. Занятия комитета велись келейным порядком. По уставу самарского комитета, на его заседаниях могли присутствовать только местные помещики, которых вводили члены комитета. Допуская эту публику, самарский комитет позволил себе вольность, шедшую в разрез с министерскими циркулярами. За те 2 или 3 коротенькие заметки о занятиях комитета, которые были помещены в «Губернских ведомостях», губернатор получил от министерства внутренних дел основательный нагоняй.

3. ПРОЕКТЫ РЕФОРМЫ САМАРСКИХ ПОМЕЩИКОВ

С первых же дней занятий в комитете стали обозначаться две основных партии или группы, которые в дальнейшем окончательно определились. Одна из этих партий, так называемые «либералы», возглавлялась членом от правительства Самариным и составила меньшинство комитета. Не соглашаясь со многими из постановлений большинства, она выработала впоследствии собственный проект, который вместе с проектом большинства поступил на рассмотрение петербургских комиссий. В эту партию входили, кроме Самарина — представителя правительства и крупного помещика и фабриканта, — И. Лазарев, Д. Рычков, А. Лазарев и А. Шишков.

Все остальные члены комитета или принадлежали с самого начала к числу «отчаянных» крепостников, по выражению Самарина, или в конце концов к ним примыкали. В этой партии, возглавлявшейся бугурусланским предводителем дворянства Ив. Рычковым, наиболее видными представителями были: Обухов, Лопатин и Шелашников.

Между обеими партиями в течение всей работы комитета происходила борьба, принимазшая иногда острые формы.

Правительство, будучи классовым дворянско-помещичьим правительством, опасалось создать чересчур многочисленный, совершенно нищий и неплатежеспособный крестьянский класс. Оно кроме того боялось, чтобы помещики явным ограблением крестьянства не вызвали серьезных волнений, а быть может и повторения Пугачевщины. Поэтому его представителям в центре и на местах приходилось обуздывать не в меру разгоревшиеся аппетиты помещиков, урезывать их колоссальные требования и выступать под видом защитников крестьянских интересов.

Чем дальше в самарском губернском комитете подвигалось обсуждение вопросов петербургской программы,

тем больше разгорались страсти. Самарин и его сторонники, люди, несомненно гораздо более образованные и развитые, чем их противники, сознавали свое превосходство и выказывали его довольно явно; этим они приводили своих тупых, но отличавшихся непомерным гонором и самолюбием оппонентов в состояние совершенного раздражения.

Произошел ряд столкновений, из которых некоторые сопровождались даже вызовами на дуэль. Ив. Рычков имел такое столкновение с делопроизводителем комитета Бабкиным (ставропольский помещик, избранный от своего уезда кандидатом в члены комитета и исполнявший обязанности его делопроизводителя). Последний не имел в комитете права решающего голоса, но, примыкая по своим взглядам к партии Самарина, отозвался довольно нелестно об одном выступлении Рычкова. Это столкновение было кое-как улажено соединенными усилиями остальных членов комитета.

Другой наиболее крупный инцидент произошел с Шелашниковым. Последний, будучи уязвлен в своем дворянском самолюбии, написал председателю крайне глупое и путанное письмо. В нем он толковал о своих «оскорбленных чувствах», заявлял, что обратится «за защитой к правительству» и что отказывается участвовать в работе комитета до тех пор, пока его «чувства» не будут ограждены от оскорблений.

На другой день он одумался, написал второе письмо, в котором просил первое «оставить в безгласности», а сам явился в комитет. Когда председатель захотел огласить оба его письма, то он обрушился уже на него и угрожал ему дуэлью.

Сам генерал-губернатор (Катенин), узнав о положении дел в комитете, прикатил из Оренбурга разбирать возникшие среди самарских помещиков дрязги. Генерал-губернатор заставил самых раздражительных членов комитета проделать церемонию взаимных извинений и дать обещание не подавать повода к новым столкновениям.

Самарину он посоветовал беречь самолюбие своих противников и не выказывать своего превосходства

После этого дело обходилось без дальнейших столкновений, хотя разногласия между двумя основными группами и горячие прения по каждому существенному вопросу продолжались в том же, если не в большем объеме, до самого конца работ комитета.

Приведем некоторые из наиболее интересных прений и особых мнений по отдельным вопросам.

При обсуждении вопроса о выходе отдельных членов из состава крестьянского общества с согласия помещика или без него член комитета от Самарского уезда Лопатин толковал предполагаемую реформу таким образом, что земля должна отводиться крестьянам в пользование только на время «переходного состояния», а по окончании его подлежит возвращению помещикам или, иначе говоря, «освобождение» крестьян должно произойти без земли. В прениях и голосовании по этому вопросу все, по выражению Самарина, «отчаянные крепостники», в числе 7 человек (не считая самого Лопатина), поддерживали его мнение.

Любопытные прения возникли по вопросу о праве помещика продавать отдельным крестьянам находящуюся в их пользовании землю (право досрочного выкупа отдельными крестьянами своих участков). При обсуждении этого вопроса проявились различия во взглядах членов комитета на крестьянскую общину.

Бузулукский помещик Обухов — сторонник единоличной крестьянской собственности — высказал предположение, что общинное владение «будет политически вредно для крестьян». «С увеличением народонаселения,— говорил он, — находящихся в пользовании у общества земель будет недостаточно, многие из членов могут остаться без надела землей, а потому с завистью будут смотреть на помещиков-собственников и в случае революционного движения готовы будут отнять землю у ее владельцев; крестьяне же-собственники сами будут уг-

рожаемы одной опасностью с помещиками и всегда будут готовы соединиться с ними для защиты». Он указывает далее на то, что община «всегда развивает корпорационный дух», а с «корпорацией» всегда труднее сладить, чем с отдельными лицами.

Самарин, который при своих славянофильских взглядах был сторонником общины, отстаивал ее с точки зрения помещичьих шкурных интересов. Главным аргументом в ее пользу он выставил круговую поруку в платежах и выполнении повинностей по отношению к помещику, как самое верное их обеспечение. Он считал крестьянина — мелкого собственника — совершенно ненадежным плательщиком, неспособным выдержать подряд два неурожайных года или падеж скота.

Такая аргументация была, конечно, наиболее убедительной для помещичьего комитета, но и сам Самарин выставлял ее не только для своих коллег помещиков, а вполне искренно; он и в дальнейшем проявлял особую заботу о том, чтобы обеспечить себе и своим собратьям помещикам исправное поступление крестьянских платежей и выполнение крестьянами барщины. Для этого он впоследствии предлагал такие меры взыскания, которые даже самым «отчаянным крепостникам» казались жестокими и несправедливыми.

Вопрос о раскладке податей и повинностей, падавших на «население имения», вызвал в комитете тоже оживленные прения.

В этих прениях многие из членов комитета проявили, насколько дороги им дворянские привилегии и насколько в них сильны самые нелепые сословные предрассудки.

Большинство предполагало возложить все повинности целиком на крестьян, но Самарин выступил с возражением против такого распределения платежей, часть которых, по его мнению, должна была падать и на помещиков, соответственно количеству остающейся в их распоряжении земли. Такое, казалось бы, совершенно

естественное и умеренное предложение Самарина было дружно встречено в штыки всеми крепостниками.

Они протестовали не столько против тягости для помещиков уплачивать известную сумму государству, сколько против самого обложения «благородного дворянства» податями наравне с крестьянами и другими «податными сословиями». Они видели в обложении дворянства этими платежами нарушение его прав и привилегий и «унижение его достоинства». «Дворян могут тогда включить и в подушный оклад и, чего доброго, заставить лично исполнять натуральные повинности», — заявляли крепостники, возмущенные такой, на их взгляд, невероятной и унизительной перспективой (Обухов и Рычков). Ко всему этому Шелашников глубокомысленно добавлял, что такая мера будет крайне «вредна в политическом отношении», так как «подведение дворянства под один уровень с другими сословиями совершенно уничтожит аристократическое начало».

С трудом удалось Самарину провести незначительным большинством голосов постановление об обложении помещиков, причем в нем было тщательно подчеркнуто, что облагаться должна земля помещика, а отнюдь не его личность.

В начале января 1859 г. горячие споры происходили в комитете по вопросам о повинностях в пользу помещиков, о размерах барщины и оброка и о переходе крестьян с барщины на оброк. Последний вопрос вызвал особенно интересные прения.

Предложение «либерала» Шишкова предоставить крестьянам право переходить с барщины на оброк без разрешения помещика встретило дружный отпор всех крепостников. Кроме экономической невыгодности такого положения для помещика, на которое указывали крепостники, они опять толковали об унижении достоинства дворянского сословия и умалении его власти и значения. Но главный упор в своих возражениях они делали на этот раз на экономическую сторону.

В своем особом мнении И. Рычков приводит пример типичного для Бугурусланского и Бугульминского уездов мелкопоместного имения. «Заключаясь в 31 душе, имение приносит дохода до 600 руб. серебром от хлебопашества. В этом имении 8 тягол. Имение заложено в приказе общественного призрения в 2480 руб. серебром. Ежегодно уплачивалось процентов с погашением капитала 173 р. 60 к., оставалось чистого дохода 426 р. 40 к. Этим доходом помещик, при неприхотливости своей жизни, имея готовый хлеб, скотоводство, прислугу, выезд, дом с отоплением, мог бы еще существовать; но переведем это имение на оброк и назначим самый «умеренный» — 25 руб. серебром с тягла; следовательно, весь доход с имения будет 200 руб. Исключим из этой суммы ежегодную уплату процентов приказу — 173 р. 60 к., остается в пользу помещика 26 р. 40 к. Вот все средства к существованию владельца земли и 31 души, на ней поселенной (?!). А таких имений и в таком положении находящихся помещичьих хозяйств в Бугурусланском и Бугульминском уездах наберется две трети.

Можно ли ручаться, что оброк будет уплачен без недоимок? — спрашивает далее Рычков. Чем обеспечивается его уплата? Ручательством мира, — возразят нам. — Что такое «мир»? Несамостоятельная толпа, управляемая небольшим числом лиц богатых или буйных и только существующая надзором помещика не только в исполнении обязанностей к помещику, но даже понуждаемая к радению о собственном хозяйстве. Откажись помещик от этой толпы и предоставь ее самой себе, через два или три года она будет нищая, пьяная и, конечно, не только не будет иметь возможности уплачивать помещику оброк, но едва ли уплатит и государственные подати».

Мы приводим почти полностью это особое мнение главы крепостнической партии, как содержащее, с одной стороны, интересные данные об экономическом положении мелкопоместных имений и наибольшей выгод-

ности для помещиков барщинной системы эксплоатации крестьянского труда по сравнению с оброчной. С другой стороны, в этом мнении содержатся характерные для самовлюбленного и тупого крепостника наивные суждения о крестьянах и крестьянском обществе, которых он считает неспособными просуществовать без помещичьей палки.

Самарин был поборником создания сильной крестьянской общины с обширными правами над личностью своих членов. Обухов в противоположность ему видел спасение помещика в насаждении мелкого земельного собственника-крестьянина. Приводя в пользу своей теории политические соображения, он кроме того пытался доказать хозяйственные преимущества единоличной собственности перед общинным владением. В своих выступлениях и особых мнениях он в общих чертах предвосхитил теоретические основания столыпинской реформы, к которой царское правительство пришло через полстолетия, но уже после уроков революции и аграрного движения 1905 г. Оживленные прения вызвал вопрос о взыскании в пользу помещиков недоимок оброка с крестьянских обществ.

«Либерал» Самарин ради того, чтобы обеспечить помещикам верное поступление оброка, предложил следующий крайне жестокий способ взыскания. В случае накопления значительной недоимки и невозможности погасить ее путем отработок, по его предложению, один из членов крестьянского общества по жребию подлежал сдаче в рекруты. Полученные от продажи рекрутской квитанции деньги шли в пользу помещика на погашение недоимки.

В этом вопросе «либералы», с Самариным во главе, поменялись ролями с крепостниками. Первые отстаивали в интересах помещиков жестокую по отношению к крестьянам меру, а вторые возражали против нее. Они указывали на несовместимость этой меры, восстанавливавшей «торг людьми», с принципами реформы.

По вопросу о будущих размерах крестьянских наделов в комитете происходили особенно длительные и упорные прения. Из этих прений необходимо отметить спор Самарина с представителем крепостнической партии Лопатиным. Последний находил, что существующий земельный надел крестьян можно значительно урезать, так как-де крестьяне настолько ценят предоставляемые им реформой права личной свободы, которые они всегда были готовы приобрести ценой величайших жертв, что удовлетворятся и меньшим против существующего наделом.

Он указывал также на то, что само правительство не требует от комитетов сохранения существующего надела, а только выдела крестьянам достаточного «для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиками количества земли» (рескрипт от 20 ноября 1857 г.).

Самарин пытался убедить своих противников в необходимости сохранить существующий надел. Он утверждал, что приобретение прав личной свободы, которыми крестьяне уже фактически пользовались у всякого «порядочного помещика», не имеет особенно большой ценности в глазах крестьян и не может заставить их помириться с ухудшением их материального обеспечения. На крестьянских сходках, на которых ему приходилось разъяснять сущность предполагаемой реформы, первым вопросом со стороны крестьян был вопрос о сохранении за ними существующего надела. «Без этого, — говорит Самарин, — они не понимают улучшения их быта».

Между тем срок окончания работ комитета уже наступил (25 марта 1859 г.), а работа его еще далеко не была закончена. Пришлось просить у правительства продления этого срока. Отсрочка была дана до 10 мая, но комитет, хотя и вел занятия ускоренными темпами, все же не управился к этому сроку и закончил свои работы только в конце мая.

Редакционная комиссия, которая уже раньше в виду совершенно непримиримых разногласий между своими членами (Самарин и Ив. Рычков) отказывалась работать, была, наконец, переизбрана и приступила в новом составе (Муханов, Обухов и Сосновский) к составлению на основании постановлений комитета «положения об улучшении быта крестьян». Заканчивая свою работу, комитет избрал двух членов, которые должны были ехать в Петербург для разъяснения и защиты в центральных комиссиях его постановлений. Сначала были избраны Ив. Рычков и Обухов (оба представители крепостнического большинства), но так как меньшинство также составило свой проект, а в таких случаях правительство требовало, чтобы один из губернских делегатов принадлежал к меньшинству,—пришлось командировать Самарина и Обухова.

Проект либерального меньшинства в конце концов не так уже сильно отличался от проекта, составленного реакционным большинством комитета. Главные отличия его заключались в следующем: разделение губернии на 6, а не на 7 полос и несколько больший размер нормального земельного надела для некоторых местностей, несколько меньший размер оброка и барщины. Проект меньшинства, хотя и имел несколько более умеренный в отношении ограбления крестьян характер, но и он всюду ставил на первом плане помещичьи интересы.

Меньшинство самарского помещичьего комитета в своем проекте придавало реформе достаточно грабительский по отношению к крестьянам характер. Стоимость крестьянского надела, которую предстояло выплачивать крестьянам, как по проекту меньшинства, так и по проекту большинства, определялась на одних и тех же основаниях и равнялась оброку, капитализированному из 6%.

По существовавшим в то время ценам на землю в Самарской губернии, по купчим крепостям 1860 г. она колебалась от 1½ до 15 руб. за десятину. Принимая среднюю цену десятины по Самарскому и Ставропольскому уезду в 10 руб., мы получим действительную стоимость

крестьянского тяглового надела в 8—10 десятин по уездам, отнесенным к первым 3 полосам губернии, в 80—100 руб., а по другим уездам еще меньше.

Между тем стоимость одного тяглового участка определялась большинством комитета в 416 руб., а меньшинством — в 383 руб. (первые исходили из размера оброка с тягла в 25 руб., а вторые — 23 руб. серебром).

При таком громадном, грабительском выкупе меньшинством и большинством были приняты постановления, направленные к обеспечению помещикам правильного поступления крестьянских платежей. Был выработан и принят целый ряд самых свирепых мер взыскания: конфискация крестьянского хлеба на полях, отдача по годовым контрактам крестьян в работу, сдача от крестьянских обществ за недоимки рекрутов по жребию. Для обеспечения качества работы на барщине, которая должна была сохраниться в первое время срочно-обязанного положения в большинстве имений, оба самарских проекта предоставляли помещику право подвергать за разные провинности находящихся у него на барщине крестьян телесному наказанию.

Работа на барщине должна была производиться по специально выработанному комитетом детальному «урочному положению», в котором были определены нормы выработки по всем главным видам сельскохозяйственных работ и тщательно определена продолжительность рабочего дня в разное время года.

4. ВО ЧТО ВЫЛИЛОСЬ «ОСВОБОЖДЕНИЕ» КРЕСТЬЯН В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Весь материал, полученный в результате работ в губернских комитетах, в виде «положений об улучшении быта крестьян» со всеми необходимыми приложениями, статистическими таблицами и проектом выкупа крестьянских земель поступил в центр на рассмотрение петербургских редакционных комиссий.

Там происходила вокруг каждого вопроса реформы такая же борьба, как и на местах, между крайними крепостниками и более либеральными элементами. Борьба эта особенно усилилась в последней инстанции — Государственном совете, где было много ярых крепостников — крайне реакционных старых царских сановников.

В окончательном виде по закону 19 февраля 1861 г. крестьянская реформа в Самарской губернии очень мало отличалась от проекта, выработанного губернским комитетом.

Самарская губерния подпала под действие «местного великороссийского положения» и была отнесена частью ко 2-й черноземной полосе, частью к 3-й степной (вся территория России, на которую распространялось «великороссийское положение», была разделена на три полосы: первую нечерноземную, вторую черноземную и третью степную). В первой и второй полосе были установлены два размера надела на душу, высший и низший, в третьей степной — только один «указной» размер надела.

В общем была произведена значительная урезка существовавших до реформы наделов.

В черноземной полосе губернии дореформенный надел крепостных крестьян в среднем достигал размеров 5,7 десятины на ревизскую душу, в то время как по «освобождении» высший крестьянский надел опустился до 5,1 десятины, т. е. у крестьян было отрезано в пользу помещиков 11% земли, которой крестьяне пользовались при крепостном праве. В степной же полосе эта урезка была еще значительнее: вместо 9,6 десятины дореформенного надела у них осталось в среднем 8 десятин, т. е. надел был срезан на 17%. Если учесть, что большинство наделов было несколько меньше высшего размера и колебалось в пределах между высшим и низшим и что многие крестьяне переходили на «дарственный» четвертной надел и даже вовсе отказывались от земли, приписавшись в мещане, станет ясно, что площадь крестьянской земли в губернии в общем значительно уменьшилась.

Исчисление выкупной оценки земли в центре в точности совпадало с самарским проектом выкупа (годовой оброк капитализировался из 6%). В общем бремя выкупных платежей осталось и по «положению» совершенно непосильным для крестьян, а размеры — совершенно несообразными с действительной стоимостью земли.

Правительство не допускало даже в столичной печати никакой обстоятельной информации о ходе работ по подготовке реформы; населению приходилось довольствоваться слухами или сообщениями вроде появившегося в номере от 24 декабря «Губернских ведомостей»: «слухи уверяют, что дело об изменении быта помещичьих крестьян перешло из главного комитета в Государственный совет и что здесь наднях будут происходить или уже происходили совещания по этому предмету».

10 марта 1861 г. в Самару прибыл командированный из Петербурга для объявления манифеста и наблюдения за проведением реформы царский флигель-адъютант Гурко. Приезд его в городе вызвал оживленные толки. В тот же день были расклеены объявления о назначенном на завтра во всех церквах чтении манифеста; а «около столбов с объявлениями живо образовались кружки и не было конца толкам».

11 марта, под звуки церковных колоколов, в вознесенском соборе собрались слушать манифест «народ и дворяне, граждане и чиновники». Прослушав манифест и неизбежный в подобных случаях молебен, все мирно разошлись по домам. «Дворяне-землевладельцы довольны были, что окончено дело, а бывшие крепостные спокойно разошлись по домам с верной надеждой на будущее... Да успокоятся злорадствующие пессимисты: ни крестьяне, ни дворовые не бросились в кабаки, не делалось сходок, и по настоящее время все так же спокойно, как было во дни ожиданий. Зрелище назидательное для врагов народа». Так описывается в тех же «Губернских ведомостях» объявление манифеста в Самаре.

«Дворянам-землевладельцам» действительно можно

было быть довольными, а крестьяне не разошлись бы так спокойно по домам с надеждами на будущее, если бы поняли, какую им готовит новую кабалу прочитанный в такой торжественной обстановке манифест. Из пышных фраз манифеста о свободном труде понять этого было нельзя. Для того чтобы уяснить себе действительную грабительскую сущность реформы, нужно было основательно изучить сложный и громоздкий закон 19 февраля, что являлось нелегким делом для темного и безграмотного крестьянства.

Далее следуют официальные восторги чиновничьей газеты: «желанное, ожидаемое, христианнейшее дело окончательно разрешено. Двадцать слишком миллионов человеческих существ получили признание общечеловеческих прав. Двадцать слишком миллионов возвращено гражданскому обществу великого славянского племени. Новые миллионы отныне внесут в сферу государственного хозяйства свободный труд».

Для проведения реформы были созданы новые органы — губернские по крестьянским делам присутствия. В них входили наряду с представителями некоторых учреждений (губернский прокурор и управляющий палатой госимуществ) опять-таки представители дворянства: губернский предводитель, члены присутствия по назначению от правительства и по выбору от местных помещиков. Председателем являлся губернатор.

В состав присутствия попали по назначению от правительства наши старые знакомцы по губернскому комитету: «либералы» Самарин и Д. Рычков. На местах, в уездах реформа проводилась мировыми посредниками (по 3 на уезд) исключительно из местных помещиков. Таким образом весь аппарат, на который было возложено проведение реформы, за исключением губернатора да двух других чиновников в губернском присутствии, состоял из одних помещиков.

На обязанности мировых посредников лежало наблюдение за составлением «уставных грамот» по каждому

имению, в которых точно определялись земельные права крестьян и их взаимоотношения к помещикам. Мировые посредники обязаны были наблюдать за соблюдением уставных грамот и разбирать все бесчисленные конфликты и споры, возникавшие при проведении реформы между крестьянами и помещиками. Во многих случаях мировые посредники не только вводили и утверждали уставные грамоты, но целиком составляли их сами.

Так «освободили» самарские крепостники-помещики крестьян, разорив, ограбив и закабалив их на долгие годы.

5. КАК САМАРСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ ВСТРЕТИЛИ «СВОБОДУ»

Полученное «освобождение» в форме «манифеста 19 февраля» вызвало у крестьян смешанные и разнообразные чувства. Доминирующим мотивом в их настроениях было глубокое разочарование и недоумение, переходившее, по мере того как уясняли они себе самую сущность сложного закона 19 февраля, в справедливое возмущение. Освобождение крестьян от помещиков сопровождалось отрезкой значительной части их прежних наделов. А за ту землю, которую им оставляли, были назначены грабительские выкупные платежи. Самый способ исчисления громадных выкупных платежей показывал, что крестьяне должны платить помещикам не столько за землю, сколько за принадлежавшее им до реформы право пользоваться трудом крестьян.

«Великая реформа» с ее уменьшенными крестьянскими наделами и непомерно возросшими платежами за них загоняла крестьян в кабалу к тем же помещикам. Отсюда недоверие крестьян к объявленной им реформе и упорные толки и слухи среди них о том, что помещики и подкупленная ими полиция фальсифицировали царский манифест. Отсюда чрезвычайное распространение и успех разных «ложных толкователей».

Их словам жадно внимали крестьяне, ожидавшие «настоящего царского», а не «облыжного» или «поддельного» манифеста, объявленного помещиками и полицией. Все это создавало, вполне естественно, почву для возмущения и гнева, вылившихся в ряде крестьянских волнений, происшедших в Поволжье после объявления манифеста 1861 г.

В Пензенской и Симбирской губерниях, где помещичье землевладение было гораздо более распространено, чем в Самарской, произошли крупные крестьянские волнения.

Наиболее выдающееся по своим размерам движение охватило западную часть Пензенской губернии и некоторые соседние селения Тамбовской губернии.

Центром движения было с. Кандевка, Керенского уезда, куда крестьяне собрались массами из соседних деревень.

На севере Самарской губернии, в бывшем Ставропольском уезде, под влиянием происходившего неподалеку в с. Бездне, Спасского района, Казанской губернии, движения, у крестьян создавалось боевое настроение. На сходках обсуждали вопрос о том, как делить и молотить барский хлеб. В толпе говорили, что «дворян нужно резать, вешать, рубить топорами, топоры насадить на длинные колья».

Агитационные речи вдохновителя Бездненского движения, призывавшего крестьян в «истинную волю», носили религиозно-мистический характер, но содержали в то же время вполне реальную, боевую программу. Антон Петров предлагал захват помещичьей земли (помещикам предполагалось оставить «горы да долы, овраги да дороги, песок да камыш, лесу ни прута») и призыв к вооруженному сопротивлению.

«Истинную волю тогда только получите, когда сохраните того человека, который найдет сам ее», — говорил Антон Петров. «Истинная воля до тех пор не дастся, пока не прольется много крови христианской. Крепко-накрепко

Призыв к восстанию в с. Бездне (с карт. худ. Зайцева).

царь приказал того человека караулить денно и нощно, и конным и пешим сохранять от всякой напасти и не допускать до него ни господ, ни попов, ни чиновников»... и даже: «станут вас войском стращать, не бойтесь: никто не смеет бить народ православный без царского приказа. А если дворяне подкупят и будут в вас стрелять, то и вы рубите топорами тех царских ослушников»*.

Жестокое подавление бездненского движения, сопровождавшееся расстрелом 50 человек, изменило обстановку и заставило крестьян затаить свою ненависть к угнетателям помещикам.

Волнения в северной части Ставропольского уезда продолжались, но носили уже более мирный характер и сводились главным образом к пассивному сопротивлению. Крестьяне отказывались работать на барщине и упорно не принимали уставных грамот.

Такого же характера волнения происходили почти во всех других уездах губернии.

Царский флигель-адъютант Гурко доносил царю, что среди самарских крестьян начались уклонения от работы, вызванные неправильными толкованиями манифеста. Сам он признавал в то же время, что нигде не встретил преднамеренного неповиновения крестьян. Он находил, что требования военной силы со стороны помещиков, которым всюду мерещились крестьянские бунты, в большинстве случаев не основательны**. А требования эти сыпались от помещиков со всех сторон. Бугурусланский предводитель дворянства просил даже губернатора ходатайствовать о том, чтобы расположенная в г. Бугуруслане казачья батарея не выступала на лето в лагери. Он имел в виду использовать ее, в случае нужды, для усмирения крестьян.

Губернатору пришлось разъяснить, что такое ходатайство нецелесообразно, так как гражданским властям

---

* «Русская старина», 1904 г. V, 451; там же, III, 304, 312.

** П. А. Преображенский, «Крестьянская реформа 1861 г. в Самарской губернии.

пока не предоставлено права пользоваться артиллерией для усмирения волнений.

Первое, что в «положении» при самом поверхностном знакомстве с ним вызывало возмущение крестьян, была ненавистная барщина. Предводитель дворянства Николаевского и Новоузенского уездов Жемчужников уже 20 марта 1861 г. доносит губернатору: «Имею честь уведомить ваше превосходительство, что во всем почти 11-м стане Николаевского уезда после объявления высочайшего манифеста помещичьи крестьяне стали оказывать непослушание как помещикам, так и вотчинному начальству. В имении графа Воронцова-Дашкова, как мне пишет управляющий, по объявлении им манифеста становым приставом, крестьяне в числе 1362 душ сходкою объявили, что будто бы в городах читали манифест, чтобы помещиков не слушаться и на работы не выходить, а потому прямо становому приставу объявили, что на работу не выйдут, и не выходят и даже не взяли от станового пристава экземпляр высочайшего манифеста, считая его за ложный». Сообщая, что сам он отправляется в имение Воронцова-Дашкова (деревни Грачи и Озинки), предводитель дворянства пишет: «В случае упорства крестьян потребуется военная сила, которой в Николаевском уезде нет. Без содействия же военной силы почти невозможно надеяться прекратить беспорядки в самом их начале, и волнение легко может распространиться и в других местностях Николаевского уезда».

В целом ряде сел и деревень того же Николаевского уезда произошли такие же, по терминологии царских чиновников, «беспорядки», заключавшиеся в том, что крестьяне отказывались работать на барщине. Во многих случаях крестьяне поняли «положение» таким образом, что содержавшиеся в нем ограничения барщины должны соблюдаться с момента объявления манифеста. В действительности они относились к повинностям крестьян, устанавливаемым по уставным грамотам. С момента же объявления манифеста и до введения уставных грамот

по «положению» прежние повинности и трехдневная барщина сохранялись в полном объеме.

Отказ выполнять барщину по требованию помещиков или даже просто выполнение ее в уменьшенном объеме были очень частым явлением в Николаевском, Бугурусланском и других уездах губернии.

Николаевский земский исправник доносил, что такие «беспорядки» происходили, кроме упомянутых уже деревень в имении Воронцова-Дашкова, в следующих пунктах уезда: в с. Хлебниковке, Кисловке, Сперанке, Духовницком, Давыдовке, Озерках, Григорьевке, Николаевке, Марьевке и Нестеровке. В дер. Шеншиновке крестьяне отказались платить оброк. В дер. Кисловке (имение Мордвиновой), кроме отказа от барщины, крестьяне упорно требовали для себя дарственного или, как они выражались, «сиротского» надела, который они считали себя вправе получить без согласия помещицы. В данном случае помещица хотела наоборот навязать крестьянам полный надел и получить за него выкуп.

В Кисловке мировому посреднику и исправнику долго не удавалось «водворить порядок». В виду происходивших там особенно серьезных волнений туда выезжала особая следственная комиссия.

Во всех перечисленных нами селах и деревнях Николаевского уезда, кроме дер. Кисловки, к которой применялись особые меры, усмирение крестьян происходило следующим образом.

Приезжал исправник в сопровождении нескольких полицейских или жандармов и нескольких десятков «понятых», набранных из соседнего села государственных или удельных крестьян. Располагая такой силой, он собирал на сход крестьян мятежного села. На сходе делались соответствующие разъяснения, которые неизменно сопровождались поркой нескольких крестьян.

Если исправнику удавалось обнаружить каких-либо «подстрекателей» или «ложных толкователей манифеста», за которыми полиция охотилась по всей губернии, то они

немедленно арестовывались и отправлялись в николаевскую тюрьму. После этого крестьяне обыкновенно выражали согласие выполнять требуемую от них барщину. Порядок считался восстановленным и исправник ехал дальше в другое село, где действовал в том же духе. По всей Самарской губернии происходили крестьянские волнения, принимавшие наиболее острые формы при введении уставных грамот. К концу 1861 г. губернское по крестьянским делам присутствие констатировало, что «в южной Приволжской местности (особенно в Николаевском уезде) между крестьянами водворилось спокойствие; наоборот, в глухих местах Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского уездов обнаружилось в последнее время брожение. С одной стороны, в некоторых имениях порядок установился, уставные грамоты введены, работы отбываются исправно; с другой — встречалось решительное сопротивление, вызывавшее употребление строгих мер».

В Бугурусланском уезде крестьянские волнения казались, повидимому, царской полиции более серьезными, чем в Николаевском, так как вызовы вооруженной силы там были чаще. Военная сила в виде Башкирского казачьего войска, употреблявшегося царским правительством в целях подавления и устрашения, была у полиции под рукой.

Такое усмирение происходило в Бугурусланском уезде, в дер. Гундоровке. Исправник Третьяков явился туда в сопровождении 25 конных казаков, 10 солдат и 60 «понятых» из с. Успенки. При помощи этой, по выражению одной крестьянской жалобы, «обжорной команды» исправник перепорол 14 человек, арестовал и отправил в бугурусланскую тюрьму двоих «подстрекателей» (Григория Шуряка и Кузьму Борисова).

Название «обжорной команды» сопровождавшие исправника казаки и солдаты получили за то, что исправник оставил их в деревне для наблюдения за крестьянами на 3 дня на полном продовольствии последних. Эта реп-

рессивная мера применялась впоследствии бугурусланским исправником и в других селах. В с. Ключи, Троицкое и Полибино исправник наезжал в сопровождении команды в 50 конных казаков и жил и довольствовался в каждом селе со всеми прибывшими с ним людьми и лошадьми по нескольку дней за счет крестьян.

Всюду метод усмирения был один и тот же. Казаки нагайками сгоняли крестьян на сход, где они получали исправничьи «разъяснения», неизменно сопровождавшиеся поркой нескольких человек, а иногда арестами. Один из мировых посредников Бугурусланского уезда (Еселев) писал в губернское присутствие, что в последнее время (ноябрь 1861 г.) наблюдается особенно часто стремление крестьян получить дарственный надел. Крестьяне считают, что имеют на него право. Убедить их, что они могут получить такой надел только по соглашению с помещиком, мировому посреднику удается с большим трудом. Он просит принять все строгие меры против всяких «возмутителей» и «ложных истолкователей манифеста» и приводит случай с «коробейником» — крестьянином Владимирской губернии Семеном Ивановым. Последний советовал жителям с. Ст. Нагаткино не принимать предложенной им мировым посредником уставной грамоты и требовать дарственного надела. Этот коробейник был арестован, но ретивый мировой посредник советует установить за всеми подобными бродячими торговцами наблюдение, так как, «переходя из селения в селение как будто для торговли, они в действительности могут преследовать совсем другие цели».

Одна из карательных экспедиций, предпринятых исправником с командой казаков, была вызвана тем самым явлением, о котором писал мировой посредник. Крестьяне с. Ключи решительно отказались принять уставную грамоту, по которой помещица Мезенцева хотела навязать им полный надел. Несмотря на все уговоры мирового посредника, они упорно требовали для себя дарственного надела. Желание крестьян получить дар-

ственный надел, который сами они называли не иначе, как «сиротским» или «кошачьим» за его размер, равный $^1/_4$ нормального надела, доказывает, что они хорошо понимали, насколько выкупная стоимость земли установлена выше ее настоящей цены. Не желая попасть в многолетнюю кабалу выкупных платежей, обеспеченных круговой порукой, они предпочитали получить «кошачий» надел, но зато не нести в дальнейшем никаких обязательств. При дешевизне и обилии свободных земель в Самарской губернии расчет их был совершенно правилен.

Исправник доносил кроме того о волнениях в целом ряде сел и деревень Бугурусланского уезда.

В дер. Дмитриевке, в с. Жедрине, Натальине, Никольском, Архангельском крестьяне отказывались работать на барщине и не принимали уставных грамот.

В с. Исаково вызывали военную команду в составе роты резервного батальона из Самары. Эту команду от самой Самары везли на подводах, стоимость которых, составившая довольно солидную сумму в 240 руб., была взыскана с крестьян с. Исакова.

В селах Жедрине и Никольском, как признавал сам исправник, волнения были вызваны тяжелым положением крестьян.

Вследствие неурожая прошлого года хлеба у них не было, а то, что хранилось в запасных магазинах, оказалось растраченным по распоряжению помещиков.

В с. Архангельском (имение помещика Кротова) дело с запасами хлеба обстояло не лучше, но кроме того крепостным рабочим на суконной фабрике уже в течение двух лет не платили жалования.

Один из мировых посредников того же Бугурусланского уезда, Колбецкий, писал в губернское присутствие о распространившихся среди крестьян слухах, что вскоре будет еще царский манифест, по которому они получат волю со всей землей.

Под влиянием таких слухов крестьяне отказывались от соглашений с помещиками и не принимали уставных

грамот. Мировой посредник предлагал вывесить в волостных правлениях объявления о том, чтобы крестьяне не ждали никакого «другого манифеста».

Эта мера, признанная губернским присутствием «неудобоисполнимой», была осуществлена самим царем. Принимая в августе 1861 г. депутацию волостных старшин, он сказал: «Ко мне доходят слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. Исполняйте, что требует закон и «положение». Трудитесь и работайте! Будьте послушны властям и помещикам!» Это назидательное царское изречение было повсеместно опубликовано. Повидимому, слухи о «другой воле» ходили по всей России среди крестьян, которым все еще не верилось, что царь «освободил» их таким грабительским способом.

Наиболее крупные крестьянские волнения, для подавления которых потребовалась военная сила, произошли в селах Бесовке и Никольском на Черемшане, Ставропольского уезда.

Вот что происходило на сходе, собранном мировым посредником в с. Никольском для введения уставной грамоты. Когда мировой посредник Луцкий толковал статьи «положения», на основании которых была составлена уставная грамота, крестьянин Алексей Бардин закричал, обращаясь к сходу: «Это «положение» не царское, а помещичье; нечего его слушать!» Когда же посредник, несмотря на поднявшийся шум, с трудом дочитал грамоту и передал ее старосте, толпа стала напирать на него. «Брось, не бери грамоты!» — кричали старосте. — «Не верьте посреднику! Не надо нам посредника и грамоты!» — выкрикивали со всех сторон.— «Уйдем, ребята, нас обманывают, это «положение» написали господа... До февраля будем работать по-старому, а потом чистая воля!»

Сход стал быстро расходиться, и вскоре около посредника осталось не более 20 человек. После таких неудачных попыток уговорить крестьян, после усмирений

и арестов вводить уставную грамоту в с. Никольском выезжал сам губернатор.

Против многих из арестованных крестьян было возбуждено судебное преследование. Полиция по приказу губернатора усиленно охотилась по всей губернии за «ложными толкователями манифеста» и всеми крестьянами, игравшими сколько-нибудь выдающуюся роль в происходивших волнениях.

Во всех уездных судах и в палате уголовного суда в Самаре шли процессы. Алексея Бардина, Сергея Кузнецова и Ивана Волкова судили за их участие в «беспорядках» в с. Никольском.

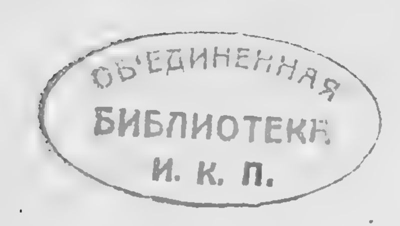
За участие в таких же «беспорядках» и «подстрекательство к неповиновению властям» были преданы суду: крестьяне дер. Гундоровки, Бугурусланского уезда, Григорий Шуряк и Кузьма Исаев, крестьянин с. Суходола, Ставропольского уезда, Иван Керицын, крестьяне с. Павловки, Самарского уезда, Ермолай Васин и Яков Ефимов, с. Богдановки, того же уезда, Николай Александров Елизаров, крестьяне с. Богоявленского, Бугульминского уезда, Алексей Аввакумов и Василий Васильев.

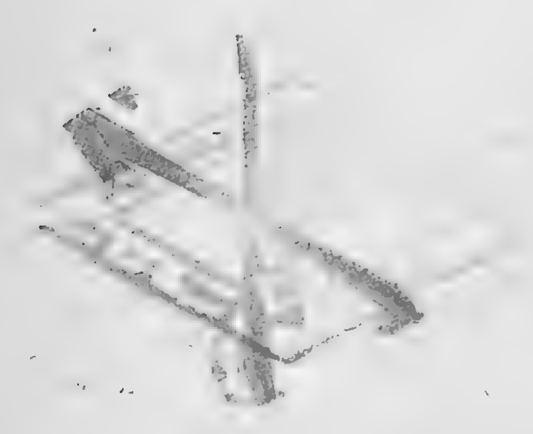
В ложном толковании манифеста обвинялись дворовые: Ксенофонт Зайцев, Василий Чекменев, диаконский сын Кузьма Бурцев, крестьянин Митрофан Еланцев (дер. Кисловка, Николаевского уезда), Семен Иванов (коробейник из Владимирской губернии), сергеевский мещанин Андрей Филатов и ряд других лиц. Большинство из этих лиц было приговорено к тюремному заключению с последующей ссылкой под надзор полиции на разные сроки.

Крестьяне верно поняли обманный, грабительский характер реформы и решительно всеми силами протестовали против нее.

Крепостникам-помещикам, начавшим с торжественных молебнов и громких фраз о свободном труде крестьян, пришлось заканчивать «освобождение» розгами и нагайками.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ'ЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.

р. 75 к.
р. 60 к.

